

Азад
Авликулов

САРАТАН

ПОВЕСТИ

Издательство
литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1978

Авликулов Азид.

Саратан: Повести. А. Авликулов. Т.: Изд. лит. и искусства, 1978. С.—216 с.

В книгу Азада Авликулова «Саратан» включены его новые повести «Саратан» и «Побратим».

В центре повести «Саратан» — нравственные проблемы: человек и его отношение к обществу, к товарищам по работе. Автор показывает благотворную роль коллектива в перевоспитании героя повести Сабира Каюмова.

Повесть «Побратим» воскрешает незабываемые страницы Великой Отечественной войны и жизнь узбекского села в трудные послевоенные годы.

Ўз2

А $\frac{70303-170}{352(06)-78}$ 62—78

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978 г.

САРАТАН

ПОВЕСТЬ

Глава первая

Сарыгуль — желтый цветок. Кишлак Сарыгуль стоит на высоком берегу реки Сурхан, у подножья горного хребта Боботаг. Такое имя получил он в те незапамятные времена, когда вся земля вокруг каждой весной покрывалась ярко-желтым одеялом цветущей сурепки и служила отличным ориентиром для караванщиков «шелкового пути».

Сейчас о сурепке и не вспоминают — исчез желтый ковер. Вокруг кишлака раскинулись поля хлопчатника, люцерны, плантации шелковицы, а дома утопают в зелени садов. Изменился старый кишлак. Теперь Сарыгуль и не узнать — на месте глинобитных мазанок, веками вставших в землю, встали типовые дома под шифером, улицы и тротуары оделись в асфальт, а арыки потекли по бетонным желобам, и теперь не растет по их берегам изумрудная майса, отчего весь кишлак приобрел вид маленького города.

Главное богатство кишлака — конечно, «белое золото» — хлопок. Только у Сарыгуля это «золото» не обычное, а, как говорится, высшей пробы — тонковолокнистое. Требуется этот хлопок и ухода особого. Сколько по-та прольет дехканин, прежде чем окажется на ладони его полновесная коробочка с белоснежным шелковистым волокном. Но воздается за нелегкий труд дехканину сторицей — щедро платит ему государство. Особен-

но ясно видит это сарыгулец, когда приходит время расчета. Люди здесь живут богато, изобильны их дастарханы. Как-то партийный секретарь колхоза Халим-ака Бегматов, добродушный пожилой человек с седыми обвислыми, как у Тараса Бульбы, усами, решил подсчитать, сколько же в кишлаке собственных машин и мотоциклов. Владелец машин он перечислил довольно легко, а вот на мотоциклах споткнулся. И теперь, если спросит у него об этом приезжий корреспондент, отвечает степенно:

— Так много, что и не сочтешь...

Это произошло в Сарыгуле минувшим летом. Саратан только начался. Выгоревшую траву на адырах¹, подступивших к окраине кишлака, разметал свирепый «афганец» — водится в наших краях такой ветер, после которого адыры напоминают издали сбившихся в кучу, наголо остриженных овец. Кажется, гнал чабан отару на водопой к заснувшей вдали реке, а отара неизвестно почему остановилась да так и застыла, словно бы окаменела.

Так вот, саратан только наступал. Стоял один из его первых дней. Обычно бирюзовое небо уже с утра покрылось легким налетом ржавчины, чтобы к полудню цветом своим сравниться с плавленной медью.

Было около одиннадцати часов, время, когда зной набирает силу, когда земля вокруг превращается в раскаленный тандыр². Прячутся звери и птицы. Молчаливо стоят деревья — не шелохнется ни единый лист. Даже неугомонные шустрые воробьи исчезают куда-то — лишь к вечеру появятся они и будут кружить стаями там, где устроились враги хлопчатника — паразиты.

---

¹ Адыры — предгорные холмы.

² Тандыр — глиняная печь для приготовления, главным образом, лепешек, устанавливаемая во дворе.

Поэтому и называют их хлопкоробы нештатными агрономами — энтомологами.

В это время в тень полевых станов собираются дехкане, на краях хлопковых карт застывают культиваторы. Наступает тишина, от которой иногда звенит в ушах.

Вот в этот-то, можно сказать, совсем неподходящий час по проселку с дальнего поля в сторону кишлака торопливо шагал высокий, стройный парень лет двадцати пяти. Пряди вьющихся волос в беспорядке падали на мокрый лоб, закрывали глаза, и потому он часто резко откидывал голову назад. Одет парень в синий замасленный комбинезон, штанины заправлены в брезентовые, цвета земли, сапоги — в таком «наряде» ходят почти все механизаторы кишлака.

Сабир Каюмов — бригадир первой в колхозе комсомольско-молодежной бригады комплексной механизации. А повод, по которому спешил в контору он, чтобы оттуда уже поехать в районный центр, был значительным. Полчаса назад, когда Сабир обходил соседний с полевым станом участок, в бригаду, оказывается, приехал на «газике» шофер секретаря парткома и предупредил готовившего обед Пулата, что бригадира срочно требуют в партийный комитет — его будут утверждать сегодня на бюро райкома. Шофер незамедлительно умчался обратно, хотя чего бы проще, кажется, — подождать Сабира и забрать его с собой, чтобы не пришлось ему идти по самой жаре километра четыре, а то и больше.

И это разозлило Сабира. Пока дошел до кишлака — не раз помянул он шофера недобрым словом. «Ну и безголовый же тип. Неужели ума не хватило! Теперь вот тащись, жарься на этом пекле». Но «высказавшись» таким образом по поводу «типа», Сабир не почувствовал облегчения и переключился тогда на колхозного парторга. «И этот хорош! Скажите на милость, кто мешал сообщить мне о заседании бюро вчера вече-

ром, когда я целый час проторчал в конторе и сто раз попадался ему на глаза?!»

Сабир шел быстро, вытирая пот с лица прямо рукавом. Снова и снова мысленно он «прорабатывал» шофера и его шефа.

Но вот, наконец, он добрался до дома. Когда, умывшись и одевшись как на праздник, Сабир появился в партийном комитете и увидел, что и сам Халим-ака сидит как на иголках, поскольку шофер, уехавший еще за одним кандидатом — мирабом¹ Култаем-ака, как в воду канул, он несколько остыл, хотя недовольства своего скрыть так и не смог. Секретарь парткома глянул на хмурое лицо Каюмова и, забыв о собственных волнениях, поспешил успокоить его:

— Не расстраивайся, Сабирджан. До начала бюро есть еще свободное время — часика два, походи отдохни в саду. Как только Тухта приедет — позову тебя.

Сабир вышел в сад. «Только одному аллаху ведомо, на каком из арыков сейчас находится поливальщик Култай-ака, — подумал он. — Потому, наверное, Тухта не стал ждать меня». Он сел на краю чорпан², прислонившись спиной к стволу чинары, вытянул ноги и закрыл глаза. Дорога утомила его, и он, кажется, вздремнул. А может, и не было этого? Только услышал вдруг легкие шаги, которые мог бы узнать среди десятков других — шаги жены своей Адолат. Тут уж он притворился крепко спящим. Сабир чувствовал, как жена осторожно подошла к нему, как, нагнувшись к самому уху, прошептала:

— Са-а-абир-ака.

Сабир вздрогнул, якобы от неожиданности, открыл глаза и произнес, сладко потягиваясь:

— Это ты, Адолатхон?

---

¹ М и р а б — распределитель воды.

² Ч о р п а я — деревянная кровать.

— Волнуетесь?— спросила она тихо.

— Надо волноваться, джаным,— поучительно ответил Сабир, поборов в себе желание «выговорить» жене за то, что не умеет скрывать своих чувств. Как спокойно, как равнодушно она произнесла сейчас этот вопрос — «волнуетесь?». Во всяком случае так ему показалось. Он возмущился в душе. А вслух сказал:

— Войти в кабинет первого секретаря райкома партии — все равно что в темную комнату. Нужно ступать осторожно, чтобы не споткнуться.

— Вы не споткнетесь,— произнесла Адолат с иронией,— не упадете, не расшибетесь. Я знаю, Сабир-ака, вы никогда не падали, всегда были осторожным.

Она обращалась к нему почтительно — на «вы».

— Ты, что ж, хочешь, чтобы я падал, ходил в синяках?— недовольно спросил он.— А осторожность... Она, по моему, еще никому вреда не принесла. И потом...— Он задумался.— В последнее время ты частенько понижуешь. Может быть, я оказался не тем, за кого ты меня принимала?

«Да, Сабир-ака,— мысленно согласилась с ним Адолат,— не тем. Смелый, находчивый и справедливый рыцарь моего сердца оказался лишь красивым портретом на Доске почета, за который я, ослепленная счастьем, не заглянула и не увидела паутины и пыль». Но она промолчала. А тут очень кстати появился Тухта. Сабир поднялся. Сделал несколько шагов и остановился.

— На дороге ничего не скажешь?

— Ни пуха ни пера, Сабир-ака,— Адолат заставила себя улыбнуться, как прежде, год назад. Тогда эта улыбка для Сабира была словно сияние солнца.

Он тоже повеселел:

— К черту!..

Всю дорогу до районного центра бригадир молчал. В машине было жарко, душно. Может быть, еще и от этого мысли были такими тяжелыми. Что же все-таки

происходит? Вроде бы не ссорятся они с женой, вроде бы все как прежде. Но откуда же тогда это чувство — будто отдаляется от него Адолат, будто растет меж ними незримая стена?

Два года назад, когда они с Бахтияром вернулись в Сарыгуль с дипломами учителей и в первый же вечер пошли в кино, встретила им Адолат с подругами. Сразу же, не сговариваясь, решили они «набиться» после фильма в проложатые.

— Так я же вас хорошо знаю,— воскликнул Сабир, обращаясь к Адолат, когда они уже вместе возвращались домой.— Помнится, вы учились на один год позже нас, верно?

— Верно,— ответила радостно Адолат.

— А чем же занимаетесь сейчас?

— Учусь в институте народного хозяйства.

— О-о, это здорово! Плановик?

— Экономист. В следующем году кончаю.

Бахтияр в разговор не вмешивался. Почему-то он терял способность говорить при девушках. Ну, а Сабир заливался соловьем. То рассказывал о забавных случаях из своей студенческой жизни, то подшучивал над другом, называя его великим молчальником, то брался рассуждать о современной философии и политике. Словом, в тот вечер он сумел показать себя и веселым, и умным парнем. И это окончательно покорило Адолат, хотя и Бахтияр ей тоже нравился. Но уж очень он был замкнут и ершист.

В ту ночь Адолат долго не могла уснуть, вспоминая каждое слово, каждую шутку Сабира. Давно уже, еще со школьной скамьи, вздыхала девушка по нему. Еще бы! Отличник, спортсмен! А красив — девчонки заглядывались. Она тогда и думать не могла, что придет такое время, и кумир старшеклассниц назовет ее своей избранницей.

Сабир и Бахтияр тоже в тот вечер были взволнова-

ны, долго не могли расстаться. Сабиру нужно было поделиться с кем-то своей радостью. Как он восхищался «кроткой газелью» Адолат! «Такую можно взять и в подруги жизни»,— заключил он свой восторженный монолог.

— Девушка не вещь, чтобы взять ее,— заметил тогда Бахтияр. Он тоже думал об Адолат, но старался скрыть это.

Адолат и в самом деле была хороша. Тоненькая, хрупкая, она держалась скромно, но в то же время с достоинством. Чувствовалось, что в человеке прежде всего она ценит искренность, честность. Бахтияр и сам был таким. Стройная, как тополек, с двумя толстыми косами, небрежно брошенными за спину, Адолат показала тогда девушкой, предназначенной ему судьбой. И потому особенно сильно задела его грубые слова друга:

— Все, что покупается, вещь. А в кишлаке и жена покупается, даже если у нее высшее образование. Посватайся я сегодня к ее папаше, он такой калым заломит!

— Ты же не знаешь эту семью, зачем зря наговариваешь?

— Может быть, скажешь, что еще кое-кто не берет калым за невест?

— А ты, я вижу, все на деньги переводишь!— вспылил Бахтияр.

На резкую реплику друга Сабир ничего не ответил. Некоторое время шли молча. Наконец Сабир сказал примирительным тоном, хотя и не считал себя виноватым:

— Зря ты, Бахтияр, горячишься! Я просто считаю, что деньги — важная в нашей жизни вещь. Конечно, если они заработаны честно.

— Не надо больше об этом,— предложил Бахтияр, чувствуя, что дальнейший разговор будет не в пользу Сабира. Ведь всем известно, что отец Сабира, Каюм-бобо,— ох как жаден до денег. Каюм-бобо и из дехкан-то

ушел в райводхоз мирабом только потому, что там можно было вдоль больших каналов выращивать дыни и арбузы, а потом продавать их на базаре. И никто там не учитывал, сколько у тебя этой земли, сумеешь — хоть сотню гектаров засевай.

...Дома к сообщению Сабир отнеслись настороженно. По словам родителей, отец Адолат был мало того, что неудачником, так еще и демагогом. Сам ничего не сумел нажить, да еще и других за это упрекает. Однако же, узнав, что Адолат заканчивает институт и станет скоро в колхозе экономистом, они сразу смягчились: «Колхозный экономист — да это же величина! Такую девушку грех не взять в дом».

— Но во всех случаях, сын мой,— заключил Каюмбобо,— тебе нужно сделать так, чтобы люди не смогли сказать: «О каком Сабире речь идет? О том, что женат на Адолатхон?» Они должны говорить: «А-а, так она жена того самого, знаменитого Сабира?!» Это будет по-мужски...

Получив родительское согласие, Сабир стал действовать решительно. Он находил повод для встреч с Адолат. Приглашал ее в кино, на концерты приезжих артистов. Когда девушка осенью уехала в институт, у них уже, как говорится, все было решено.

Со дня свадьбы прошло около года, и вот появилась первая тень в их отношениях, хотя самому ему казалось, что для этого нет никаких оснований. За год совместной жизни он ни разу не обидел ее, не сказал грубого слова... Так что же все-таки происходит?

... В райкоме партии все оказалось гораздо проще, чем предполагал Сабир.

Сначала он, как и другие, ждал в приемной. Но вот уже почти всех вызвали, а он все ждет. Сабир стал волноваться. «Забыли обо мне. Или, может быть, бумаг каких-то не оказалось в деле? От Халима-ака всего можно ждать. Забыл... А может...» Уже и раньше не раз

приходила ему в голову эта мысль. А что если спросят его в райкоме — почему это учитель, пусть даже и биологин, стал бригадиром? Агрономов, что ли, не хватает? Учитель обязан воспитывать будущих хлопкоробов, а хороших учителей, да особенно мужчин, их как сейчас не хватает школе. Недаром в последнее время пишут об этом центральные газеты — детям, особенно мальчикам, нужен пример в лице сильного мужественного человека. Ведь высказал же все это ему Бахтияр, самый верный друг.

Полгода назад, когда Сабир решил бросить преподавание, Бахтияр, только что вернувшийся из армии, прямо заявил:

— Не верю, что делаешь это из любви к земле. Просто сейчас в большом почете комплексные бригады. Тут тебе и слава громкая, и деньги немалые. А труд учителя — он ведь незаметен. Там не скоро почета заслужишь! Да и чтобы заслужить его, кристально чистым человеком надо быть.

— Выходит, я конъюнктурщик? — уточнил Сабир.

— Не хотел говорить этого слова... Ты страстно жаждешь славы и потому уходишь! Другой правды нет!

Сабир угрюмо молчал. Как не крути, а друг прав. В сущности, он действительно пошел в бригады из-за выгоды. И путь такой подсказал ему отец. «Ты не хуже любого из этих орденосцев Шаймарданов, сын мой. Джигит с умом и силой! Сейчас все внимание на селе комплексной механизации уделяется. Кому главный почет и уважение? Хлопкоробу-механизатору. Значит, нужно стать им. Здесь ты сможешь добиться многого. А учить ребятшек, как различать бабочек по цвету крыльев, дело нехитрое». Да. Забыл, видимо, отец, что когда-то примерно в то же самое время говорил о профессии учителя. «Иди, сын, в пединститут учиться, — наставлял он только что закончившего школу Сабира, — учитель — самый уважаемый в кишлаке человек. А где

уважение, там и выгода». Видно, что Сабир усвоил уроки отца. И вот теперь все хвалят его за смелость, и лишь Бахтияр, как это ни горько признавать, увидел то, что было спрятано в самой глубине души — истинные мотивы ухода из школы.

...Сабир нервно закурил. «Нет, надо собраться. Вызовут — а я бог знает о чем думаю». Из приемной вышел сняющий Култай-ака. Сабир скептически посмотрел на него: «Тоже мне чудак, решил стать партийным перед самой пенсией!»

— Тебя, Сабирджан! — Култай-ака указал на дверь.

Сабир вошел в кабинет и под пытливыми взглядами присутствующих окончательно растерялся. В голове стало как в пустом кувшине — один только звон. Словно бы откуда-то издалека донесся до него шепот Халима-ака:

— Сядь!

Сабир сел. Секретарь парткома посмотрел на него ободряюще и произнес:

— Товарищи члены бюро! Биография Каюмова — необычна. Этот молодой человек, имея высшее образование, трудится в колхозе на самом ответственном участке — стал бригадиром бригады комплексной механизации. Перед ним стоит ответственная задача: доказать скептикам, что и тонковолокнистый хлопчатник можно выращивать с помощью комплексной механизации. Правление колхоза и партийный комитет не ошиблись, вручив ему судьбу этого важного дела. Положение в бригаде Каюмова отличное. Мы просим утвердить решение парткома о приеме Каюмова кандидатом в члены КПСС.

Партком-бобо, как чаще называют Халима-ака в колхозе, отошел от стола, успев шепнуть Сабиру:

— Встань.

Тот поднялся и выжидающе посмотрел на присутствующих: он ждал вопросов и мысленно перебирал в

памяти параграфы устава, однако ж его спросили о делах.

— Сколько гектаров закреплено за бригадой?— Это интересовало первого секретаря райкома Тохтасынова.

— Семьдесят,— тихо ответил Сабир.

— Семьдесят,— громко повторил с места Халим-ака.

— Ваши обязательства?

— Собираемся дать по сорок пять центнеров с гектара.— Сабир стал говорить спокойнее — все смотрели на него одобрительно, слушали с интересом. «Нет, кажется, не будут задавать нежелательного вопроса — почему ушел в механизаторы».

— Они,— снова подал голос Халим-ака,— решили весь урожай собрать машинами. Весной и сам Каюмов, и все члены его бригады окончили краткосрочные курсы механиков-водителей, так что...

— Молодцы! А сколько вас в бригаде?

— Пятеро,— ответил Сабир уже бодро. Он окончательно понял, что члены бюро настроены благожелательно, и стал держаться свободнее.

— Еще раз молодцы!— воскликнул Тохтасынов, поднявшись с места.— Вот это настоящее понимание требований времени. Ну, что ж, биография у парня стоящая. На таких энтузиастов нужно равнять молодых! Думаю, нашей газете стоит рассказать об инициативе Каюмова и его друзей. Не сомневаюсь, у них найдутся последователи в других хозяйствах района.— Секретарь подошел к Каюмову, крепко пожал руку.— Сабирджан, члены бюро поздравляют вас. Мы надеемся, что и впредь вы останетесь инициативным человеком. Желаем успеха!

...Было уже около четырех часов. Казалось, что даже потемневшие листья урючины, под которой он сел на деревянную скамейку, излучали тепло. Розы, что росли в цветнике рядом, съжились и осыпались. Сабир сидел притихший, радостный. С удовольствием мысленно повторял все, что сказал о нем секретарь райкома.

— Ну что, можно поздравить?— спросил неожиданно появившийся Тухта. Был он потный, рубаха прилипла к телу — такое впечатление, что не машину вел, а бегом бежал. Да и то сказать — туговато жару с этаким-то откормленным животом переносить.

— Спасибо.— Сабир подвинулся.— Садитесь, ака.

— О чем спрашивали?— поинтересовался тот, присев.

— Больше о делах.

— Ну и правильно. Что тебя по уставу гонять, если диплом в кармане. Ясно, что и так знаешь, верно?

— Верно,— нехотя ответил Сабир. Разговаривать не хотелось. Одно желание — молча посидеть, спокойно обо всем подумать. Но шофер, как видно, был расположен поболтать.

— Начало положено, Сабирджан, а это — главное. Дальше пойдет как по маслу. Будет у тебя, брат, все.

Сабир насторожился. Похоже, что и этот с виду простодушный человек о чем-то догадывается.

— Что «все», ака?

— Деньги, ордена, машина!— воскликнул Тухта.— Новая «Волга», как у Шаймардана. А что еще нужно джигиту?! Жена-красавица, образованная. Ради такой стоит постараться — орден получить. Вот мне уж не до славы — многочисленных своих детей бы прокормить. Ну да и мы хлеб не без масла едим,— и он заговорщически подмигнул Сабиру.

У того сразу испортилось настроение — сначала жена дала понять, что не считает, что оставить школу было благородно, теперь этот почти в открытую говорит о его поступке как о далеко не бескорыстном шаге, зря, что ли, речь завел об орденах да о машине.

...В кишлак возвращались, когда уже сгустились сумерки. Все изрядно устали, особенно Халим-ака, просидевший в душном кабинете почти пять часов. Сабир, глядя на полную, сутулую спину шофера, думал о том,

что нелегко, видно, тому приходится с «кучей» детей.. Ведь всех их вырастить нужно, к делу приучить. А работает-то он один.

Дети... Он вспомнил свой давний спор с Бахтияром еще в институте. Сабир утверждал, что современные кишлачные ребятишки, точно так же, как и городские, ничего не смыслят в сельских делах, а об обычаях и традициях и вовсе забыли. Бахтияр долго и горячо доказывал, что друг заблуждается. А потом вдруг неожиданно предложил проверить — так ли это — во время первой же практики в школе.

— Что ж, я каждому экзамен устраивать должен?

— Не каждому, а сразу всему классу. Потеряй один урок, дай детям задание написать ну хотя бы все, что они знают о саратане.

— Идея,— согласился Сабир. И вместе с Бахтияром воплотил эту идею в жизнь.

Тридцать ответов на старательно написанных листках рассказали не только о том, что дети в курсе всех важнейших событий кишлака, доверчиво и трогательно раскрывали они мир, в котором живут ребята.

«Саратан — самое жаркое время года,— написал один,— в это время тают снега в горах, и потому вода в арыках мутная. Сувчи¹ считают, что два полива такой водой стоят десятка из водохранилища».

«В саратан появляются апстята».

«В такую жару отец переходит с водки на кок-чай»..

«Комбайны убирают пшеницу, а в огородах высаживают уже вторую капусту».

«Мой папа говорит, что саратан, словно огонь в доменной печи, выжигает в человеке «мусор».

«В саратан набирает силу хлопок. Мама и папа приходят с работы поздно, уставшие, но зато радостные»..

---

¹ Сувчи — поливальщик.

— Ну что?— спросил тогда Бахтияр.

— Сдаюсь!— поднял обе руки Сабир.— Видно, нам чаще надо вот так по душам беседовать с детьми, лучше и ближе будешь их знать.

Глава вторая

Часто стала задумываться Адолат. О чем? Да о многом. О том, например, что быть женой, как говорится, хранительницей семейного очага, совсем не так просто, как рисовало ей когда-то ее девичье воображение. Если бы только обязанности жены ограничивались тем, чтобы вкусно накормить мужа, вовремя приготовить ему чистую рубашку. Но ведь жена должна еще быть и помощницей во всех начинаниях мужа! Как только Адолат доходила до этой мысли — сердце ее отчего-то тревожно сжималось.

Адолат пыталась понять, откуда оно в ней, это тревожное чувство? Ведь, кажется, нет никаких серьезных причин для волнений! С удивлением посматривает последние дни на нее Кадыр-ака — главный экономист,— и о чем так грустно думает Адолат?

Вот и сегодня. Как обычно, придя на работу, она разложила перед собой многочисленные книги и журналы учета, поставила поудобней маленький столик со счетной машинкой, приготовилась «окунуться» в цифры. Цифры, цифры. Своей особенной жизнью они живут. Вот они расположились столбиком, а вот выстроились лесенкой, как строчки стихов Маяковского, а то вытянутся гуськом, как вагоны длинного железнодорожного состава. А за цифрами этими — люди, их дела, их успехи и просчеты. Однажды, увидя, как Кадыр-ака, вконец запутавшись в каких-то расчетах, швырнул раздраженно бумагу в ящик стола, тяжело вздохнул и, поднявшись, вышел за дверь — покурить, она подумала: «Ну и надо-ели же, наверное, эти цифры «главному» за двадцать с лишним лет!»

Но когда Адолат задала этот вопрос вошедшему и уже совершенно успокоенному Кадыру-ака, то уже только по одному взгляду его поняла, что совершила глупость.

— Что бы делало человечество, если бы не придумали цифры,— ответил он с достоинством,— государства развалились бы как стены, сложенные без раствора.

Адолат улыбнулась этому наивному сравнению, но в душе согласилась с шефом. Она-то ведь тоже любила свою работу, и преданность, с которой Кадыр-ака относился к делу, всегда вдохновляла ее.

Главный экономист — мужчина крупный, солидный. Ему лет за пятьдесят. Лицо — одутловатое, будто бы отекшее. Нос большой, с горбинкой, толстые губы, как у негра, и круглый подбородок. Но самое удивительное во всем его облике, конечно, глаза — круглые, как у рыбы. Работает этот человек неторопливо. Порой Адолат охватывает нетерпение, ей хочется взять у него из-под рук форму и быстренько заполнить самой. «Классический образец флегматика,— думает она,— ему бы быть посланцем Азраила¹, тогда люди жили бы лет по двести...» Но то, что бывало сделано Кадыром-ака, никогда не нуждалось в проверке. Тогда как у нее уже столько ляпов случилось!

... Итак, журналы, бланки разложены, счетная машинка — ее электронный помощник — включена в сеть, а Адолат сидит в задумчивости, подперев голову рукой. «Каково сейчас ему там, в поле,— думала она о муже,— ведь отвык он от тяжелого физического труда. Вот, скажут дехкане, интеллигент худосочный!»

Ей страстно захотелось, чтобы справился муж со своей нелегкой «ношей». Чтобы доказал, что и интеллигенты могут с честью в колхозных передовиках ходить. Но тут же она вспомнила разговор с Сабиром,

---

¹ А з р а и л — ангел смерти у мусульман.

происшедший спустя несколько дней после того, как он оставил школу.

— Так как же меня зовут, хатынджан¹?— спросил муж.

— Сабир-ака.

— Нет, без «ака»?

— Сабир.

— Вот видишь: великий! Я обязан оправдать свое имя. Стану если не великим, то хотя бы знаменитым. А ведь ты знаешь, я настойчив. В школе был таким. И в институте.

— Сабир — терпение,— тихо сказала она.

— Терпение — сабр. А Сабир — слово арабское, и оно означает великий. Уж это-то, милая, я знаю хорошо!

— Помню, в школе вас называли кайсаром²?

— И правильно называли. Я и был таким,— как это говорят сейчас?— настырным. Уж если хотел что-то доказать — добивался своего. Было у нас в классе несколько «зубрилок» — в отличниках ходили. Решил — чем я хуже. И несколько лет похвальные грамоты получал. А в десятом классе? Не многие могли попасть на Доску почета, лучшие из лучших. И я сказал себе — буду самым лучшим.

Да, это она помнила. Частенько подходила Адолат к этой Доске почета и любовалась фотографией красивого чубатого парня. «Я и полюбила-то сначала фотографню», — вдруг пришла ей сейчас невеселая мысль.

А Сабирджан между тем продолжал:

— Люди должны услышать обо мне! — Эти слова он произнес словно клятву, казалось, они обращены не к ней, а к кому-то другому, тому, кто сомневается в его способностях.

---

¹ Х а т ы н д ж а н — ласковое обращение к жене.

² К а и с а р — настырный.

— А вы тщеславный, ака,— сказала Адолат. Впервые муж высказался перед ней так откровенно.

— Это здоровое тщеславие, дорогая. И потом, признайся, разве тебе хочется, чтобы я ходил в «среднячках»?

— Все зависит от того, какими путями вы пойдете к вершине.

— Важен результат, дорогая!— воскликнул он.— Ты не согласна?

... Как же он резко изменился, перейдя в бригаду. Раньше был внимателен, нежен. Теперь разговоры только о работе, о земле, комбайнах. И лейтмотив этих разговоров — «я». «Я сделал, я добился». «Резко изменился? А может быть...— ей страшно было довести свою мысль до конца.— Может быть, он и был таким, да не увидела я этого, не поняла?»

Месяц назад Сабир вернулся вечером радостный.

— Сделан очень важный шаг,— торжественно объявил он еще с порога.— Меня приняли кандидатом в члены партии.

«Когда это он успел?— подумала Адолат.— Почему мне ничего не сказал?» С обидой спросила:

— А что ж молчали, ака?

— Знаешь, я и сам не вполне был уверен, всякое могло случиться. Ну, а теперь, после того, как партийное собрание приняло...

— А что могло случиться, Сабир-ака, я вас не понимаю?— перебила она мужа.

— Ничего особенного, хатынджан, все в порядке. Просто хотел сделать тебе сюрприз.

Он чего-то не договаривал, Адолат сразу почувствовала это. Значит, и его тревожит что-то...

Она задумчиво глядела в окно, позабыв о работе.

— Чем занимаешься, сестренка?— спросил Кадыр-ака, придя с перерыва немного позже ее.

— Готовлю сводку для райса¹,— ответила Адолат,— он на бюро едет.

— Бюро — вещь серьезная,— неспешно проговорил Кадыр-ака, усаживаясь на свое место.— Пожалуй, я сделаю это сам, а ты...— он уставился на нее круглыми глазами,— иди-ка в сад. Там тебе Халим-ака подарок приготовил.

Адолат протянула ему через стол «шпаргалку» председателя — блокнот, в который тот вписывал все данные, и выбежала в сад. Сразу же увидела мужа, сидевшего на чорпае. Муж ждал машину, чтобы отправиться в район на заседание бюро райкома.

Наверное, в таких случаях полагалось бы жене какое-то доброе напутствие сказать. Но не было почему-то в ее душе в этот момент добрых слов.

Так и не работала она толком в этот день, а сидела и перебирала в памяти день за днем совместной жизни с Сабиром.

После свадьбы молодожены некоторое время жили у родителей Сабира, в большом каменном доме, двор которого был огорожен высоким дувалом. Им выделили небольшую, с отдельным входом, комнату. Свекровь стремилась показать себя заботливой матерью, которая печется о благополучии всех членов семьи. Но Адолат сразу же поразила атмосфера этого дома — в нем был недостаток, но не было уюта. Того уюта, который создают не дорогие вещи, а теплые искренние отношения. А вот этого-то как раз и не было. В семье больше всего ценилось «умение» жить, хорошо устроившись. Нет, здесь не чуждались труда, черной работы. Но только такой труд считался полезным, что сулил солидный доход. Адолат не могла долго выдержать. Сославшись на то, что отсюда уж очень далеко до конторы, уговорила мужа оставить родителей. Правление выделило им небольшой домик недалеко от конто-

---

¹ Р а и с — председатель.

ры, одному аллаху известно когда собранный из финских деревянных щитов. Зимой в нем было холодно, как на полюсе, а сейчас, в дни саратана, жарко, словно в раскаленном тандыре. Лишь вечером, когда в небе зажигаются звезды, Адолат открывает окна настежь. и сквозняк гуляет по комнатам, остужая их, дает возможность свободно вздохнуть обитателям. У нее теперь две крошечные комнатки и кухня, а двора так и вовсе нет. Тот клочок земли, на котором торчат два тала под окном, не двор, а насмешка. Но для Адолат и этого пока казалось много.

— Ничего,— поспешил высказать свое мнение по этому поводу Сабир, когда они переселились сюда.— Я со временем такой дом отгрохаю, который будет стоять десятки лет, хватит не только внукам, но и их детям.

— Да зачем же нам строить свой дом?— удивленно спросила Адолат.— Вот заслужим, и даст нам колхоз квартиру в коттедже.

— Квартиру?! Эх, не умеешь мыслить широко. Не в квартире ты у меня будешь жить — в особняке!..

Да, когда Сабир говорит о работе — только и слышишь — я да я. Но если речь заходит о семье — на первом месте у него — ты, тебя. Любит он ее, для нее, видно, и старается так.

А она? В последнее время не видит муж ни поддержки от нее, ни сочувствия. У Сабира сейчас такая горячая пора. Одно слово — саратан. И поливать нужно, и прополку вести и «шербет» давать растениям. А людей в бригаде — раз, два и обчелся... Нельзя, наверное, так. Нельзя.

Придя домой, она решила — приготовлю-ка хороший ужин. Хоть чем-то порадую мужа. Вытащила из холодильника продукты, разложив их на столе, стала нарезать морковь для плова, приговаривая:

— Ах, вы не признаете, уважаемый Сабир-ака, моих кулинарных способностей? Не доверяете приготовление плова, считая, что это дело мужское! Но я вас сегодня удивлю! Если на бюро все обошлось благополучно, значит, вы придете домой не одни, с друзьями. Поэтому риса положу на две пиалы больше...

В Сарыгуле принято все радостные события отмечать в кругу друзей, а Сабир, при всем своем умении беречь копейку, в таких случаях проявлял щедрость. Он считал, что и гостеприимство должно «работать» на авторитет. Хлебосольного хозяина уважают больше.

Занявшись делом, Адолат позабыла о своих тревогах. Уже было довольно поздно, когда распахнулась дверь и раздался голос Сабира:

— Входите, ребята!

Проводив гостей в комнату, он заглянул на кухню, обняв жену, нежно прижал ее к груди.

— Вот уж теперь-то поздравь меня, родная!

И вдруг неизвестно отчего на глаза ей набежали слезы.

— Поздравляю,— сказала она и ласково погладила ладонью его по лицу. В эту минуту он показался ей прежним Сабирджаном.

— У нас найдется что выпить, или мне сбежать в магазин?

— Есть. Есть кое-какие припасы...

— Умница ты у меня, джангинам¹! Не зря ребята завидуют.

— Так уж и завидуют?

— Точно! Я же чувствую, когда мы вместе где-нибудь появляемся...

«Ох, как же давно этого не было»,— вздохнула Адолат, когда Сабир вышел из кухни. Давно нигде не бывают они вместе. Все одна да одна...

---

¹ Джангинам — роденькая.

Глава третья

В гости пришли Пулат, Равшан и Бахтияр. Пулата и Равшана Сабир застал в правлении, а Бахтияра встретил случайно, когда тот возвращался из школы. В последнее время редко виделся он со своим другом историком. После возвращения Бахтияра из армии Сабир постеснялся приглашать его в дом отца — Бахтияр не любил семью Каюмовых. А тут вскоре Сабир ушел из школы. И ему самому стало некогда забегать к другу. Пулат и Равшан работали с Сабиром в одной бригаде.

Ребята расположились на мягких курпачах, брошенных на ковер. Круглый полированный стол — подарок брата Адолат к свадьбе — отодвинули к окну, а на его место поставили низенький столик, который в кишлаках называют хантахтой. Накрыли его ярким сатиновым дастарханом, что водится в каждом узбекском доме и вытаскивается из сундука для самых желанных гостей. Настольную лампу приспособили таким образом, чтобы сноп света падал на середину хантахты и стоящие на ней бутылки, пронизывал золотыми бликами хрустальные рюмки. Вся остальная часть комнаты была погружена в полумрак и, в общем-то пустая — в ней кроме круглого стола и диван-кровати ничего не было, — она казалась сейчас уютной. На большом столе стоял портативный магнитофон, принесенный Равшаном. Приглушенная мелодия шашмакомов наполняла комнату.

Адолат вошла в комнату с чайником свежего кокчая и заметила, что беседа гостей вдруг оборвалась, хотя только что на кухню доносились взрывы смеха. «Анекдоты рассказывали, негодники», — подумала она, ставя чайник перед мужем. По взглядам мужчин она определила, что им не терпится, чтобы хозяйка вышла, видно, хотели дослушать до конца рассказ. Адолат

спова отправилась на кухню, где уже подходил плов.

Ох уж эти мужчины! Она вспомнила первую студенческую осень и Гульчехру, самую старшую из девушек их комнаты. Гульчехра к тому времени уже знала кое-что о жизни — ведь она дважды выходила замуж и оба замужества оказались несчастливymi. С тех пор и не могла терпеть мужчин Гульчехра. «Не верьте, девочки,— говорила она подругам,— сладким речам. На самом деле мужчины грубы и эгонстичны». «Гульчехра, неужели ты была права?»—с грустью подумала Адолат.

— Ну что, шеф-повар, как плов?—спросил, появившись на кухне, Сабир. Он приоткрыл крышку казана.

Адолатхватила на кончик ложки немного риса и подала мужу:

— Сделайте, уважаемый Сабир-ака, свое заключение и казните или милуйте свою жену...

— Пять с плюсом,—сказал Сабир, пожевав рис.— Плов высшей категории, джаным¹. Только выложить плов из казана — тоже искусство. Лучше мужчины этого никто не сможет сделать. А ты займи гостей.

— Хорошо,—согласилась Адолат и, взяв со стола блюда с салатом, пошла в комнату.

Чем же их занять, о чем расспрашивать? Вот флегматичный дородный Равшан. Он любит выпить и поесть. С ним, пожалуй, можно потолковать о достоинстве того или иного блюда. Худощавый и смуглый Пулат, главный тракторист бригады,—прекрасный семьянин. Ничего более приятного не сделаешь для него, если станешь расспрашивать о жене, детях. Ну, а Бахтияр... «Человек, который может претендовать на место в истории»,—в шутку говорят о нем в

---

¹ Джаным — родная.

школе. И в школе, и в кишлаке к учителю относятся с уважением. За что? Адолат пыгливо смотрела на Бахтияра. Он улыбнулся и, обращаясь к товарищам, сказал:

— Вы не заметили? В комнате стало немного светлее.

— Да, да,— подхватил Равшан,— даже можно свет выключить... наша хозяйка прекрасна, как молодая луна.

Взгляд Бахтияра был пристальным и — о, женщины это чувствуют мгновенно — нежным.

В памяти Адолат этот парень остался таким, каким она знала его по школьным годам: слыл он ершистым — попробуй задень, да и в драках частенько принимал участие. Не то что Сабир. Тот драки и споры стороной обходил. Они репутацию могут испортить. Каким же Бахтияр стал теперь? Муж иногда иронически говорит о нем — «правдонскатель». Месяца три назад она встретила Бахтияра случайно возле дома своих родителей. Вышла из калитки, а по ту сторону улицы не спеша, вразвалочку идет Бахтияр. Он тоже увидел ее. Подошел.

— Салам алейкум, Адолатхон.

— Салам, Бахтияр-ака,— ответила она и, глянув на него, смутилась. Да. И тогда тоже, это она хорошо помнит, в глазах его была... нежность.

— Ну, как поживаете, келин¹? Счастлив ли мой друг Сабир?— спросил Бахтияр.

— Спасибо, хорошо,— ответила Адолат.

А он улыбнулся, и улыбка эта была доброй и какой-то доверчивой.

— Вижу, вижу, что живете прекрасно. Похорошели, расцвели. Дай вам бог счастья!

---

¹ Келин — невестка. Часто употребляют как обращение к жене друга.

...— Ребята, освобождайте место на столе!— закричал Сабир, появившись в дверях с подносом дымящегося ароматного плова.

Равшан неторопливо, словно бы нехотя, начал убирать со стола бутылки, причем делал он это так, вроде бы думая, а стоит ли? Пришел на помощь Пулат — и Сабир, наконец, поставил блюдо и сел рядом с женой.

— Ну, друзья! Впредь прошу все заявки насчет плова направлять Адолат. Ученица превзошла учителя! Ошпаз¹ высшего класса!

И опять почувствовала на себе Адолат изучающий взгляд Бахтияра.

— Выпьем за радость семьи,— сказал он, поднимая рюмку,— это ведь и ваша радость, не так ли, келли?

Адолат кивнула. Долгое пребывание возле плиты разгорячило ее лицо. А тут еще пристальный взгляд Бахтияра смущал, заставлял краснеть. Не принято в кишлаках пожирать чужую жену глазами, даже если она писаная красавица.

— Ладно, бригадир,— сказал Равшан громко,— пусть тебе сопутствует удача, как это было до сегодняшнего дня. Выпьем за это, друзья!— Он опрокинул в себя содержимое рюмки одним махом и, не ожидая приглашения, ловко захватил пухлыми пальцами горсть риса и отправил ее в рот.— Плов нужно есть только руками,— заключил Равшан, прожевав огромную порцию,— а ложки... они только вкус портят, плов ложкой может лишь интеллигент есть.

— На вашей свадьбе мне не пришлось побывать, и, наверное, судьба правильно сделала, иначе... Пью за ваше счастье.— Это вновь говорил Бахтияр.— Да, кстати, хочу дать справку о ложках — когда-то они

---

¹ Ошпаз — повар.

произвели в быту наших предков-узбеков самую настоящую революцию.

И тут вступился Пулат:

— Ты, Равшан, не очень-то интеллигентов задевай. Не забывай, что и среди нас, работяг, есть люди с дипломами.— И он выразительно посмотрел сначала на Сабир, потом на Бахтияра.

Бахтияр пил маленькими глотками, не спеша. Увидев, что Адолат наблюдает за ним, Сабир шепнул ей:

— Ты одним глотком, как Равшан. А Бахтияр... Он любит пооригинальничать.

Она вняла совету мужа и чуть не поперхнулась. Рот обожгло, на глаза навернулись слезы.

— Сразу закусывай,— сказал Сабир, подав ей ложку с салатом.— Коньяк такая вещь — выпил и тут же, не дыша, закуси!

— Не слушайте его, Адолатхон,— проговорил Бахтияр.— Это он вам о спирте говорит. Коньяк — напиток нежный, требует к себе уважительного отношения. Пейте маленькими глотками, и тогда по достоинству оцените его букет.

На некоторое время установилась тишина. Плов действительно был отменный, и гости ели с большим удовольствием. Выпили еще по одной. Адолат прикрыла свою рюмку рукой. Равшан было начал настаивать на том, чтобы и она «повторила», но Бахтияр остудил его пыл:

— Ты, Равшан, мало того, что себя, словно бочку, накачиваешь, так еще норовишь и других к возлияниям приобщить.

Все засмеялись, а Сабир заметил:

— Ну и злой же язычок у тебя, друг.

— Что верно, то верно,— согласился Бахтияр.— Язык мой — враг мой. Так говорил один умный человек. Не могу заставить себя держать язык за зубами, хотя частенько из-за этого страдаю, так было и в школе,

и в институте, и даже в армии. Все, скажем, идут после отбоя спать, а для меня находятся полы, которые следует помыть. В крайнем случае, картошка, которую иногда чистишь чуть ли не до самого утра. И все из-за языка своего.

— Постой-ка, дружище,— вдруг прервал его Сабир,— а что это о моей свадьбе ты заикнулся?

— Да так, к слову пришлось. Просто поблагодарил судьбу, что она не дала мне возможности побывать на ней.

— А если бы судьба распорядилась иначе?

— Э, кто знает... Может, и увел бы невесту, как говорится, из-под венца. Жаль было доверять такой нежный цветок твоему кактусовому саду. Но,— поднял он руку, видя, что Сабир весь напрягся,— так я думал прежде. Теперь по Адолат вижу, что заблуждался. Расцвела роза в твоём саду. Однако мы отвлеклись, ведь собрались-то совсем по другому поводу. Расскажи, лучше, Сабир, о своих делах.

— Интересно,— подал голос Пулат, все время молчавший,— как проходило бюро, ведь и нам предстоит это испытать.

— Вся бригада будет коммунистической, что ли?— спросил Сабир.

— Коммунистами или коммунистической?— уточнил Бахтияр.

— Ребята должны стать коммунистами, ну, а бригада завоюет, я уверен, звание коммунистической.

— Ты так говоришь об этом, бригадир, словно уже все рассчитал, а ведь вступление в партию не планируют. Это приходит к человеку, я не побоюсь этого сравнения, как любовь — высокая и чистая. Однажды и навсегда.

«В его словах есть правда,— невольно подумала Адолат.— Да, этот человек не поддакивает, не лицемерит, говорит, что думает. Как верно он сказал —

кактусовый сад, имея в виду дом Каюмовых. В доме том скорее сад янтака¹».

— Кстати, о делах, давайте закругляться,— предложил Равшан,— ведь завтра у нас рабочий день, бригадир.

— Что вы, ака,— всплеснула руками Адолат,— посидите еще.

— Рахмат, келинджан,— сказал Бахтияр,— лично мне прошу разрешить уйти, с утра у меня экзамен. А плов у вас был отменный. И вообще — мирно, уютно в вашем доме.

— Вот и заходите почаще,— искренне обрадовалась Адолат.

— Постараюсь.

— Может, ты переночуешь у нас?— спросил Сабир.— Чего тебе в полночь через весь кишлак тащить-ся, а?

— Спасибо, пойду,— ответил Бахтияр и, поднявшись с курпачи, прошел к свету. Коренастый, чуточку пониже Сабира, но пошире в плечах, он стоял на ковре, словно изваяние, с застывшей усмешкой на губах.— Пойду я, друг. Надо немного голову охладить. А ночь — самое подходящее для этого время. Вы только взгляните на нее.

Все вышли во двор. Ночь и в самом деле была изумительной. На темно-синем небе мерцали яркие звезды. Дорога дедушки Саманчи — Млечный Путь — перечеркивала его широкой белесой полосой: будто и в самом деле рассыпался там саман из гигантского канара! Вдали возвышалась черная ломаная линия Боботага, на самой ее вершине светился костер чабана.

— Завтра пораньше в бригаду, ребята,— сказал Сабир Равшану и Пулату, прощаясь с ними.— Смотрите, не проспите! Тебя, Бахтияр, я провожу немного.

---

¹ Я н т а к — верблюжья колючка.

— До свидания,— сказал Бахтияр и нежно пожал руку Адолат.— Извините, если что не так, келли.

— Да будет вам,— ответила она.— Захаживайте почаще, мы всегда будем рады.— Она и не заметила, что все еще держит свою руку в его. Ей стало неловко — что может подумать Сабир. И Адолат резко, как от горячих углей, отдернула руку.

— Прощайте, Бахтияр-ака...

Когда Сабир вернулся, Адолат уже спала. Он сегодня очень многое хотел сказать жене, поделиться мечтами, которые уже виделись ему воплощенными в жизнь. И сегодняшний день был важным шагом к их осуществлению. «Пусть спит,— решил он,— успею еще поделиться. А игра в честность, которой Бахтияр бравирует... это выдумка для чудаков, пусть они и тешатся ею...»

Но Адолат не спала, она лежала и против воли думала о Бахтияре. «Бахтияр-ака похож на Гульчехру. Такой же простой, хоть и колючий. Как бы хотелось иметь такого друга. Он бы понял мою душу, мои тревоги, дал бы правильный совет... Но что это? Я так серьезно о нем думаю, словно... Нет, нет, просто он мне нравится за бескорыстность, за правдивость. Сабир — деловой человек, а Бахтияр? Кто же он? Несудачник, как он сам выразился? Бахтияр — значит, счастливый. Судя по тому, что он сегодня рассказывал, счастье обошло его...»

Глава четвертая

Адолат, как и все кичлачные женщины, просыпалась рано. Вставала с восходом солнца, когда в Сарыгуле начинают доить коров. Ей нравилась роль хозяйки, особенно здесь, пусть в скромном, но «собственном» домике. Она прибирала в комнате, готовила завтрак. Двигалась неслышно, чтобы не разбудить мужа.

А Сабир... Он, как правило, тут же просыпался, но делал вид, что спит, терпеливо дожидаясь, пока жена тихо подойдет, нежно проведет своей маленькой ладошкой по его лицу.

— Подъем, Сабир-ака!

Он стремительно вскакивал с кровати, как солдат по боевой тревоге — это его сравнение, — выбегал во двор и делал зарядку. Позавтракав, оба отправлялись на работу. Сабир провожал ее до конторы, хотя и было ему это совсем не по пути. Вечером, возвращаясь из школы, непременно заходил за ней, и они, счастливые, шли домой. В кишлаке не приняты «нежности» на людях, но для Адолат такое отношение мужа было осуществленным ее мечтой. Ведь пора, чтобы и в кишлаке люди не стеснялись своих чувств.

А вот теперь все изменилось. Став бригадиром, Сабир позабыл о знаках внимания. Что же поделаешь, если муж стал хлопкоробом! Хлопчатник — куда капризнее жены. Но сознавая это, Адолат долгое время не могла свыкнуться с тем, что просыпается одна, завтракает одна и на работу идет одна.

Вот и сегодня. Когда она проснулась, над Гиссаром едва появилось багряное зарево, отблески которого, пробившись сквозь листву талов, заглянули в окно и плясали зайчиками на стене. Где-то еще пел опоздавший протрубить рассвет молодой петушок, голос его был тоненьким, с хрипотцой. По дороге рядом с домом, грохоча, проносились автомашины и тракторы с прицепами. Адолат вышла в комнату. Здесь после вчерашнего пира все оставалось нетронутым, только сдвинутым на один конец стола. На освободившейся половине дастархана стоял пузатый фарфоровый чайник, накрытый вчетверо сложенным махровым полотенцем. Каждое утро Сабир, уходя на работу, оставлял вот так чайник, чтобы жене не приходилось заваривать новый. Адолат же, как всякая истинная узбечка, люби-

ла чай свежий, горячий, чтобы он обжигал губы. И потому каждое утро выливала остатки чая, оставленного мужем, и заваривала себе новый. Но всякий раз, когда она проделывала это, ей казалось, что Сабир может вернуться и, застав ее за этим занятием, чего доброго, обидится.

Рядом с чайником лежала записка — это тоже уже стало традиционным с тех пор, как Сабир ушел из школы. «Родная, я вернусь поздно. Если хочешь, сходи в кино». Адолат пробежала глазами по строчкам и спрятала в ящик записку, где уже собралось порядочно таких «произведений». «Скоро можно будет издавать отдельной книгой», — подумала она с грустной улыбкой.

Солнце катилось пока еще по гребню Боботага, но уже было жарко. Тропка, бегущая вдоль полного, до краев, мутного арыка, была сыроватой, мягкой, и потому Адолат шла как по ковровой дорожке. Автомашин и тракторы уже разъехались по своим делам, и в кишлаке стояла тишина, казалось, мир блаженствует перед наступлением зноя.

Кадыр-ака, как всегда, уже сидел за столом. Круглые очки в золотой оправе висели на самом кончике мясистого носа и словно бы повторяли своей формой его глаза. «Уж не подшутили ли над стариком в «Оптике», удружив ему именно такой оправой», — весело подумала Адолат.

В обязанности ее входило составление ежедневной сводки о ходе полевых работ. На столе уже лежали помятые, а то и замасленные листки, собранные вчера вечером у бригадиров. Адолат начала чертить форму, а когда Кадыр-ака оторвался на минуту от своих бумаг, заметила:

— Вы как, мой Сабир-ака, на работу рано приходите.

— Привычка, — ответил шеф. И улыбнулся. — Утром

голова свежая. Все великие люди работали по утрам. Вот и Сабирджан тоже...

Что «тоже», Кадыр-ака не сказал, но она сама продолжила мысленно его фразу — «пробивается в великие».

— Кстати, как у него партийные дела?

— Приняли.

— Поздравляю! Он очень умно сделал.

— Почему, ака?

— Не нужно подробностей, сестренка. Раз я говорю, значит, так оно и есть,— сказал старик и с силой, словно бы досадуя, нажал кнопку счетной машинки.

Господи, да что же это такое? Который человек уже вот так намеками разговаривает с ней. Неужели не только ей, но и другим видно, что Сабирджан... Адолат смутилась, опустила глаза. Она мучительно соображала, каким же словом хотел назвать Кадыр-ака действия ее мужа. Найдя это слово, она произнесла его против воли, на что Кадыр-ака тут же среагировал:

— Конъюнктурщик? Это ты о ком?

Адолат смутилась еще больше:

— Просто вспомнилось слово.

— Если ты так о Сабире,— понял происходящее в ее душе Кадыр-ака,— не спеши с выводами. Люди в его возрасте ищут себя, а это нелегкое дело, сам знаю. Этот парень далеко пойдет, так что держись за него, сестренка!

— А я и не собираюсь разводиться, ака,— шутливо ответила она,— конечно, если муж и здесь, как вы говорите, не ищет...

— Дураком будет. А насчет развода... Сейчас молодежь пошла не та, что раньше, чуть что не так — в суд с заявлением.

«Ну, нет,— решительно подумала Адолат,— будь что будет, но в суд с заявлением я не пойду. Эх, Гульчехра,— вспомнила она свою подругу,— как ты мне сейчас

нужна! Ты бы обязательно что-нибудь придумала, посоветовала! А так... даже близкого человека нет, кому можно открыть душу. Ведь и до сих пор многие считают, что повезло мне ужасно — такого парня отхватила. А каково мне с этим парнем!» Она помнит, с какой завистью говорила о Сабире ее школьная подруга Биби-нор, которая сразу же после десятилетки выскочила замуж и успела уже обзавестись целым выводком детей, — «он у тебя целеустремленный».

Зазвонил телефон и вернул Адолат к действительности. Кадыр-ака поднял трубку.

— Это тебя Халим-ака вызывает.

В кабинете секретаря парткома сидел незнакомый парень. На столе перед ним лежал фотоаппарат.

— Наша Адолатхон,— представил ее гостю Халим-ака,— член комитета комсомола, закреплена за бригадой Каюмова.— Затем повернулся к ней.— Акрамджан, корреспондент областной газеты! Тебе нужно с ним проехать в бригаду Сабира. Возьми мою машину. Долго там намерены пробыть?— спросил он у гостя.

— До вечера, пожалуй. Хочется как можно больше узнать о бригаде.

— Тогда попрошу машину вернуть, а часам к семи я ее пришлю за вами.

— Меня это устраивает,— согласился корреспондент.

... Отчетно-выборное комсомольское собрание проходило в начале марта. Ее единогласно избрали членом комитета комсомола. Такое доверие комсомольцев обрадовало ее, но она не знала, как воспримет это ее муж — не очень-то любил Сабир, когда жена занималась общественными делами.

— Я буду приходить уставшим,— сказал ворчливо он,— а тебя дома нет. Где? На бюро райкома комсомола. На заседании комитета. На репетиции кружка художественной самодеятельности. А я? Неужели ничуть меня не жаль?

Может быть, и мнение Сабира сыграло не последнюю роль, когда Адолат решительно отказалась стать секретарем комитета. Но главная причина была, конечно, не в этом. Адолат не была уверена, что справится со столь ответственным делом. И тогда как члена комитета комсомола ее закрепили за молодежной бригадой Сабира Каюмова, дескать, муж и жена — два вола в одной упряжке. С другой стороны, каюмовская бригада — детище колхозного комсомола, ей особое внимание и поддержка. И кто лучше может знать положение в ней, как не жена бригадира, как не экономист?

Пока ехали по пыльному проселку, Акрам расспрашивал о бригаде: давно ли она создана, по чьей инициативе, что можно сказать о бригадире, о других членах бригады, как комитет комсомола помогает Каюмову. Она отвечала обстоятельно, все, что знала.

— Сабирджан — ее муж, — вмешался в разговор шофер, — так что, как видите, комсомол его не забывает.

— Вот как?! — удивился Акрам. — Что же вы молчали? Это просто замечательно! Знаете, как я обыграть этот факт! Скажите, а не вы ли уговорили мужа пойти в бригаду?

— Нет, уговаривать не пришлось, сам пошел, — ответила Адолат, нахмурившись.

— Но вы и не возражали, надеюсь?

— Это не такой простой вопрос, и он, скорее всего, касается лишь нас, нашей семьи.

— Но мне очень важно знать — одобряете ли вы его шаг?

— Не знаю, ака.

— Понятно, не успели, как говорится, еще осмыслить происшедшее?

— Видимо, так, — согласилась она, подумав.

Вдоль дороги с обеих сторон стояли шелковицы. После сезона выкормки шелкопряда новые листья только от-

растали, они были еще нежными, прозрачно-зелеными, как весенние. То тут, то там на хлопковых картах трещали культиваторы, а рядки растений казались изумрудными строчками, вышитыми по коричневому фону. Впереди высились величавые лысые холмы, а над ними и над головой простиралось блекло-голубое, словно выгоревшее, небо. За машиной вился шлейф сероватой пыли, которая проникала и в кабину.

— Часто посещаете бригаду, Адолатхон?— спросил корреспондент.

— Раза два, три была...

— Так мало?

— Работы много. Колхоз большой, а в отделе нас только двое...

... Это было зимой. Сабир с товарищами возил со станции минеральные удобрения. В свободную минуту заскочил в контору, пригласил к себе на участок Адолат. Всю дорогу он радостно делился с ней своими надеждами и планами. Говорил с чувством гордости. Еще бы — бригады комплексной механизации на тонковолокнистом хлопчатнике еще в районе не было. Сабир стал пионером этого дела. Дорога оказалась трудной, машина еле пробиралась по ее глубоким ухабистым колеям. Поля бригады раскинулись на окраине владений колхоза, почти под самыми адырами. Землю эту освоили только в прошлом году, когда удлинили русло канала, и потому вся округа была еще дикой. Старые хлопковые поля окружали стеной шелковиц, а здесь их пока не успели высадить.

— Ничего,— словно угадал ее мысли Сабир,— мы разведем здесь фруктовые сады, чтобы кишлачные мальчишки приходили сюда лакомиться фруктами и не боялись при этом получить заряд соли в мягкое место.

— Правление не разрешит этого, Сабир-ака, заставит посадить шелковицу, потому что листьев и так не хватает.

— Ну что ж,— согласился муж,— шелковицу так шелковицу. Важно другое — земля здесь отличная, раньше пасли в этих местах овец, и она удобрена, такую землю надо использовать с умом!

Адолат и сама видела это. Перевернутая лемехами плугов, земля лежала, ослепляя блеском жирных пластов. Кое-где еще белел снег, а на краю поля, возле бетонного арыка, строители уже ставили полевой стан.

— Стан наш будет образцовым,— похвастался Сабир,— со всеми удобствами. Душевая, комната отдыха, кухня, детский сад.

— А детский сад зачем?— удивилась Адолат.

— Появятся же у нас когда-нибудь дети,— рассмеялся Сабир.

«Да. Сабир может быть хозяином — умным, по-деловому расчетливым,— подумала тогда Адолат.— Может, зря я подозреваю его в корысти. Ведь в конечном-то счете он делает все это для пользы колхоза, кншлака».

— Вам, Адолатхон, нужно бывать в этой бригаде хотя бы через день,— оторвал ее от воспоминаний Акрам.

— Это еще зачем?— вновь вступился Тухта.— Делать в бригаде идут хорошо.

Машина шла уже по участку бригады. Справа насыпь канала, а слева расстилались поля. Хлопчатник был рослым, он почти закрывал землю сплошным зеленым ковром. На тех участках, где шел полив, струйки воды под лучами солнца напоминали золотые стрелы, тысячи стрел. За поворотом показался и полевой стан, легкое белое здание, разделенное широким айваном. Возле стана на берегу арыка зеленели молодые тропля, а между ними курчавилось несколько кустов винограда. Гостей встретил Равшан, он был дежурным.

— О! Добро пожаловать,— приветствовал он гостей, направляясь к машине. Неспешно поздоровался со всеми за руку.— Прощу в тень, сейчас позову бригадир.

Обычно медлительный, Равшан вдруг засуетился,

словно хозяйка, к которой пожаловали нежданные гости. Улучив момент, тихо спросил у Адолат:

— Кто это?

— Журналист.

— Я так и подумал,— сказал он и отправился в поле. Остановился и крикнул издали:— Смотрите, чтобы соус не подгорел!

Адолат махнула ему рукой, а корреспондент заметил:

— Забавный парень, такой увалень — на стряпуху похож.

Она улыбнулась. Действительно, Равшан напоминал тех поваров, которых часто рисуют в «Муштуме». Толстый, идет мелкими шажками, словно бы плывет. Ему еще бы передничек!

— Давно знакомы с Сабиром?— продолжал расспросы Акрам. Видно, был он дотошным, во всем хотел докопаться до сути.

— Всю жизнь почти, ака. Еще со школы.

— И дети уже есть? Нет?! Ну так непременно будут! А как вы думаете, почему ваш муж решил стать хлопко-робом?

Она смутилась. Что ответить?! Не выкладывать же совершенно постороннему человеку свои сомнения.

— Вы же знаете, как нужны колхозным полям образованные, грамотные люди,— ответила Адолат как-то неуверенно.

Она прошла на кухню и через минуту появилась с чайником и пиалами. Акрам помог развернуть дастархан и разложил лепешки. Вскоре пришел Сабир, обросший, похудевший. Он поздоровался с Акрамом, представился.

— Вы мне и нужны,— сказал Акрам.

— Сначала еда, потом беседа,— ответил Сабир,— а может быть, хотите душ?

— У вас и эта роскошь имеется?

— У нас есть все необходимое, чтобы колхознику легче работалось.

— Что ж, лучше один раз увидеть, чем несколько раз услышать.— Акрам встал с чорпан и пошел за бригадиром в душевую, сколоченную из больших листов шифера. Она стояла на той стороне хирмана, где осенью должны ссыпать хлопок.

Пока гость и хозяйни мылись, появились и другие ребята. Сразу стало шумно. Тешабай и Хайиткул были поливальщиками и потому пришли босыми, с засученными до колен штанами. Они ждали своей очереди в душевую.

Адолат принесла из кухни вилки. Равшан принялся накладывать еду на тарелки.

— Не знали, что такой гость придет,— сказал извиняющимся тоном Сабир, выходя из огорода с ведром огурцов и помидоров.— а то, конечно, встретили бы по-настоящему! Может, Пулатджан, махнешь на мотоцикле в ближайший магазин?

— Гость, пришедший сам,— дар божий,— сказал Акрам,— а гость по приглашению... наказание божье. Так говорят в народе?

— Тогда... тысяча извинений, э...

— Акрам,— тихо подсказала Адолат.

— Прошу вас, Акрамджан!

Адолат показалось, что муж не просто гостеприимен, а занескивающе гостеприимен. И стыдилась этого. Но Сабир думал иначе.

«Первое впечатление много значит. Надо показать, что в бригаде все делается на высшем уровне».

Обедали молча. Ребята проголодались, было не до разговоров.

— Теперь бы чайку зеленого,— сказал Равшан, первым отодвинувшись от дастархана.— А потом и вздремнуть можно.

— Я заварю,— сказала Адолат и, взяв чайник, хотела пойти на кухню.

— Сидите, Адолатхон,— обращаясь к ней вдруг на «вы», сказал Сабир.— Что вы? Разве столько мужчин

позволят хлопотать одной женщине! У нас, кстати, дневальным сегодня — Равшан.

— Дневальный? Я вижу, тут армейские порядки! — воскликнул Акрам. — В каких частях служили, Сабирджан?

— Не пришлось служить, — ответил Сабир, — родители старые, кормильцев нет, не взяли.

«Как это «кормильцев нет»? — задала себе вопрос Адолат. — Сестры взрослые, и свекор еще работает! Да там один огород пять семей может прокормить!»

— Ну, все равно, то, что у вас здесь армейская дисциплина, хорошо.

— Без порядка и дела не будет.

— Правильно. С таким порядком не стыдно комсомольского шефа принимать, даже если это и жена бригадира, — сказал Акрам.

— Жена она мне дома, а на работе — товарищ.

— Неплохо, когда женщина и дома товарищ, — улыбнулся Акрам.

— Вы не правы, Акрамджан. Жена дома — это любимая, а не товарищ, правильно, Адолатхон?

«Нет, не правильно», — мысленно не согласилась с ним Адолат, но промолчала.

Равшан принес чай и убрал дастархан. Пулат начал разливать его в пиалы и первую подал гостю. Тот, приняв ее, поставил перед Адолат. Сабир посмотрел на Пулата и осуждающе покачал головой: мол, что ж ты, ведь женщина здесь...

— Можно начинать? — спросил Акрам, вроде бы не заметив упрека бригадира. — Рассказывайте, Сабирджан.

— О чем?

— О себе, о товарищах. Как учились, чем увлекались, о чем мечтали? Какие планы на будущее?

— Родился я здесь, в Сарыгуле, — начал Сабир. — Отец всю жизнь был гидротехником в райводхозе, он и сейчас там работает. Учился в кишлачной школе, затем

поступил на биофак Ташкентского пединститута. Вернулся опять в свою школу, только уже преподавателем, год проработал там, а затем решил попробовать себя и в этом трудном деле. Вот и все.

Но Акрам умел общаться со своими будущими героями. Он таким образом задавал вопросы, что человек постепенно раскрывался.

— В кишлаке дети, можно сказать, растут в поле. Я с детства видел, как мучительно это — собирать хлопок руками, особенно тонковолокнистый. Коробочки у него жесткие, острые. Пока канар наполнишь, все руки обдерешь. А вот теперь сам осенью выведу машину на участок — и тонковолокнистый дождался своего часа.

— А как вы в школе учились? Вы уж извините, нашего брата-журналиста малейшие подробности интересуют.

— Отличником был,— ответил за него Равшан.— Я даже слышал, что ребята за это однажды поколотили его.

— За то, что был отличником?

— За то, что был любимчиком.

— Было такое,— неохотно проговорил Сабир.— А разве я виноват, что учителя выделяли меня среди других?

— Награды есть?

— Нет пока.

— Надеетесь?

— Доброе намерение — половина успеха, Акрамджан.

— Тоже верце...

Акрам стал беседовать с другими членами бригады, но и Сабиру не давал покоя, спрашивая его то о том, то о другом. Затем, как говорится, бросил вопрос на середину круга:

— Сколько хлопка хотите дать с гектара?

— По сорок пять центнеров,— ответил за всех бригадир,— на бюро я дал это слово.

— Вся работа ведется по правилам агротехники, конечно?

— Иначе нельзя. Сейчас самое главное — сохранить цветы на кустах. Если они не опадут в саратаи, потом им уже ничего не страшно. Правда, нас беспокоят и сорняки, частые поливы погнали их в рост, но думаю, что тут нам помогут комсомольцы.

— Комплексная механизация на тонковолокнистых сортах хлопчатника — новое дело в республике. Наверное, это сознают в комитете комсомола?— спросил Акрам у Адолат.

— А как же,— пришел на помощь жене Сабир,— наша бригада в поле зрения партийного комитета, не говоря уже о комсомоле...

Бригадир посмотрел на часы, давая тем самым понять, что наступила пора снова приниматься за дело. Акрам решил поработать с Сабиром на тракторе, чтобы, как выразился журналист, увидеть инцидатор в деле.

Тешабай и Хайиткул отправились на дальнее поле продолжать полив. Пулат и Равшан вели подкормку растений. Адолат осталась на полевом стане. Она прошла к арыку, села на берегу и, разувшись, опустила ноги в воду — так жара почти не ощущалась.

Посидев немного на берегу, Адолат прошла по полю. Кусты хлопчатника доставали ей почти до пояса, а ярко-желтые и бело-розовые лепестки цветов были прозрачны, как стеклышки. От каждого куста веяло прохладой и свежестью, рядки уходили вдаль ровные, словно бы уложенные по линейке. У самой земли росла трава, которая осенью может стать серьезной помехой для хлопкоуборочных машин...

Сабир с Акрамом вернулись на полевой стан, когда солнце уже шло к закату. Адыры окрасились багрянцем, далеко внизу в синей дымке лежала зеленая долина

Сурхана, рассеченная белой извилистой полосой, казалось, уснувшей реки. С полей повеяло прохладой.

— Домой сегодня не приду,— сказал Сабир, обращаясь к Адолат.— Ребята уже несколько ночей работают. С поливами не управляемся.

— Понимаю,— кивнула Адолат.

— Сейчас самое время и поработать,— Сабир намекал, что пора гостям и уезжать.

Его поняли правильно. И не стали задерживаться. Домой Адолат попала часам к девяти, уставшая от жары и поездки. Выпив чаю, легла спать.

Но сон не приходил. «Почему журналист уехал таким разочарованным?!» Он и не скрывал от Адолат своего разочарования. Неужели за один день этот человек увидел и понял то, на что ей понадобились месяцы?

— Вы чем-то недовольны?— спросила она Акрама, когда они возвращались в кишлак.

— Прошу прощения за откровенность, Адолатхон, но у меня появились сомнения.— Он посмотрел на нее изучающе и вдруг нарочито бодро воскликнул:— К черту сомнения! Снимок я сделал отличный!

— Какие сомнения, Акрам-ака?— перебила его Адолат.

— Только пока между нами, хорошо?

— Согласна.

— Понимаете, наблюдал я сегодня за бригадой, и вот что мне показалось: недружная она. Нет в ней, что называется, духа товарищества. Я понимаю, что плохо говорить о муже в присутствии жены как-то неловко. Может, я ошибаюсь, но первое впечатление такое. Бригадир груб, требует от ребят почти невозможного. Чувствуется, что работают они на пределе физических и моральных сил. А вы как считаете?

И опять она уклонилась от ответа.

— У бригадира лозунг: план любой ценой! А ведь это, Адолат, вредный лозунг,— заключил Акрам...

...Утром Адолат пришла на работу невыспавшаяся, с головной болью. Она понимала, что надо что-то делать. С кем, с кем посоветоваться?! Бахтияр...

Адолат решила позвонить ему и пошла в приемную раяна, где днем, как правило, никого не было. Когда Бахтияр поднял трубку, она вдруг страшно растерялась. «Что же сказать?!» И совершенно неожиданно для себя произнесла:

— Почему не заходите, Бахтияр-ака?

Бахтияр ответил, и ей показалось, что и он взволнован не меньше:

— Что-нибудь случилось, келин?

— Надо поговорить с вами, посоветоваться...

Голос дрогнул, она почувствовала, что лицо ее пылает.

— Бахтияр-ака, я просто хотела вас видеть...

— Я приду, келинджан.

«Какая же я дуреха,— принялась она себя ругать, едва положила трубку.— Что он подумает? Даже не могла скрыть волнения... заикалась, словно влюбленная девочка. А с другой стороны, что плохого в моем поступке? Позвонила другу мужа, чтобы посоветоваться. Но он! Почему он сам так волновался? Забыл даже поздороваться». Так мысленно говорила она себе, однако же не признаваясь в главном — ее волновал Бахтияр, она думала о нем. Сравнивала с мужем. И сравнение это было не в пользу Сабира. А может быть, она и позвонила ему только для того, чтобы услышать его голос?!

Глава пятая

Итак, шел саратан. После полудня даже за голстыми стенами конторы чувствовалась жара. Из райкома партии позвонили и предупредили, что надо предпринять все необходимые меры для предотвращения солнечных ударов. Работы посоветовали вести только утром и вечером. Это, конечно, касалось тех, кто в поле...

— Корреспондент недостатков много выявил,— сказал сегодня утром секретарь парткома, вызвав Адолат.— Нужно исправлять.

— Мне Акрам ничего не сказал,— ответила она, утаив правду.

— Зато здесь все выложил. Мне думается, следует организовать ударную бригаду из комсомольцев, что заняты сейчас на второстепенных участках. Поля Сабира заросли сорняками, очищать надо. Бухгалтеров, нянечек, воспитательниц детских садов и яслей тоже мобилизуем. Посоветуйся с комсоргом школы, может, они выделяют несколько крепких учеников. Я вот тут на бумаге прикинул, кого можно мобилизовать. Получается около тридцати человек, но если поискать, можно еще найти. Я распоряджусь, чтобы в бригаду доставили тяпки и продукты дня на три. Закончите с сорняками, посмотри, может, и с поливом нужно помочь, ясно?

— Ясно,— ответила Адолат.

— Тогда — действуй, сестренка!..

Весь день ушел на организацию бригады. Она обошла весь кишлак, объясняла комсомольцам положение дел и наконец отправилась в школу.

Противоречивые чувства овладели ею. То хотелось, чтобы Бахтияр оказался в школе, то она страстно не желала этого. «Да что же это такое, неужели я серьезно думаю об этом человеке?»— упрекала себя Адолат, а у самой сердце тревожно билось.

— О-о, Адолатхон,— встретил ее у входа заместитель директора по воспитательной работе Мансур-ака, один из старейших учителей Сарыгуля,— какими судьбами, дочка?

— Пришла к вашим комсомольцам просить помощи, домулло¹,— ответила она, обрадовавшись, что встретила его, а не Бахтияра.

---

¹ Д о м у л л о — учитель.

— Добро пожаловать,— сказал старый учитель и повел ее в свой кабинет.

Мансур-ака был грузным человеком, но двигался легко и быстро, словно ему и не шестьдесят, а каких-нибудь тридцать. Добродушные серые глаза за стеклами очков словно бы улыбаются. Да, вот таким же приветливым он был и тогда, когда учил ее отца в ликбезе. Как и все сарыгульцы, она знала, что старый учитель носит в легких осколок немецкой гранаты. Знала и то, что считалось его семейной тайной, хотя об этом было известно каждому сарыгульцу,— о страшных болях в груди, когда свег кажется не мипл — это давал о себе знать кусочек стали. Но никто в кишлаке не видал Мансура-ака мрачным, подавленным. Его добрые серые глаза всегда улыбались.

— Ты посиди, Адолатхон, отдохни,— сказал он,— я приглашу наших учителей-комсомольцев.

— Только комсомольского секретаря,—попросила она.

— Секретаря так секретаря,— кивнул Мансур-ака и вышел, прикрыв за собой дверь.

А ведь глаза Сабира тоже всегда теплели, когда он говорил о детях. И дети любили его: за острый ум, за умение заинтересовать, за увлечение спортом. Ребята видели в нем пример.

Но как-то Сабир вернулся из школы расстроенным. Он, как обычно, зашел в контору за Адолат, однако всю дорогу был молчалив и мрачен.

— Что с вами, Сабир-ака?—спросила она тогда, идя рядом.

— Ничего, джаным, просто немного устал.

— Случилось, наверное, что-нибудь,— допытывалась Адолат, чувствуя, что Сабир не хочет говорить правду.

— Да ерунда,— ответил он,— не стоит твоего внимания. Знаешь, пойдем сегодня в кино?

— Пюужинаем и пойдем,— обрадовалась она.

Одеваясь в спальне, Адолат видела, как Сабир нервно

ходит по комнате, дымит сигаретой, стряхивая пепел прямо на ковер. Этого он раньше себе никогда не позволял.

— Я хочу знать, Сабирджан-ака,— подошла она к мужу и положила руки ему на плечи,— что же вас так расстроило.

— Сказал же тебе — ерунда! — вдруг резко ответил он. Но, видя, как обидел своей резкостью жену, Сабир уже мягче добавил: — Ты настоящий друг, Адолат! Извини. Случилась небольшая неприятность в школе, вот это и злит меня.

— Поделишься бедою с другом, легче станет на душе,— сказала она ему. Эту фразу часто повторяла Гульчехра.

Они вышли на улицу. Было свежо. На столбах горели фонари, а на тротуарах плясали причудливые тени от деревьев.

— В нашей школе молодым дорога закрыта,— сказал Сабир, беря жену под руку,— это я сегодня понял окончательно. Стариков повышают в должности не за их способности, а из уважения к сединам. Не успели ввести новую должность — заместителя директора воспитательной части, как, пожалуйста, Мансур-ака, занимайте ее! А что он, этот современник ликбеза, смыслит в сегодняшних требованиях педагогики?

— Ну зачем же вы так, ведь у Мансура-ака огромный педагогический опыт,— возразила Адолат.

— Опыт, опыт! А знания, а способность мыслить масштабно, по-современному?! Нет, затирают в школе молодых, тут не скоро пробьешься.

— Вы что, сами хотели на эту должность? — прямо спросила Адолат. Ей не понравилось, что муж так несправедлив к старшему товарищу, который учил и его самого. В школе любили Мансура-ака. За честность, за то, что внимателен был к каждому ученику, за его доброту.

— При чем здесь я,— раздраженно ответил Сабир,— у нас половина учителей — молодежь. Есть из кого по-добрать...

Они подходили к летнему кинотеатру, залитому светом. Оставив Адолат в сторонке, Сабир пошел за билетами, а когда вернулся, уже некогда было продолжать разговор, начинался фильм.

...— Вот мы и пришли,— вернулся в кабинет Мансур-ака с Райхон, которую Адолат не видела, кажется, целую вечность.— Знакомься, это комсорг Райхон Камбарова.

— Да чего знакомиться,— воскликнула Адолат,— мы же в одном классе учились!

Подруги обнялись.

— С чем пожаловала, Адолат?

— Мне как-то даже неудобно,— сказала Адолат,— потому что речь идет о моем муже. Короче, бригаде Сабира нужна помощь. Их поля поросли сорняками, да и с поливами ребята отстают. Вот и посоветовал Халим-ака организовать бригаду ударную, как он назвал ее, и поработать у Сабира дня четыре.

— У нас сейчас экзамены,— сказала Райхон,— так что постоянно мы пока не сможем жить в бригаде. Ну, а так, чтобы хоть один день поработать в поле, я думаю, найдутся добровольцы. Когда выходить?

— Завтра. С утра.

Они вышли из кабинета вместе, но Адолат не спешила уходить. Вот сейчас, когда очутилась в тихом и необычно чистом коридоре, она ощутила вдруг непонятную грусть. Какое это было прекрасное время — годы ученичества.

— Давно я не была здесь, соскучилась.

— Понимаю,— сказала Райхон, взяв ее под руку.— Десять лет все-таки провели в этих стенах, школа для каждого была родным домом. Извини, к сожалению, я не могу тебя проводить.— И Райхон пожала подруге ру-

ку:— Заходи! И не сюда, в школу, а ко мне. Вместе с мужем, ладно?

— Спасибо...

Адолат прошла по зданию. И удивилась — мало что изменилось. Вот только доска отличников да стенгазеты были другими.

Уже собираясь выходить, она вдруг услышала голос Бахтияра, тот говорил громко, словно бы делал доклад. Сердце у нее замерло, а ноги, казалось, приросли к полу. Она подошла ближе к полуоткрытой двери класса.

— Кушанское царство, ребята, находилось в наших краях в начале новой эры. Никаких данных, письменных я имею в виду, до нас не дошло, так что изучение его представляет некоторую сложность. Но в последние годы наши ученые, которые занимаются вопросами искусства кушан, сделали ряд значительных открытий. Ну, прежде всего, раскопали городище Дальверзин-тепе и обнаружили там уникальные вещи. Мы с вами обязательно совершим экскурсию на место раскопок.

— А где оно?— спросил кто-то.

— Недалеко отсюда, ребята, в Денаусском районе. Городище сейчас называют Дальверзин-тепе, а предполагают, что на том месте находилась столица царства — городок Чаганьян. С этим городом связана прекрасная легенда о верности родине, своему долгу.

— Расскажите, расскажите!— закричали хором ученики.

«Наверное, в восьмом классе консультацию проводит,— решила Адолат.— Интересно рассказывает, ребята каждое слово ловят».

— На город напали кочевники. Их орды разгромили уже все царство, захватили в рабство жителей и воинов, сожгли селения и города. Только один Чаганьян еще держался. Но вот и он в конце концов пал. Кочевники ворвались в город. Их предводитель был так красив и статен, что в него влюбилась дочь поверженного царя. Она

согласилась стать его женой. Но победителю мало было взять в жены красавицу — дочь кушанского царя, он требовал, чтобы пред ним явился и сам царь. Однако отыскать властителя Чаганьяна не могли, он словно исчез.

И тогда завоеватель обратился за помощью к жене.

— Он преобразился в собаку,— выдала дочь секрет отца.

Предводитель немедленно отдал приказ перебить всех собак города. Царь погиб. А следующей жертвой стала его дочь. Возлюбленный приказал ее убить. «Дочь, предавшая родного отца, не сможет быть верной мужу».

Бахтияр закончил рассказ, в классе стояла мертвая тишина.

— Предательство — постыдное дело. Даже в малом человек должен быть верен себе, долгу,— заключил учитель.

Адолат, стараясь не стучать каблучками, пошла к выходу. «Даже в малом человек должен быть верен себе»,— как точно он это сказал...

Сабир сегодня утром в очередной записке сообщил, что заночует в поле. Адолат тоскливо было дома одной, и она решила сходить к родителям, жившим на окраине кишлака. Занятая мыслями о предстоящей работе в поле, и не заметила, как оказалась у родной калитки. В очень чистом зеленом дворике на суфе, что стояла под большой чинарой, сидела вся семья. Отец расположился на курпаче, у его ног пристроился младший брат. Джура, семиклассник. Напротив него сидел старший брат — Якуб, рядом с ним его жена. Мать хлопотала возлелетней кухни. Она первой увидела Адолат.

— Ой, доченька пришла! Якуб, Джура, встречайте сестру!

Братья вскочили с места и бросились к ней. Якуб степенно поцеловал в лоб, а Джура повис на шее. Встал с курпачи и отец.

— Здравствуй, дочка,— сказал он.— Как раз к ужину пришла. Садись.

Мать, поставив поднос на дастархан, обняла ее, расцеловала.

— Живем мы в одном кишлаке, а видимся так редко, словно бы чужие. Как ты, доченька, как зять? Здоровы ли?

— Все в порядке, мамочка,— ответила Адолат.

— Пора такая,— сказал Якуб,— саратаи. Сейчас нужно работать, а в гости после уборки ходить будем! Садись, сестренка, рядом со мной.

Мать приготовила рисовую кашу с машем, словно бы чувствовала, что Адолат придет. Дочь больше всех в семье любит это блюдо.

— У меня с самого утра,— сказала радостно мать,— все левое веко подергивало, думаю, к радости. И точно — доченька пришла. Давай ешь, голодная, наверное.

— Не ужинала еще,— призналась Адолат.— Сабир сегодня не придет, а для одной готовить не хочется.

— А ты приходи сюда, к нам, пока у мужа дел много,— посоветовала мать.— В самом деле, чего ты, как сова, будешь сидеть одна в четырех стенах!

Допоздна засиделась у родителей Адолат. Уже и Джура уснул, свернувшись калачиком на одеяле возле телевизора, и отец начал пожевывать, когда она собралась обратно. Мать настаивала, чтобы дочь осталась ночевать. Но Адолат сослалась на то, что комсомольцы рано утром решили собраться возле конторы и она может не успеть. Неудобно будет, сама ведь всех агитировала.

— Тогда пусть Якуб проводит тебя.

— Я на него и надеюсь,— ответила Адолат.

Брат старше ее на восемь лет. С Якубом у нее сложились отношения товарищеские. Особенно с уважением брат стал относиться к ней после того, как она вернулась из института. Как и отец, Якуб немногословен. Вот и сегодня за весь вечер едва несколько слов пропро-

нил. А когда пошел провожать, сказал без обиняков:

— Теперь, сестренка, выкладывай правду. Что у тебя на душе? Вижу, какая-то невеселая. Что тревожит тебя?

И как это она могла забыть о брате?! Ведь вот кому могла давно рассказать о своих сомнениях и тревогах.

Адолат говорила торопясь, то и дело сбиваясь и повторяясь. Ей хотелось выложить все, что наболело на душе, ни одной мелочи не упустив. Говорила даже о том, в чем подчас не хотела признаваться и самой себе. Якуб слушал молча.

«Пусть выговорится,— думал он,— сердцу легче станет». Сейчас он корил себя за то, что в свое время не предостерег сестру от этого замужества. Не правился ему Сабир — слишком хорошо знал Якуб его семью. Но полагал, что годы учения в институте сделали Сабира другим, нежелали его родители и сестры.

— А что ты сама думаешь обо всем этом?— наконец спросил Якуб у нее.

— Я в такой растерянности, ака,— грустно ответила Адолат.— потому и советуюсь.

— Вот ты так тепло говорила сейчас о Бахтияре, может, влюбилась в него по большому, как говорят, счету? Такое случается.

— Что вы, акаджан, какая там любовь? Хорошо бы с этой справиться,— голос ее, однако ж, дрогнул.

— Значит, желание сохранить семью все-таки есть?

— Я никогда даже не задумывалась над этим.

И это было правдой. Мысль о том, чтобы расстаться с мужем, никогда не приходила ей в голову. Просто она не могла мириться с его тщеславием, с его стремлением «пробиться в люди» любой ценой. «Но почему брат заговорил о Бахтияре?! Неужели, упоминая о нем, я как-то выдала себя, свои чувства к нему? Но ведь это правда, никакой любви к Бахтияру я не испытываю. Думаю же

о нем, видно, потому, что хочу именно таким видеть Сабира».

Они вышли на улицу, ведущую к ее дому. Прямая, как стрела, магистраль была стиснута по краям черными зубчатыми тенями деревьев. Бронзовый шар луны повис где-то в самом конце ее, и оттого вся улица казалась золотой. Рядом журчал арык, во дворах светились голубые огни телевизоров — летом многие хозяева выносили их из комнат.

— Вот что я тебе скажу, Адолат, — сказал Якуб, прервав затянувшееся молчание. — Попробуй сама во всем разобраться. Попробуй откровенно поговорить с мужем, ведь ты самый близкий ему человек, самый дорогой, к твоему голосу он должен прислушаться. Но боже упаси от шага непродуманного! Я не говорю о людской молве, в конце концов солнце платком не закроешь, да и разговоры иссякнут прежде, чем роса высохнет. Важно, чтобы ты потом не терзала себя, что поступила опрометчиво. Это очень страшно — судить себя! Но и мириться с тем, что тебе не по душе, не стоит. Говорят, показная святость хуже тайного греха...

Три дня работали комсомольцы на полях бригады Сабира. Они прощупали каждый сантиметр рядков, под кустами ни одной травинки не оставили. Многие жили прямо здесь, на полевом стане. Работу начинали часа в четыре утра, когда едва занимался рассвет, в самый зной отдыхали, а затем до поздней ночи опять проводили на картах. И лучше всех, пожалуй, работал сам бригадир. У него как-то сразу поднялось настроение. Он передал трактор Пулату, а сам наравне со всеми делал прополку, да так, что и тронм было не угнаться. К тому же успевал принять работу других, справиться о делах поливальщиков, посмотреть, как ведут подкормку, позаботиться, чтобы комсомольцы ни в чем не нуждались.

Видя, как Сабир, что называется, «горит» на работе,

Адолат с горечью думала: «Ведь может он по-настоящему трудиться, может. И, наверное, глядя сейчас на бригадира, многие считают, что достоин он всяческих похвал и даже наград».

К концу третьего дня к комсомольцам приехали Халим-ака и секретарь колхозного комитета комсомола. Чарыбай только что вернулся из Москвы, куда ездил по путевке на ВДНХ. Вместе с Халимом-ака он прошел по нескольким картам, а затем полушутя-полусерьезно сказал Адолат:

— Может, так и сохраним вашу «ударную» на все лето, уж очень польза от нее большая.

— Верно, Чарыбай, надо бы и другим бригадам помочь,— согласился Халим-ака.— А ты, молодой человек, должен в пояс поклониться комсомольцам,— обратился он к Сабiru.

— Поклонюсь обязательно,— пообещал Сабир,— но... только не во мне ведь дело. Успех моей бригады — это слава нашего колхоза. Слушали сегодня радио?

— Как же, слышал,— расхвалили вас очень.

— Согласен. Но ведь сначала сказали о колхозе, о комсомольской организации и лишь в конце о нас, верно?

— Верно. И все-таки не должно быть у вас потребительских настроений. Мол, мы — ваша гордость, ну и помогайте нам. Самим нужно шевелиться. Сказать по правде, эти сорняки можно было уничтожить гербицидами, а вы сроки упустили...

Вечером на стане был торжественный ужин. Сабир распорядился за счет бригады приготовить плов и шурпу, а ребята принесли несколько бутылок шампанского. Упросили Халима-ака и Чарыбая остаться.

— Успех коллектива,— сказал Халим-ака,— в сплоченности. Это про вас, товарищи, сказано. За три дня вы сделали очень много, можно сказать, спасли честь бригады. Спасибо вам.

... После ужина все уехали в кишлак, а Адолат осталась с мужем. На полевом стане вновь наступила тишина, хотя три дня он гудел, как улей. Особенно вечерами, после работы. Звучала музыка и песни, ребята разжигали большой костер и устраивали концерты.

— Ну-ка, джаным, пойдем теперь посчитаем, какую пользу твоя бригада принесла.

— В каком смысле?— не поняла она.

— В самом прямом. У нашей бригады тоже есть промфинплан. Приход-расход, дебет-кредит, как говорится. Сама экономист, должна понимать. Комсомольцы твои работали на общественных началах, верно? Значит, стоимость выполненных работ — чистая прибыль для бригады. А это в конце года по сотне рублей премиальных на брата.

Адолат посмотрела на него с упреком.

— О чем вы говорите, Сабирджан?!

— Ну, ну, не сердись,— рассмеялся муж,— лучше подсчитай-ка — какой реальный доход бригаде будет от вашей помощи.

В конторке у бригадира оказались счета, и Адолат молча приступила к делу. Сабир сидел рядом, изредка выходил, вновь появлялся, но в ее работу не вмешивался, придерживался пословицы — даже воробья должен резать мясник.

— Работы выполнено тысячи на полторы,— наконец заключила она.

— Шестьдесят процентов этой суммы принадлежит бригаде,— обрадовался Сабир.— Сколько это будет, джаным? Девятьсот рублей? Или же по сто пятьдесят рублей на каждого! Неплохо! Так что можешь хоть завтра заказывать себе платья, денег хватит не только на хан-атлас, но и на портниху.

— Сабир-ака, я-то думала, вы действительно о доходах бригады справлялись, а вас, я гляжу, собственный доход интересует...

Муж смотрел на нее недоумевающе.

... Вернувшись утром в кишлак, Адолат забежала на несколько минут домой. За дни, что она была в бригаде, на столе и зеркале появился слой пыли. Адолат наскоро вытерла пыль, позавтракала. Когда пришла в контору, Кадыр-ака уже сидел на своем месте.

— Ну, сестренка, как поработали?— спросил он, ответив на приветствие Адолат.

— За три дня вылизали, можно сказать, все поля, ака.

— Молодцы!

— Срочной работы нет, Кадыр-ака?

— Только сводка.

— Тогда я сейчас быстренько ее подготовлю, а потом хочу заняться...— Адолат запнулась, подбирая слово.— Мне нужно проверить одну вещь.

— Добро,—согласился главный экономист,—но только чтоб ненадолго, а то, сама знаешь, полугодовой отчет и так затягивается. Я уезжаю в район на семинар, никто тебе мешать не будет...

Кадыр-ака — человек, умудренный жизнью. Он чувствует, что в душе помощницы происходит сейчас борьба. О причинах Кадыр-ака лишь догадывается, но спросить прямо не решается, боясь ее обидеть. Ребенок падает и растет, говорят мудрецы. Да, опыт приходит после падений и ушибов. Наверное, лучше не лезть сейчас с советами. Адолат должна самостоятельно разобраться в том, что хорошо, а что плохо. Своим умом, своим сердцем дойти до истины.

Адолат составила сводку и пошла в бухгалтерию уточнить свои вчерашние подсчеты. Оказалось, что ошиблась она на незначительную сумму. Она снова вернулась к себе, нужно было заняться полугодовым отчетом.

И тут вдруг вспомнила, что главного-то вопроса не решила — хотела посоветоваться с секретарем партийно-

го комитета по поводу некоторых финансовых вопросов.

Халим-ака числился еще в заместителях ранса и уж, наверное, знал в этих делах толк. Она отправилась к парторгу и встретила его в коридоре.

— Я к вам, Халим-ака.

— Давай коротко, спешу в район!

Адолат изложила суть дела:

— Как оплатить труд комсомольцев, ака? За счет бригады Каюмова?

— Не надо мелочиться, Адолатхон. Неужели ваша помощь не может быть бескорыстной?! По-моему, каждый из комсомольцев именно так к делу и отнесся. И кроме того, из какого бы ты кармана ни заплатила своим комсомольцам, все равно это будет колхозный карман, сестренка! Так что думай о главном.

— А что же тогда главное, Халим-ака?— спросила она.

— Главное!.. Честь нашего колхоза. В том числе и твоя честь, Адолатхон. Разве плохо, если в области, в республике узнают о делах нашей молодежи? Ты послушай, как говорят о передовиках из других хозяйств! А наш колхоз разве хуже их? Приятно ведь, как ни говори, слышать о себе по радио, да и по телевидению себя увидеть будет неплохо.

Адолат резко повернулась и пошла к себе...

Глава шестая

Сабир появился дома неожиданно, едва Адолат сама переступила порог. Увидев мужа, она ужаснулась,— обросший, грязный, он осунулся, словно бы неделю ничего не ел. Под глазами синие круги, веки воспаленные. Адолат стало жаль его.

— Что с вами, Сабирджан-ака?— спросила она участливо.— У вас такой измученный вид.

Лицо Сабира осветилось улыбкой, ему нравилось, когда жена проявляла о нем заботу.

— Устал я немного, родная,— сказал он, поцеловав жену.— Бросил все— и домой. Соскучился по тебе.

— Правильно сделали, что пришли,— в голосе Адолат была искренняя радость,— сейчас я воды согрею — помоетесь. Чем вас покормить?

— Все равно, ханум, чем. Из твоих рук я даже камень съем.

— Отдохните, пока я все приготовлю,— и Адолат принялась хлопотать на кухне.

«Говорит — ради тебя сбежал с поля»,— она улыбнулась. Скучает по своей Адолат. Но ведь и она, что греха таить, за эти несколько дней соскучилась по мужу. Стосковалась по извечным своим женским хлопотам — а то одна-то и обед даже перестала готовить. А потом — когда явился он сегодня уставший, худой, но такой ласковый, даже чуточку виноватый за то, что оставил ее одну,— дрогнуло у нее сердце, и вошла ей в душу надежда — будет у них все, как прежде.

Когда Адолят заглянула в комнату, Сабир спал — не раздеваясь, он лег прямо на пол и подложил под голову руку. Она присела рядом и заметила, как он во сне еле шевелит губами, вроде бы разговаривает, лицо спокойное, по-детски беззаботное.

А за окном уже наступили сумерки, только вдали кромка вершин Гиссара сияла золотом, точно бухарская тюбетейка, да листья талов шелестели от ветерка, прилетевшего в кишлак с полей. Жара спала.

Сабир проспал часа четыре. Адолат так и сидела возле него на полу. Не будила — жалела. Давно остыл ужин в казане и вода в кастрюле.

— Ровно шестьсот минут проспал?— сказал он, просыпаясь.

— Половину,— ответила Адолат.

— Почему не разбудила?

— Вы так сладко спали.

— Спасибо, родная. Будем умываться?

— Сейчас, только воду подогрею.

— Ничего не нужно. Стиральный порошок у нас есть?

Она рассмеялась.

— Есть. Да зачем он вам, порошок-то?

— А ничем другим меня не отмоешь...

Вечер они провели весело и дружно. Ну совсем как в прежнюю свою счастливую пору, когда только что поженились. Он помогал ей собирать на стол, затем вместе с ней мыл посуду. О делах не говорили. Старались даже не намекать на них. Но это не могло продолжаться бесконечно. Ведь работа была частью их жизни, важной, главной частью.

— Ты ничего, джаным, не говорила Халиму-ака?— как бы между прочим спросил Сабир.

— Что именно?— насторожилась Адолат. «Не хватало еще, чтобы мы сейчас испортили так хорошо начавшийся вечер»,— подумала она.

— Если бы я знал, джаным, разве стал бы спрашивать?!

— Но почему же вы решили, что я ему что-то сказала?

— Да так,— уклонился от прямого ответа Сабир,— может, мне просто показалось. Стал парторг в последнее время чуткость особую ко мне проявлять, интересоваться моей семейной жизнью, расспрашивать — что да как. Вот я и подумал...

— У вас нет оснований,— перебила его Адолат,— подозревать меня в этом. Да и нет, по-моему, еще ничего такого между нами, что стоило бы выносить на суд других, а?

— Конечно.

— Тогда...

— Извини. Ну, а может такое случиться?

— Не знаю, Сабир-ака.

— Ладно, оставим это, я ведь соскучился по тебе, стал уж забывать, как пахнут твои волосы,— и он нежно обнял жену.

Адолат проснулась раньше мужа, или он просто делал вид, что еще спит. Она оделась и вышла на кухню, поставила чай, принялась готовить завтрак. «Так вот она, оказывается, какая семейная жизнь! Не так-то просто все.— Адолат вспоминала вчерашний вечер.— И как только она могла думать о Бахтияре?! А как же Сабир? Нет, с Сабиром я никогда не расстанусь,— словно бы убеждала сама себя Адолат.— Все силы приложу, чтобы... Чтобы сделать его другим? А возможно ли это?!»

Она собрала завтрак на стол и прошла в спальню. Сабир лежал на спине с открытыми глазами, думал о чем-то своем.

— Сабир-ака, подъем,— шепнула она, нагнувшись... Неожиданно он сгреб ее в охапку и стал целовать.

— Джаным, ты самая лучшая, мне не надо другой...

Завтракали молча. Адолат с удовольствием следила за тем, как Сабир ест.

— Ну что, саратан пошел на убыль?— спросила она, пододвинув к нему пиалку со свежими сливками, за которыми уже успела сбегать к соседям.

— Кажется, вчера у нас по полю в самый зной пробежал первый ветерок — так сразу легко стало. Будто и нет полсотни градусов на солнце.

— А как ваши ребята поживают?

— Ах, джаным, не спрашивай ты о них,— с раздражением воскликнул Сабир.— Отъявленные лентяи! Разве с ними можно большое дело сделать?! Чуть что, так норовят в тень! Боюсь, с такими работничками и половины обязательства не выполню.

Адолат опустила голову. «Ну вот, стоило только заговорить о делах, преобразился муж. Стал другим человеком».

— А что отчудил вчера этот неповоротливый Рав-

шан,— продолжал между тем Сабир.— Мы с Пулатом готовили органоминеральную смесь, а его послали на помощь поливальщикам — подменить часа на два Хайиткула. Хайиткул, значит, вернулся на стаю, а Равшан пустил воду в междурядья, а сам под большой куст янтাকা — и дрыхнет, подлец, как ни в чем не бывало! Сама знаешь, что сейчас нужно поливать с умом. Пока он дремал, четверть карты залило, размыло корни. Раз уж тебе доверили дело, то исполняй его честно, черт возьми, или откажись вовремя!

— Жарко ведь, Сабирджан-ака,— возразила Адолат.— Устают они. Равшану — так вообще тяжело. А вы им ни днем, ни ночью передышки не даете. Не мудрено, что человека в жару разморило.

— А мне легко? Я что, только для себя стараюсь? Подойдет конец года, и эти труженики раньше бригадира побегут к кассе. Вот увидишь!

— Ну и что,— сказала Адолат.— Вам все равно нужно учитывать физические возможности своих товарищей. Бригада-то у вас всего пять человек. Почему не хотите брать больше — видите же, что не справляетесь! Или же боитесь, что доход в конце года уменьшится?

— Ого, джаным, пока меня дома не было, вижу, вошла во вкус ты новой своей должности!

— Какой это должности?

— Ну как же, член комитета комсомола. Наставник. Так и льется из тебя поток нравочений, то — нельзя, это нужно сделать так. А бригадир-то все-таки я! И за судьбу дела, порученного мне, отвечаю я!

— Надо уметь обращаться с людьми, ведь говорят — на доброе слово и уж из норы выползает.

— Совершенно верно, но в народе еще и говорят — ленивого осла палка излечивает!

— Сабир-ака, как вы можете так говорить о тех, с кем вам приходится трудиться и день и ночь, с кем вы переносите трудности, с кем боретесь за одно дело?

— А насчет физической подготовки, джаным,— продолжал Сабир, не обратив внимания на слова жены,— я не доктор. Для меня все они — члены бригады, и пусть каждый тащит груз забот наравне со мной!

— Но вы же работаете на износ. А если у них сил для такого «груза» не достает?!

— Пусть катятся туда, где легко. Но пусть учтут — там почета не будет.

— Вы жестоки, Сабир-ака,— резко сказала Адолат.— Нельзя так! Вот об этом я бы рассказала Халиму-ака. Кстати, вы не первый раз грубо отзываетесь о ребятах. Помните, во время сева! По вашим рассказам получалось, что вы один работаете, а члены бригады только и делают, что бездельничают! Это, в конце концов, нечестно.

Сабир не ожидал такого отпора и примирительно проговорил:

— Ну, ну, женушка, не стоит выносить сор из избы, ведь я это никому, кроме тебя, не сказал!

— К чему эта комедия,— сказала она,— вы же товарищей заставляете «вкалывать» ради своей корысти.

— Какой еще корысти?— встrepенулся Сабир.— Слышу бахтияровские словечки. И тут он уже успел... Тоже мне, друг!

— При чем тут Бахтияр, я сама все вижу, не маленькая.

— Эй! Стоит ли из-за этого ссориться,— сказал Сабир, видя, что жена настроена решительно.— Ну, мало ли чего не бывает в бригаде. Так хоть дома-то пусть мир царит.— Он помолчал немного и добавил:— Ты знаешь, а ведь у меня дело к тебе как к нашему шефу из комитета. Чуть не забыл о нем.

— Слушаю вас, ака.

— Нужна одна бумажка. Так, на всякий случай.

— О чем?

— О том, что комитет комсомола ходатайствует пе-

ред парткомом и правлением колхоза о выделении нашей бригаде новой техники. Пусть дадут четырехрядный комбайн и новый пресс-подборщик.

«А я, дуручка, обрадовалась, думала, действительно соскучился по дому, по жене. А он... Новые машины подавай!» А мужу сказала:

— А если их нет?

— В том-то и дело, что есть. Колхозу выделили четыре хлопкоуборочные машины, в том числе одну четырехрядную.

— Допустим, так оно и есть. Но в таком случае, почему именно вашей бригаде?

— Да потому что наша бригада — передовая. Ее в первую очередь и поддерживать надо.

— Хотите, чтобы вас в особые условия поставили?

— Нет. Просто хочу, чтобы поддержали.

— Не напишу я такой бумажки! Чтобы люди сказали — использую свое положение для личных выгод? Мол, устроила для своего муженька! Не могу я так, да и не хочу, Сабир-ака!

— Какие личные выгоды, о чем ты? Речь ведь идет о бригаде.

— Где бригадиром мой муж?

— Значит, нет?

— Совесть не позволяет.

— Совесть, совесть! Я даже не могу сказать, где и кому она сейчас нужна. Каждый живет для себя, милая!

Он выбежал из дома и, проходя мимо окна, зло проговорил:

— До первого секретаря обкома дойду, а новую технику получу! Обойдусь и без тебя!..

Адолат шла на работу не спеша, хотелось подышать свежим утренним воздухом. А утро сегодня было необычным. Прилетели, наконец, долгожданные ветры,

принесли на своих крыльях прохладу. На деревьях громко чирикали воробьи, солнце оторвалось от горба Боботага, но не были уже его лучи такими беспощадными, как всего какую-нибудь неделю назад. Небо казалось хрустальным, дотронься — зазвенит.

— У вас что-нибудь случилось?— спросил Кадыр-ака, едва Адолат села за свой стол. В его голосе было столько участия и доброты, что она не выдержала и заплакала.

Боль, что понемногу копилась в ней, теперь вылилась наружу. Плечи ее вздрагивали, а слезы текли и текли, и не было никаких сил остановить их. И слова комом застряли в горле.

— Успокойся, сестренка,— Кадыр-ака подошел и положил руку на ее плечо.— Жизнь — штука сложная. Не бывает так, чтобы было всегда хорошо да хорошо. Бывает и больно. И горько. И тяжело.

— Почему так, ака,— сказала, наконец, взяв себя в руки, Адолат,— ты хочешь сделать как лучше, а получается наоборот? Не хотела ссориться с мужем, а затеяла скандал.

И она рассказала о сегодняшнем утре.

— Что делать? Мы с мужем говорим на разных языках. Он не понимает или просто не хочет понять меня.

— Трудно тебе будет, Адолат, с твоим характером. Но я считаю, ты права. За такие высокие понятия, как честность, совесть, надо бороться, даже если бороться приходится с собственным мужем. Плохо, если человек смирился.

— Я не смирюсь,— сказала она, успокоившись и перестав шмыгать носом.

В это время дверь приоткрылась, и в комнату заглянул сняющий Сабир. Как ни в чем не бывало, он подошел к жене и торжественно произнес:

— Правление колхоза и партийный комитет пошли

навстречу пожеланиям членов нашей бригады, технику обещали выделить только новую.— Он улыбнулся.— Зря мы с тобой горячились, жена. Я побегу, обрадую ребят.

Он вышел, даже не понтересовавшись, почему у Адолат глаза заплаканы, хотя и заметил это. И зашел он сейчас вовсе не за тем, чтобы извиниться за утренний разговор. Всем своим видом Сабир старался дать понять жене, что может вполне обойтись и без нее.

— Опасный молодой человек,— сказал ему вслед Кадыр-ака,— такой и предать может.

Адолат промолчала, но в душе согласилась с этим мнением...

Глава седьмая

Адолат стояла посреди комнаты и в задумчивости рассматривала каждую вещь. Мысленно она перебирала день за днем из того года, что они прожили с Сабиром. Как же давно начался этот год. Кажется, они с Сабиром давным-давно вместе. И вдруг — конец всему! А может быть, это еще не конец?! Может, все образуется, они снова будут понимать друг друга, найдут общий язык?! Кадыр-ака уже несколько раз очень точно охарактеризовал мужа. Вот и сегодня бросил ему вслед: «Опасный молодой человек»... Чем же он опасен?

«Почему люди не прозрачные,— как-то в отчаянии проговорила Гульчехра.— Посмотрел на человека и видишь, хороший он или плохой. Вот мне, например, не пришлось бы страдать».

«Ой, Гульчехра, что ты такое говоришь, да если заранее знаешь, какой человек, с ним скучно».

Ну пусть было бы иначе. Скажем, если человек чист душой, искренен в помыслах, пусть и лицом будет красив. Чем чернее мысли, тем отвратительнее лицо. А самые отъявленные подлецы чтобы были уродами.

Что нас больше всего обманывает? Внешность! Познакомись — парень стройный, одет опрятно, лицо благородное, умное — ну, кажется, не парень, а сама благодетель! Вот, говоришь себе, тот, кто тебе нужен. Он и ласковый, и нежный. Может, когда потребуется, быть и властным, показать, что мужчнна, а не тряпка. А потом... месяц, другой — и понимаешь, что за элегантноу внешностью скрывается душа черствая, ум примитивный, характер жесткий. Вот я — обожглась дважды, так теперь мечтаю о том, чтобы на мужчинах ярлыки висели: хороший, плохой».

... Адолат покачала головой. Вот и се черед пришел разочароваться, и се обманула внешность. Она принесла из спальни чистую тетрадь, села за стол и принялась писать. Не торопясь, выводя каждую букву, словно бы на экзамене по чистописанию.

«Сабир-ака!

Я была самой счастливой женщиной в день, когда вы сделали мне предложение. Первое время после свадьбы жила только своим счастьем, а для этого было достаточно вашей ласки, ваших нежных слов. Вы были для меня идеалом мужчины. Но постепенно я стала замечать, что в вас живут как бы два разных человека. Один — любящий муж, прекрасный семьянин. А другой... Вот о другом так просто не скажешь... Этот другой никогда откровенно не высказывает ни своих взглядов, ни убеждений, да и поступков предосудительных не совершает вроде бы. Но нельзя вечно ходить в маске. Иногда, особенно в последнее время, вы с головой выдаете свою подлинную сущность.

Вы — карьерист. Карьерист в худшем смысле слова. А отсюда ваш эгоизм и наплевательское отношение к товарищам по работе. Сейчас я уверена, что и в партно-то вы вступили потому, что это вам выгодно.

Не усмехайтесь, прочитав эти строки. Вы, конечно,

можете возразить — то, что я пишу, не вяжется с действительностью. Вы-то день и ночь пропадаете в поле, отдаете все силы, чтобы бригада добилась успеха, а я предъявляю вам нелепые обвинения.

Я и сама задумываюсь иногда — не слишком ли с высокой меркой подхожу к вам, ведь, может, действительно важен результат — а результатов, показателей, не сомневаюсь, вы добьетесь высоких! Но нет! Теперь я убеждена — и в этом мне помогли ваш друг Бахтияр и старший Кадыр-ака — к большой цели нужно идти прямой дорогой, честным путем. Я знаю, если бы вас назначили в школе заместителем директора, вы бы сейчас уже «видели» себя в директорском кресле, ведь для вас главное — занять «высокое положение».

Вы часто говорите о Шаймардане Кудратове — нашем заслуженном механизаторе, хотели бы стать, как он, знаменитым. Я хорошо знаю этого человека, главное для него — люди. В его бригаде подлинно товарищеские отношения, и ребята там меньше всего говорят о почете и славе — просто трудятся на совесть, и все.

Вы же, Сабир-ака, любите только себя. Жизнь, на мой взгляд, должна быть чистой, бескорыстной, открытой. Говори, что думаешь, и делай, что говоришь. А не так, как вы: на словах — одно, а в душе — другое.

Вот, например, Бахтияр-ака...»

Рука ее дрогнула. «Но при чем тут Бахтияр?!»

Адолат задумалась.

Она боялась признаться самой себе в том, что о Бахтияре думает, пожалуй, не меньше, чем об отношениях с мужем. «Ну, а если бы не Бахтияр, не желание видеть его, слышать, ушла бы ты от Сабир-ака?!» Два человека были сейчас в ней: судья и ответчик. «Так ушла бы ты от мужа, если бы не тянуло к Бахтияру?» — настаивал судья. «Ушла бы, непременно ушла». — «Но ведь ты ничего не сделала, чтобы как-то остановить своего мужа, помочь ему понять ошибку, заблужде-

ния!»—«Я поняла, что у Сабира не ошибка, не заблуждения, а убеждения, которые я не в состоянии изменить; жизненная философия, которой он научен еще с пеленок. Может быть, уход мой послужит ему уроком? Дай бог, чтобы так случилось».

За окном была ночь. Солнце уже давно скрылось за горизонтом, а луна еще не выплыла из-за спины Гиссара.

Она включила свет, вытащила из-под кровати свой студенческий потертый чемодан, сложила в него вещи и пошла к двери. Постояла немного, вернулась к столу и дописала: «Сабир-ака, прощайте! Я ушла навсегда»...

Глава восьмая

У секретаря колхозной парторганизации забот всегда хватает. И Халим-ака в этом отношении не был исключением. Ему иногда казалось, что будь в сутках не двадцать четыре часа, а в полтора раза больше, то и тогда, пожалуй, он бы не успевал сделать все намеченное. Уж сколько раз он, вернувшись с очередного семинара, брался втиснуть свой рабочий день в рамки плана! На бумаге получалось идеально. Но вот начинался день, и все планы ломались. Жизнь вносила в них свои поправки.

Вот так было и недавно. Еще вечером он решил, что с утра займется проверкой того, как подготовлены полевые станы к работе в условиях саратана. А кроме того, договорился с заведующей детским садом и главврачом колхозной поликлиники о совместной поездке по бригадам. Его волновали сезонные детские ясли, доставлявшие каждый год немало хлопот. Идя на работу, Халим-ака планировал, куда поедет в первую очередь. Но не успел он войти в кабинет, как зазвонил телефон. Первый секретарь райкома партии Тохтасынов предупредил, что выезжает в колхоз. Халим-ака с сожалением покачал головой — какая уж тут поездка по брига-

дам! Нужно встретить гостя, сопровождать его, давать объяснения, да мало ли что нужно? Считай, полдня уже нет! Но с другой стороны... Появление первого секретаря райкома партии всегда оставляет заметный след в колхозной жизни, заставляет часто по-иному смотреть на то, мимо чего обычно проходишь, считая его делом десятым. Тохтасынов может так повести речь, привести такие аргументы, что это «обычное дело» оказывается самым важным звеном в цепи партийной работы. И тут уж, как говорится, приходится браться за работу засучив рукава.

Предупредив завдетсадом и главврача, что поездка откладывается, Халим-ака стал приводить в порядок бумаги в сейфе. Чтобы в случае, если секретарь райкома поинтересуется,— а такое уже было и кое-кому приходилось держать ответ по всей строгости за свою неаккуратность,— все было в полном порядке.

Тохтасынов, или Маджид-ака, как к нему чаще всего обращаются в районе, был человеком энергичным. Ему недавно исполнилось сорок, но на вид этому человеку дашь от силы тридцать пять. В правлении он появился через полчаса после звонка. Среднего роста, с обветренным смуглым лицом, на котором под мохнатыми, почти сросшимися бровями светятся чужоку прищуренные глаза.

Халим-ака вышел его встречать к подъезду. Пригласил зайти в кабинет.

— Потом,— сказал Тохтасынов, не выходя из машины,— поедем по бригадам. Хочу посмотреть, как партком заботится о людях.

«Вот так раз,— подумал Халим-ака,— выходит, наши планы совпадают. Да, Маджиду Тохтасыновичу не откажешь в знании колхозных дел. Он понимает, на что именно надо обратить сейчас особое внимание».

— Хорошо, Маджид-ака,— сказал Бегматов не очень бодро, ему не хотелось ехать по бригадам с

секретарем. Конечно, многое сделано, как всегда, с наступлением саратана. Но и недостатки еще есть. А первый секретарь райкома взыскивает за такие просчеты ох как строго. Заботе о людях он придает перво-степенное значение.

Халим-ака отправился закрывать кабинет, по пути заглянул к главному экономисту и попросил — как только они с Тохтасыновым отъедут — послать Тухту по бригадам.

— Пусть быстренько наведут порядок на станах. Иначе и бригадирам, и мне влетит. — Подумал и добавил: — Лучше, если вы сами, Кадыр-ака, провернете это дело!

«Повезу-ка я начальство к Сабиру, — решил Халим-ака, — направляясь к выходу, — у него полевой стан новый, образцовый, плакаты и стенды свежее, Маджид-ака останется доволен. А оттуда махнем в семнадцатую. Там тоже — порядок, в этом можно не сомневаться! Пока мы будем в этих бригадах, Кадыр-ака успеет объехать все остальные...»

Успокоив себя, Халим-ака сел в машину секретаря райкома.

— Куда отправимся? — спросил тот.

— В бригаду Каюмова, Маджид-ака, — ответил Бегматов. — Кстати, Сабирджан кое-чем обижен. Мне кажется, кроме вас, никто этого решить не сможет.

— Что там у него?

— С одной стороны, Маджид-ака, он прав. Приезжал к ним в бригаду корреспондент. Целый день морочил голову ребятам, все расспрашивал, приглядывался. Уехал. Две недели с той поры прошло, а в газете так ничего и не опубликовано. Обидно?

— Да, конечно, обидно.

— Вот и я так считаю. О других, у кого и обязательства поменьше, и дела идут не так хорошо, рас-

пишут, диву даешься! Этот товарищ из газеты презжал ведь, кажется, по вашей просьбе?

— По моей. Ну, а что с другой стороны?— спросил Тохтасынов.

— Может быть, в редакции имеются какие-то сведения...— Халим-ака осекся и замолчал.

Секретарь райкома внимательно посмотрел на парторга. Тот опустил глаза.

Справа и слева за частоколом шелковиц лежали изумрудные поля. Они радовали глаз — на картах не было и метра серой проплешины земли. Входы получены хорошие. Хлопчатник был уже таким густым и рослым, что междурядья сле угадывались.

— Отличные поля!— воскликнул Тохтасынов.

— То ли вы еще увидите,—не без гордости сказал Халим-ака.—У Қаюмова растения как на подбор!

До обеда пробыл секретарь райкома в бригаде Сабир. Он прошел по всем картам. Хлопчатник был и в самом деле «как на подбор», казалось, его специально подстригали, как садовник газоны. Тохтасынов интересовался агротехникой обработки и режимом поливов. Сабир отвечал обстоятельно, со знанием дела, и это понравилось секретарю. «Парень уже стал настоящим хлопкоробом!»— подумал он.

— Я хотел бы, палваны¹,—сказал он, когда вся бригада собралась на полевом стане, где был собран дастархан и чайник чая,—пожурить вас за какой-нибудь промах. Но, честное слово, не нашел промахов. И рад этому. Молодцы!—Затем поинтересовался:—Какая помощь нужна от райкома?

Сабир пожал плечами, мол, никакой.

— Им нужна моральная поддержка,—вступился Халим-ака,—я уже говорил вам, что газета...

— За этим дело не станет—сказал секретарь рай-

---

¹ П а л в а н — богатырь.

кома.— Как только вернусь в район, узнаю, почему молчат. Безобразне, конечно! Ну, мне пора. А вы, богатыри, продолжайте в том же духе.— Он встал с чорпан и добавил:— Посоветуемся с членами бюро, может быть, стоит в вашей бригаде семинар бригадиров провести, пусть поучатся.

В тот же день первый секретарь обкома партии Нормат Хамидов вызвал к себе редактора газеты.

— В чем там у вас дело, товарищ Саатов,— спросил он, когда редактор поздоровался с ним и сел в кресло напротив,— газета собирала материал о патриотическом почине, а выступить не выступила?!

— Мы не оставляем без внимания ни одного достойного примера. Но в данном случае— о каком почине речь идет?

— Как о каком?— удивился Хамидов.— А кто посылал к Тохтасыпову в район корреспондента? Там в колхозе «Ленинград» затеяли доброе дело, газета знает об этом и... ни слова! Тохтасынов сейчас звонил, пожаловался на вас.

— Понял, Нормат-ака. Имеется в виду бригада Каюмова. Да, я посылал корреспондента, но... вышла неувязка — журналист отказался писать.

— Почему отказался?

— Не хочет и все тут. Воздержусь, говорит, пока писать об этой бригаде.

— Интересно,— сказал Хамидов.— А ну-ка, давайте сюда вашего корреспондента, я сам хочу с ним поговорить. Впервые встречаю такое — отказаться рассказать о добром деле.

Редактор прямо из кабинета позвонил Акраму, и тот спустя несколько минут появился в дверях. Поздоровался. Останься недалеко от сидящих.

— Садитесь,— пригласил его секретарь обкома и указал на кресло.

Акрам сел.

— Вот по какому делу мы вас вызвали, молодой человек. Вы ездили в бригаду Каюмова из колхоза «Ленинград»?

— Я,— ответил Акрам и встал.

— Сидите, сидите,— сказал Хамидов.— Если так, почему же до сих пор ничего не написали о людях?

— Не получается,— ответил Акрам, решив свалить все на журналистскую неудачу,— сколько раз брался за этот материал — не идет! Ведь бывает так — не идет, хоть разбейся!

— И такое бывает?— спросил Хамидов у редактора.

— Бывает, конечно, Нормат-ака,— ответил тот и повернулся к Акраму,— но в данном случае...— Он улыбнулся:— Давай уж откровенно, парень. Откровенно!

— Только так,— подтвердил слова редактора Хамидов.— Может быть, сомневаетесь в чем?

— Не сомневаюсь, а убежден, Нормат-ака,— ответил Акрам.

— В чем?

— В том, что об этой бригаде писать пока не следует.

— Тогда другой вопрос: почему?

— Я пробыл там целый день. Видел ребят в деле, наблюдал и за бригадиром Сабиром Каюмовым. Ничего не скажу, парень он выносливый, работает без усталости. Более того, работает на износ. Того же требует от своих подчиненных. За малейший промах — грубый окрик. И это, если учесть, что при мне он еще сдерживался, пытался показать себя в лучшем свете. А что там делается, когда никого из посторонних нет?!

— Возможно, бригадир тут неправ,— сказал Хамидов,— но вот первый секретарь райкома сообщил мне, что в бригаде этой собираются провести семинар, чтобы не только молодые, но и старики поучились, как надо хлопок выращивать.

— А кому нужен хлопок, добытый таким путем?— сказал Акрам.

— Но ведь в эту пору всем нелегко приходится.

— А здесь бригадир сознательно идет на трудности. На семьдесят гектаров полей всего пять человек. Я поинтересовался у бригадира, почему он не пригласит еще два-три человека. И знаете, что он мне ответил? «Лишних три человека нам сократят заработки и норму выработки на каждого». Я поговорил со старыми дехканами, многие удивляются Каюмову — ну, добро бы людей в колхозе не хватало, а то ведь бригада умышленно неукomплектована. Заработки для Каюмова важнее здоровья людей. Да ведь и самого Сабир... Глянешь — жалость берет,— худой, измотанный, одни глаза на лице.

— Гм. Мне об этих фактах ничего не известно,— с удивлением сказал Хамидов.

— И еще одно, Нормат-ака,— наконец сказал Акрам.— Меня не совсем убедили мотивы, побудившие Каюмова перейти в бригаду. Сколько я не пытался получить от него конкретный ответ, он отделялся общими фразами, дескать, решил себя испытать и в этом деле.

— Ну, тут уж ваши сомнения напрасны. Людей с высшим образованием, работающих в поле, надо при-ветствовать

— Видите ли, Нормат-ака, школе учитель-мужчина не менее нужен. И говорят, Сабир Каюмов умел обходиться с детьми.

— Вот оно что! Ну, а вы? Как полагаете, почему Каюмов ушел в поле?

— Мне показалось, что этот человек мечтает только об одном — почестях. Ну, а в учительской профессии он вряд ли разочаровался.

— На чем основаны ваши предположения?

— Интересовался в школе, где он раньше работал,

отзывы хорошие. Правда, с оговоркой, мол, тщеславен парень. А дело свое знает.

Хамидов задумался. То, что рассказывал журналист, было для него неожиданностью. «Как же так? Ведь и колхозная парторганизация и райком рекомендуют Каюмова с самой лучшей стороны».

— Ладно, идите,— сказал он Акраму,— мы с редактором посоветуемся и решим, как быть.— Когда за парнем закрылась дверь, спросил и Саатова:— Та-а-ак, что вы думаете по этому поводу?

— Акрам — один из лучших наших работников,— ответил тот,— не могу понять, что ему там не понравилось. Есть у нас несколько снимков этой бригады, может быть, дать один из них на первой странице? Сделать хорошую подпись. В конечном-то счете комплексная механизация тонковолокнистого хлопчатника важнее, чем сомнения одного журналиста!

— Да, пожалуй, все-таки стоит дать снимок.

Глава девятая

Снимок напечатали на первой странице. Подпись гласила, что бригада обсуждает задачи саратана. В центре группы стоял Сабир, Пулат вытирал руки ветошью, казалось, он только что вылез из-под трактора. Тешабай облокотился о черенок лопаты, а Хайиткул и Равшан стояли, чуть вытянув шеи, полуобернувшись к объективу. Впечатление было таким, что ребята и в самом деле о чем-то горячо спорят.

Газета была двухдневной давности. Принес ее Кадыр-ака.

— Посмотри на своего Сабира,— сказал он, поздравившись с Адолат, и протянул ей через стол газету.

— А почему же об этом еще никто не знает?— спросила она, мельком посмотрев на снимок.

— Подожди, все еще впереди. Газеты у секретаря председателя задержались. Думаю, его за это по головке не погладят.

«Интересно,— подумала Адолат,— сам-то Сабир видел эту газету или нет?»

Два дня как она ушла из дома, а муж никак на это не прореагировал. Может быть, он еще с поля не возвращался?

Адолат вернулась в родительский дом с чемоданом, когда вся семья собралась за дастарханом. Мать сразу все поняла, запричитала.

— Доченька, да что же ты наделала? Поскандалили, что ли?

— Да нет, не поскандалила, мама.

— О аллах, так что же случилось?

— Подожди, мать, не тараторь. А ты, дочка, садись да спокойно рассказывай,— вмешался отец.

Адолат села. О чем рассказывать? О том, что так долго накапливалось на душе, а сегодня прорвалось? А мать все не ушмалась:

— Если он тебя так сильно обидел, надо пойти в партком, пусть ему там всыплют! Да и вы, отец, поговорите с зятем. По-мужски... Что же это такое творится на белом свете, а? Я ему как порядочному дочь отдала, а он... изверг, прогнал ее! Завтра я сама пойду к рансу-бобо!

— Никто ее не прогонял,— сказал Якуб.— Сама ушла. И правильно сделала.

— Сама? Что ты говоришь, Якубджан? Зятя и пророк чтит. Значит, она виновата?

— Никто не виноват, мать. Бывает так, когда никто не виноват — и жизни нет.

— Не бывает!

— Сейчас бывает...

Мать постелила Адолат на суфе¹. Она отнесла к постели мужа чайник чая, чтобы он мог почью, не поднимаясь, напиток, и вернулась к дочери. Легла рядом.

— Объясни мне, старой, что у вас произошло, дочка? Может, я чего не понимаю?

— Вот вы, мамочка, стали бы жить с отцом, если бы знали, что он лицемер? Одно лицо у Сабира для людей, а второе — для себя, да и для меня. Один Сабир якобы честен и благороден, а второй... да что там говорить! Никого он, кроме себя, не любит!

— О-о-бо-о,— сказала мать.— Неужели твой муж такой скрытный? Но ведь и мы с отцом, значит, в нем обманулись, приняли за порядочного.

— Многие и до сих пор на его счет обманываются.

— А как же ты теперь — ни жена, ни вдова?

— Ничего, переживу...

Утром Адолат вышла из дома с братом. «Даже лучше, что я ушла к своим,— решила она,— люди подумают, что пока муж в бригаде пропадает, мне лучше пожить у родителей. А там... привыкнут и меньше будут языками болтать».

— Отец не осуждает тебя, сестренка,— сказал Якуб.— Мы с ним утром обо всем переговорили. Так что — выше нос!

Отец... Сколько Адолат знает его, ни разу не слышала, чтобы он кричал или ругался. Почти всегда молчит, если и скажет что-нибудь, то коротко и веско. Любимая его пословица: «Хорошее слово — короткое». И Якуб вот такой же.

— Кто сам упал — не плачет! — сказал ей брат, простившись у конторы.— Держись, сестренка!

...Составив и размножив сводку, Адолат подала ее Кадыру-ака на подпись. Когда она возвращалась к своему столу, дверь неожиданно распахнулась и в ком-

---

¹ Суфа — глиняное возвышение.

нате появился Сабир. Потный, запыленный. Он поздоровался с Кадыром-ака и подошел к Адолат:

— Не скучаешь без меня, ханум?

— Как всегда, Сабир-ака,— ответила она, сразу же сообразив, что он, наверно, не был дома и ничего не знает.

— Ладно, никто мне не подскажет, где Халим-ака?

— Утром был у себя,— ответил главный экономист.— Что, срочно нужен?

— Эта бригада меня сведет с ума!— воскликнул Сабир.— Организовали, раструбили на всю республику, а как надо помочь — так нет никого! Лишнюю тонну азота и то приходится вырывать с боем!

— Норму вы свою получили, чего ж теперь возмущаться, дорогой,— сказал Кадыр-ака.

— По норме,— со злостью проговорил Сабир,— я должен дать тридцать центнеров с гектара, а с меня требуют сорок пять, уважаемый!

— Требуют или сами пообещали?

— Какая разница? А сейчас мне нужен дополнительно азот.

— А как же другие обходятся?

— Другие, другие! Тем, от кого рекордов ждут, давно, наверно, подбросили. А как же иначе? Рекорды, они особых условий требуют?

— И такое может быть,— сказал недоброжелатель по Кадыр-ака и, поднявшись, пошел к выходу.— Пора на обед.

— Ты не покормишь меня, жена?— спросил Сабир, когда за главным закрылась дверь.

— Сама хожу в столовую.

— Что так?

— Сабир-ака, присядьте на минутку,— голос Адолат дрогнул, она вот-вот была готова разрыдаться.

— Что случилось?— заволновался Сабир.

— Я ушла. К своим.

— Как ушла?— удивился он.— Зачем?

— Ушла пасовсем.

Он оторопело молчал. Наконец, видимо, осознав происшедшее, с горечью воскликнул:

— Разве я для тебя ничего не значу?!

— Теперь уже нет.

— Но ведь могла бы со мной хоть посоветоваться.

— Я посоветовалась, не беспокойтесь.

— С Бахтияром?— зло спросил он.— Знаю, звонила ему. Секретарша директора уже доложила мне об этом событии.

— Не с Бахтияром, а со своей совестью!— почти крикнула она и удивилась сама себе. Никогда раньше она не позволяла себе так разговаривать с мужем.— А Бахтияр-ака ничего не знает. Я никому не сказала еще...

«Слава аллаху,— облегченно вздохнул Сабир,— хорошо, что Сарыгуль не знает. Что ж, нужно, чтобы это пока оставалось между нами, а там видно будет... Еще сама вернется да извинится тысячу раз, когда ... о Сабире заговорят повсюду!»

— Пусть пока будет так,— сказал он торопливо,— живи у матери, если кто спросит, скажи, что одной боязно. И правда, меня нет, ты все время одна, вот и... Но скоро пройдет горячая пора, я вернусь домой, тогда мы с тобой и разберемся на холодную голову, как говорится.

— Нет, Сабир-ака,— теперь ее голос звучал твердо.— Если спросят, скрывать не стану, все равно ведь правду придется сказать рано или поздно.

— Ты с ума сошла, жена!— крикнул Сабир,— Какую правду?! Я виноват перед тобой. Допустим, что это так. Но к чему, скажи, трезвонить об этом? Именно сейчас? Ведь не сегодня завтра меня вызовут в райком вручать билет, а я... Что я там отвечу? Ты хочешь, чтобы меня втоптали в грязь?!

— Ничего, вы найдете выход, выкрутитесь.— Адолат поднялась, давая понять, что не намерена больше разговаривать.

— Адолатжан, женушка моя,— бросился к ней Сабир. Он схватил ее руки, стал покрывать поцелуями.— Хорошо, поступаешь, как велит совесть. Но только учти, все, что я делаю,— ради тебя одной. Мне ни славы, ни денег не надо — ничего не надо! Ну, хочешь, брошу бригаду, стану снова рядовым учителем?! Будем жить скромно, зато в любви...

Адолат горько усмехнулась.

— Не хватит духу! Разве вы сможете допустить, чтобы плодами вашего труда воспользовался другой? Да и ведь не в учительстве дело в конце концов. В бригаде тоже можно быть человеком...

— А если я смогу быть таким, каким ты хочешь, вернешься?— Вопрос не застал ее врасплох. Она много думала над этим и потому честно сказала:

— Не верю в это. Потому и ушла.

— Не будем спорить, Адолатхон,— сказал Сабир,— Я тебе на деле докажу! Погоди, не решай ничего окончательно, дай мне возможность доказать, что и я могу быть достойным уважения.

— Кое-кто уже и сейчас принимает вас за уважаемого человека.

— Выходит, все дураки, одна ты — умница!? Так не бывает, Адолат. Время покажет, кто из нас прав.— Хлопнув дверью, Сабир ушел.

Адолат устало опустилась на стул. И аппетит пропал, и делать ничего не хотелось.

— Что с ним?— спросил вернувшийся Кадыр-ака.

— С кем?

— С Сабиром. Пронесся мимо меня злой.

— Не понравилось, что я ушла из дома.

— Это еще что за новость?— удивился Кадыр-ака.

- Правда. Не хочу мучаться, обманывать себя, других, его.

— Трудно, когда нет взаимопонимания. Я все знаю,— поднял он руку, видя, что она собирается возразить,— вернее, догадываюсь. Что ж, испытание ты себе выбрала нелегкое, важно теперь не спасовать.

— Перед чем, ака?

— Перед обычаями и традициями, перед авторитетами.

— Не сломясь. Брат Якуб поможет выстоять. Мне безразлично, как Сабир теперь будет жить, что делать.

«Удивительно,— подумала она, сказав это,— мне и вправду безразлично. Вот пробыл он здесь полчаса, решалась судьба наша, и хоть бы капелька прежних чувств осталась во мне. словно бы с чужим человеком разговаривала. Неужели я его не любила? А если любила, то неужели любовь так быстро могла уйти?»

— Халим-ака появился,— вывел ее из задумчивости «главный»,— если Сабир встретил его, то сейчас тебя вызовут.

— Я не пойду,— перебила его Адолат.

— А пойти нужно. Халим-ака ведь не кто-нибудь, а секретарь парткома. Может быть, стоит ему все почестному рассказать.

— Какое дело парторгу до нашей личной жизни?

— Личной жизни вне общества не бывает, Адолат, сама знаешь. А парторг и посоветовать может, он человек опытный, может и убедить.

— В чем?

— Ну, скажи на милость, кому хочется, чтобы молодая семья распалась?

— Сейчас мне тяжело. Но если вернусь, станет тяжелее в тысячу раз.

Секретарь партийного комитета Халим Бегматов не пригласил Адолат к себе ни в тот день, ни на дру-

гой. «Наверное, Сабир постеснялся рассказать ему или гордость не позволила?— подумала она.— А может быть, не гордость, а трусость?»

Глава десятая

Небо и земля отдыхали от зноя. Талы, чинары и шелковницы, выстроившись вдоль улиц Сарыгуля, словно бы выпрямили ветви. Адыры Боботага залила киноварь заката, а за ними далеко-далеко виднелась темносиняя горбатая спина Гиссара. Тени деревьев перечеркнули улицы широкими сизыми полосами.

В кишлаке стояла тишина — вечерняя прохлада опускалась во дворики и сады, и люди словно бы боялись ее спугнуть. Старики недовольно покачивали головами, если вдруг какой-нибудь парнишка пропосиделся на улице на монете, оглушая округу автоматной дробью.

У Адолат день сегодня был суматошный. С утра к конторе подкатил автобус телевидения. Бойкий корреспондент объяснил парторгу, что он прибыл снимать героя полей Сабира Каюмова. Халим-ака попросил Адолат сопровождать их. Видя, что Адолат выслушала просьбу без энтузиазма, добавил: «Это вам комсомольское поручение, вы же знаете, что люди все заняты, послать больше некого». И она молча направилась к автобусу.

Сабир встретил телевизионщиков, сняя от гордости. К жене он обращался как ни в чем не бывало, даже пытался шутить.

Оператором съемочной группы оказался ужасно нервный человек. Недовольным голосом он требовал, чтобы ребята то бежали от трактора к полевому стану на «обед», то раздевались и лезли под душ. Затем Сабира и Хайиткула заставил пригнувшись идти вдоль борозды, а сам на корточках следовал за ними и трещал своей камерой. Бывало, что ребята не понимали,

чего он хотел. Но Сабир терпеливо все сносил — лишь бы съемки удачными были.

Часам к трем оператор наконец, совершенно мокрый, устало махнул рукой — расходишься. Когда Адолат вместе с корреспондентом направилась к автобусу, Сабир сказал ей нарочито громко:

— Еще с недельку я не появлюсь дома, джаным, не скучай...

Адолат опустила голову — ей неприятно было слышать эту ложь.

В конторе ее поджидал Кадыр-ака — требовалось срочно подготовить сведения о работе механизмов, причем по каждому в отдельности. Пока она вместе с бухгалтером из отдела механизации закончила это дело, день подошел к концу. Главный просмотрел подготовленную бумагу, похожую на скатерть средних размеров, и остался доволен.

— Я подожду председателя группы народного контроля, — сказал он, — эти сведения нужны ему, а ты свободна. Да, кстати, завтра отправишься в управление на семинар.

— Хорошо, — ответила обрадованная Адолат. Все хоть какое-то разнообразие, развлечется. А то идет по улице, и чудится ей, что глядят люди на нее неодобрительно. «Если удастся застать дома Мингсач, — подумала она, — поживу у нее пару деньков, в кино схожу».

Мингсач — подруга Адолат. Они вместе учились в школе, часто встречались и в Ташкенте, та была студенткой института иностранных языков. Мингсач вышла замуж за своего однокурсника и теперь жила в районном центре в небольшом коттедже на тихой улице. Она работала инспектором района, часто допоздна задерживалась в школе, потому Адолат и подумала так: «Если застану...»

Адолат вышла из конторы и неторопливо направилась по тротуару домой. Земля еще не успела остыть от

дневного зноя, но дышалось легко — наступало время вечерней прохлады. Адолат вдыхала полной грудью свежий воздух — ей было так хорошо, что она даже забыла про усталость. Вдруг она замерла на месте, лицо ее запылало — навстречу шел Бахтияр.

— Салам алейкум, Бахтияр-ака,— сказала она еле слышно и протянула руку.

— Ваалейкум ассалам,— Бахтияр пожал ее тонкие пальцы. Хотя он и ждал этой встречи, готовился к ней, а вот увидел Адолат и сразу растерялся, не знал, что сказать.

Но зато красноречиво говорили его глаза. В них была любовь.

Адолат поняла это, и душа ее готова была петь от радости, от захлестнувшего счастья.

— Как поживаете, Адолатхон, мне кажется, я не видел вас вечность!

«Отпустите руку, Бахтияр-ака,— взмолились ее глаза,— что могут подумать люди?!» А вслух она сказала:

— Да так, живем потихоньку.

Бахтияр отпустил, наконец, ее руку, улыбнулся.

Лицо обветренное, нос облупился, точно у мальчишек, что день и ночь пропадают на канале. Большие черные глаза слегка прищурены, и потому выражение немного насмешливое. «Да,— подумала она,— на такую внешность девушки не очень-то заглядываются. Но зато, если узнаешь этого человека поближе, поймешь...»

Несколько мгновений они стояли друг против друга на тротуаре и не могли произнести что-либо внятное. Но зато говорили их глаза, говорили сердца.

«Я о тебе всегда думаю. С тех пор, как увидел. Тогда, в кино».

«Почему же молчали?»— спросили ее глаза.

«Не решился. Я ведь не такой видный, как Сабир».

«Эх, как верно в народе говорят: лицо — не сливки, в него лепешку не обмакнешь».

«Ладно, прошлое не вернешь. Скажи, ты счастлива с Сабиром?»

«Несчастлива. Но никто в это не поверит».

«Я верю!»

«Спасибо, Бахтияр-ака. Это для меня самое главное».

И какими обиденными, какими малозначительными были слова, что они решились произнести вслух:

— Куда вы запропастились, Бахтияр-ака, я так давно вас не видела!

— Знаете, сколько дел, келин! Ушел в отпуск, а директора послали на семинар пропагандистов. Остался Мансур-ака, но вы же знаете, стар он. Вот и приходится мне на общественных началах заниматься ремонтом школы. То краску нужно достать, то доски, то известь. Мотаюсь по всему району. Несколько дней в Термезе пробыл.

— Поэтому вас и не было на прополке в бригаде Сабира?

— Я очень сожалею, Адолатхон,— Бахтияр смущенно помолчал,— тогда бы я увидел вас и...— Закончить свою мысль он, видно, не решился и потому невпопад добавил:— Напросился бы на плов.

— Правда?— воскликнула Адолат, не скрывая радости.— Для вас я бы приготовила царское блюдо.

— Спасибо, келин...— Он смотрел на нее и вроде бы не узнавал. Показалось, в ней прибавилось нежности. Чуточку раскосые глаза ее смотрели на него восторженно и смущали.

И опять они стояли молча, не в силах разойтись. И уже чувствовали на себе любопытные взгляды.

— В гости к своим?— наконец спросил Бахтияр.

— Да.

— Тогда я вас, если позволите, провожу. Мне как раз Якуб-ака нужен по срочному делу. Я, собственно, и шел к нему.

Адолат улыбнулась, она простила ему эту маленькую ложь.

— Не спешите, Адолатхон,— попросил Бахтияр,— мне хочется, чтобы у этой дороги не было конца.

Его слова не обидели Адолат, не вызвали раздражения. Она сбавила шаг. Ей и самой хотелось подольше побыть с Бахтияром.

— Зачем вы ушли из дома, Адолатхон?— спросил он глухим голосом.

— Так вы уже знаете?

— Слышал. Я хочу с вами серьезно поговорить.

— О чем, ака?

— Я вас больше чем уважаю, Адолатхон,— начал Бахтияр.— И тогда в гостях у вас, помните, не шутил, когда сказал, что увел бы вас из-под венца. Но я не одобряю вашего шага.— Он замолчал, ожидая, видно, реакции Адолат. Но она лишь опустила голову.— Отбросим на минуту честолюбивые замыслы Сабира. Если их отбросить, то надо признать, что он начал в колхозе, да и в области, большое дело. В целинных совхозах этот вопрос уже давно решен, там условия заставили хлопкоробов обратиться к силе машин.

— Какне условия, ака?

— Нехватка людей. На целине ведь только земли много. А в колхозе? Ну, хотя бы у нас? Что ни бригада, то десятки и десятки человек. Отсюда и инерция в мышлении. Людям кажется: чем больше механизмы будут вытеснять ручной труд, тем ниже станут заработки.

— Бахтияр-ака,— насмешливо спросила Адолат,— и откуда вы все это знаете? Вы же не экономист, а историк.

— Но живу-то я среди хлопкоробов, к примеру, агитатор в семнадцатой бригаде. Да и политэкономно когда-то изучал. Колхозники должны понять, что освобождение от изнурительного ручного труда — выигрыш. И работать станет легче, и заработки, поскольку себе-

стоимость хлопка будет ниже, вырастут. Вот в этом смысле дело вашего Сабира требует поддержки.

— А кто ему в этом отказывает?— усмехнулась Адолат.— Технику новую — ему! Удобрения сверх нормы — ему! Комсомольцев трудиться на общественных началах — в его бригаду!

— Ну, может быть, передержки и есть, но нельзя же за ними не видеть хорошего.

— А вы знаете, Бахтияр-ака, мне уже трудно рассмотреть это хорошее. Потонуло оно в честолюбии.

— Нельзя так, келин. Вы — жена, друг, советчик. От того, насколько хорошо вы будете к мужу относиться, насколько понимать вот эту, необходимую обществу, сторону его дела, настолько и настроение у него будет высоким. Любовь женщины — крылья для мужчины.

— Едкий дым первой труба чувствует. Мне сейчас видно и понятно то, что еще многие не видят, а может быть, не хотят видеть. Я знаю — дело Сабира нужное. Но я против того, чтобы оно делалось нечистыми руками. Ради тщеславия и корысти. Неужели вы думаете иначе, Бахтияр-ака?

— А вы, вы, Адолатхон, — неожиданно резко спросил Бахтияр, — что вы сделали для Сабира, пытались ли помочь ему стать другим?

Адолат посмотрела ему в глаза.

— Простите меня, я многого не знаю. Просто думал, что без вас Сабира будет плохо, я хочу сказать, вы действовали на него облагораживающе. — Бахтияр опустил голову. Он понимал, что такими своими речами теряет уважение Адолат. Но не мог же он признаться, что Сабир умолял друга вмешаться, спасти его честь.

«Вы ли это, Бахтияр-ака, — горько думала она, глядя на пощипшего Бахтияра. — Почему говорите чужие, бездушные слова? Господи, да неужели я ошиблась, неужели и вы способны лгать, лицемерить?!»

Зажглись уличные фонари. Нарядные парни и девушки спешили, как видно, в кино. Адолат провожала их грустным взглядом.

— Бахтияр-ака, скажите правду,— попросила она,— от кого вам стало известно, что я ушла!

— Сабир вчера весь вечер пробыл у меня. Просил даже пойти к вам вместе.

— А вы что же?

— Побоялся, что..

— Что он испортил все дело?— перебила его Адолат.— Начнет опять говорить только о себе, у него это просто получается, верно?

— Может, и поэтому. Но, пожалуй, нет... Были другие причины.

— О-о, Бахтиярджан,— услышал он голос Якуба, едва они с Адолат переступили за калитку,— какими ветрами, друг?

— Салам алейкум, Якуб-ака,— поздоровался Бахтияр.

— Салам, салам, проходи на суфу. Адолат, проводи гостя.

На суфе расстелены курпачи. Дворник тщательно подметен и полит. Прохладно.

— Посидите, Бахтияр-ака,— в голосе Адолат нет и следа обиды,— я сейчас приготовлю чай. Мы вас сегодня не скоро отпустим.

«Долг гостеприимства,— подумал Бахтияр,— минуту назад была готова послать меня к черту со всеми правонарушениями, а сейчас вежлива, как... доктор с больным».

— Нет, Адолатхон,— ответил, грустно вздохнув, Бахтияр,— я на минутку, по очень маленькому делу. Так что и не надо хлопотать.

— Что же это вы! Хотите убежать от друзей?

— Не от друзей, а... наверное, от себя, келин.

— Не называйте меня «келин»,— строго сказала она,— а от самого себя, акаджан, еще никто не смог

уйти. Да и не нужно делать этого, я считаю. Садитесь же...

Адолат направилась к летней кухне.

«Так вот оно что,— к нему приходил Сабир,— размышляла она, готовя чай,— вот чьи слова он говорил. Хотел до конца остаться другом. Ну что ж, простим ему этот проступок, ведь все равно глаза его говорили совершенно другое».

— Каким ветром все ж тебя занесло, Бахтияр?— спросил Якуб, присаживаясь рядом.— Обычно ты наш дом обходишь за версту.

— Мне хотелось поговорить с Адолат о Сабире. Вот я и сказал, что иду к вам, Якуб-ака.

— Не вмешивайся,— сказал Якуб.— Ей нужно самой во всем разобраться.

— Меня просил Сабир, ведь он считается моим другом.

— Вот и скажи ему правду.

— Были у нас с ним серьезные беседы, но... он прислушивается только к себе.

— А что Адолат?

— Кажется, она больше не любит мужа.

— Ты свой долг выполнил. И не напоминай ей больше о Сабире. Она вычеркнула его из сердца. Навсегда. У нас у всех характер, как у отца,— сказал, точно отрезал!

— Я понял это, Якуб-ака.

— Вот и хорошо. А теперь будем пить чай.— Он принял из рук сестры чайник и пиалы.

Адолат расстелила дастархан.

— А как ваши дела, Якуб-ака?— спросил Бахтияр.

— Ну, у поливальщиков дела сейчас серьезные. Я пришел домой, отец остался в поле. Поужинаю, заменю его. А потом до утра вместе будем коротать время, он — ча одном конце поля, я — на другом.

Бахтияр пробыл у них часа полтора. Якуб его спрашивал обо всем на свете. О Сабире только не произнесли больше ни слова. Будто его и не было в Сарыгуле...

Глава одиннадцатая

Первое время Сабир не придавал особого значения тому, что Адолат ушла. Он считал это прихотью молодой жены, которая еще образумится и вернется. «Куда ей деваться?— думал он.— Пусть поиграет в справедливость, пусть покапризничает, последнее слово все равно останется за мной. Мне нужно показать характер, доказать, что не очень-то нуждаюсь в ней».

Тогда сгоряча он сказал Адолат, что готов ради нее уйти из бригады. Но затем подумал и сам себе признался: «Столько сил отдано этой бригаде, так разве теперь, когда пройдена половина пути, поверну назад? Нет, милая моя, лев не возвращается по следу!»

О разладе в семье Сабир, правда, сказал секретарю парткома. Так, между прочим, когда речь шла об азоте.

— А Адолат-то бросила меня. Не угодил, видно, чем-то. Ну, да ладно, перемелется — мука будет. Как же все-таки с азотом?

— Это вещь дефицитная,— ответил Халим-ака, словно бы пропустив мимо ушей заявление Сабира о жене,— из-за него бесконечные споры идут, больше того, бригады на всякие хитрости пускаются. Вчера ранс-бобо рассказал забавную историю. Нужно было зерно с токов перевезти, а тележки все по бригадам закреплены. Так же, как и у вас. Послал он шофера по бригадам с просьбой дать тележки. Проходит полдня — шофер возвращается ни с чем. Почему? Оказывается, в первой бригаде колесо у тележки сломано, во второй — горючего нет, в третьей — самого трактора. Словом, ни одна бригада тележек не дала.

— А что ж у нас не взяли?— спросил Сабир.

— Очень уж далеко ваша бригада находится. Да не в этом дело. «Ну, перехитрю я вас, черти»,— решает раис. И тут же посылает шофера опять по бригадам, мол, срочно нужен транспорт, только что звонили из Термеза — азот можно забрать, а зерно, бог с ним, подождет денька два. Встал раис на выезде из кишлака, ждет. И уже через час собралось восемнадцать тележек — и колеса нашлись, и трактора, и горючее. Пока солнце зашло, все зерно перевезли. Так вот, брат... А тебе азот подавай... Поговорю сегодня с Тохтасыновым, надеюсь, поможет. Он о вашей бригаде печется особо. Но смотри, никому ни звука.

— Молчу, Халим-ака,— воскликнул Сабир.— Я пошл.

— Постой, Сабирджан,— остановил его парторг, когда тот уже открывал дверь.— Что-то ты об Адолат говоришь?

— Да так, ничего,— ответил Сабир, улыбувшись.— Небось сами знаете женщины. Капризы! Решила пока у матери пожить. Молодая!

— А-а,— подмигнул ему Халим-ака,— понятно. Ну, а чего ж ты ее обижашь, парень?

— Дел много, голову, как говорится, почесать некогда.

— Все равно, брат, нужно находить и для жены время. А то раздумает и не вернется совсем. Может такое случиться?

— На ней свет клином не сошелся.

— Не говори так, Сабир. Жена у тебя умница. Такую нужно на руках носить!

— И в береженный глаз сор попадает. А насчет рук... Они у меня более важным делом заняты.

— Читал, читал,— сказал Халим-ака, решив похвалить его,— хорошо написали. По радио уже слышал о вашей бригаде. Из Ташкента. Приятно, черт возьми,

когда о нашем колхозе рассказывают! Ты только не зазнавайся!

— Что вы, ака, разве не верите мне?

— Верю. Потому и поддерживаю...

Втайне Сабир надеялся, что после того, как о бригаде передадут по телевидению и начнутся поздравления односельчан (а так оно и было), дрогнет сердце жены — придет и она поздравить, уж тут-то с честно заслуженным успехом. Но не пришла Адолат, даже весточки ни с кем не переслала. Вот тогда-то самоуверенность стала покидать Сабира, понял он — это серьезно.

Заволновался бригадир. В Сарыгуле еще не случилось такого, чтобы жена оставила мужа. Был случай — муж бросил семью! А тут... Если узнают земляки, хоть в петлю лезь от позора! Пересуды начнутся — разве от хорошего мужа убежит жена? Хотел он сначала поговорить с Якубом, но, зная его бескомпромиссный характер, отказался от этой затеи.

Бахтияр — вот кто ему поможет. Жена, судя по всему, уважает его, прислушивается к его словам. Сабир и сам не мог понять, что связывает его с другом? С одной стороны, ему были чужды принципы и убеждения Бахтияра, Сабир побаивался злого, но справедливого языка друга; но, с другой стороны, несмотря ни на что его тянуло к Бахтияру.

Может быть, оттого и тянуло, что частенько в спорах с другом, отстаивая свои взгляды, Сабир не столько пытался убедить Бахтияра в их правильности, сколько самого себя?

Выбирать, как говорится, не приходилось, и Сабир отправился в школу. Оказалось, что Бахтияр уехал в район — когда вернется, сказать затруднялись. Лишь поздно вечером удалось, наконец, застать его дома. Долго говорил Сабир о своих чувствах к жене, просил побеседовать с ней, убедить, что не такой уж он, Сабир, законченный негодяй, как это представляется Адолат.

— Не обидно бы,— сказал он, прощаясь с Бахтияром.— Если бы она ушла после того, как я получил билет. А так... Если узнают... Все усилия пропадут напрасно.

— Ты же не любишь жену,— сказал Бахтияр, сдерживая гнев.— Зачем хочешь вернуть ее, не понимаю! Ради билета? Так всю жизнь и будешь держать ее рядом ради чего-нибудь?

Сабир смутился. Слова Бахтияра больно задели его.

— Люблю я ее. Люблю. Ну, а сейчас во мне говорит чувство обиды. Если бы не любил, не женился. Ты же помнишь, как это все началось. И сейчас, после года женитьбы, не разочаровался в ней. А вот она...

— А не был ли для тебя этот брак по расчету?

— Какой уж тут расчет,— усмехнулся невесело Сабир,— была бы она дочерью, скажем, секретаря обкома, другой вопрос. А то просто кишлячная девчонка! Из обычной семьи. Может, и напрасно не послушался в свое время отца.

— Было и такое?

— Было, что скрывать, сказал тогда отец: «Смотри, сынок, из какой семьи жену берешь. Они же все там точно дикобразы колючие. Что отец ее, что брат. Намаешься ты с ней». И правда, кажется, начались мои веселые деньки! Ну, так как, поговоришь, что ли?

— Знаешь,— ответил Бахтияр,— послал бы тебя к черту, да не могу. Для всего Сарыгуля — мы неразлучные друзья. Поговорю, но сделаю это не от чистого сердца.

— Спасибо и на этом. Может, вместе и пойдем?

— Я пойду один.

— Надеюсь на тебя, Бахтияр.

— Буду говорить, что думаю, Сабир. Чернить тебя не стану, но и лгать не собираюсь. Просто узнаю, что она думает, что она собирается делать.

На другой день Бахтияр «нечаянно» встретился с

Адолат. Вернулся домой поздно. Спать не хотелось. На душе было и радостно и тревожно. Он лежал на чорпае под шелковицей и играл на рубабе «Мунотджот» — мелодию, которую сочинил народ. Трепетная, нежная, казалось, она вобрала в себя все радости и все страдания любви. Это о ней, о «Мунотджот», написал прекрасные строки молодой поэт:

Мне чьи-то слезы слышатся вдали,
И не пойму я, что же это значит —
То ль горестно рыдает Навои,
То ль весельчак Хайям сегодня плачет...

Наступила ночь. Над головой простиралось бездонное небо. Снежные шапки вдали напоминали величественных старцев в белых чалмах. Покой разлился над полями, над садами кишлака. Но отчего же в сердце Бахтияра тревога?

Сейчас он до конца осознал, что поступил если не подло, то глупо. Ну, какое он имел право требовать у Адолата отчета в ее поступках? Вот семья у нее куда деликатней оказалась. Они верят Адолат, верят в то, что их дочь, сестра не может поступить дурно. Как же нелепо он выглядел, когда лез к ней в душу. И что же должна думать о нем эта женщина — сама не умеющая лгать и не терпящая ни слова лжи?

— Салам алейкум, Бахтияр, не бойся, это я.

Бахтияр вздрогнул, вскочил с чорпая. Перед ним стоял Сабир.

— Салам. — Он отложил рубаб в сторону.

— Понимаешь, — сказал Сабир, присев рядом, — волнуюсь ужасно. Ушел от тебя вчера, да так и не уснул. В доме как-то пусто, неуютно стало. Тоска. Весь день сегодня ходил сам не свой. Ребята перестали узнавать меня. Руки опустелись, ничего делать не хочется. Только теперь начинаю понимать, как она мне дорога и необходима!

— Арык, который течет через двор, не ценят,— сказал Бахтияр.— Так и ты.

— Вот именно,— подхватил Сабир.— Все казалось таким устойчивым, и вдруг — ничего! Не дай бог этого никому!

Сабир заметно волновался, голос его дрожал. Бахтияр смотрел на друга и не решался передать разговор с Адолат. «Конечно,— думал он,— целый год прожили бок о бок, на одну подушку головы клали, из одной чашки ели. А вдруг и Адолат вот так же мучается, хоть и бравистом, что ей все равно».

В глазах Сабир застыл немой вопрос, и Бахтияр, наконец, сказал:

— Нечем тебя обрадовать, Сабир. Не хочет она возвращаться. И уж ничьи, видно, уговоры не помогут.

— Если бы ты знал, как я ее хочу видеть и слышать!

— Ну так скажи ей об этом сам!

Сабир с надеждой посмотрел на друга.

— Думаешь, это возможно? Пойду. Может быть, она раскаялась уже, а вернуться не позволяет гордость. Что ж, сделаю первый шаг, пойду. Но... может, ты не так разговаривал с ней, а? Ведь женщины любят дипломатию.

— Говорил то, что думал, Сабир. Сказал и о том деле, которое ты начал. А оно сейчас очень нужно! Да она это и сама понимает.

— Тогда почему же...

— Спроси об этом у нее сам.

Но куда Сабир не пошел. Мужества на это не хватило — он еще помнил, каким гневом пылало ее лицо, когда она отчитывала его за членов бригады. Нет уж, пусть Халим-ака теперь вмешивается. Она не осмелится перечить парторгу.

Несмотря на то, что на дворе уже была ночь, Сабир знал, что застанет Халима-ака в конторе. В столь горячую пору он задерживался на работе далеко за полночь.

Каюмов зашел в кабинет, когда секретарь парткома собирался уже выключить свет. Увидев бригадира, спросил:

— Что так поздно, Сабирджан?

Тот поздоровался, сел на стул.

— Выручайте, Халим-ака!

— Что-нибудь в бригаде?

— Там все в порядке. Беда личная. Жена ведь у меня и вправду ушла. А что я скажу, если завтра секретарь райкома спросит о семье?

— Кто-нибудь знает об этом?— спросил Халим-ака.

— Бахтияр. И родственники.

— Ну, это не страшно. Рассказывай, что произошло.— Халим-ака сел рядом.— Только правду, парень!

— Конечно, конечно,— поспешил заверить Сабир.— Я не знаю, какая оса ее укусила. Всегда была такой тихой, любящей. И вдруг... В тот день, когда я к вам заходил, помните?

— Ты заходишь ежедневно,— мягко улыбнулся Халим-ака,— разве можно все запомнить. Я, если хочешь знать, забывать стал даже то, что утром ел. Годы, брат!

— Ну, когда речь шла об азоте и я, между прочим, сказал, что жена ушла?!

— Да, да, вспомнил. Ну и что?

— Тогда я еще думал, что все утрясется. Но Адолат и не думает возвращаться. Вот такие дела!

— Может, обижал ты ее, грубо обращался?

— За все время грубого слова не сказал. Тут другое. Уж очень она щепетильная в вопросах совести. Ей кажется, что я перешел в бригаду, ну, ради славы, что ли, ради длинного рубля. Говорит, что не может с этим мириться. Она хочет видеть во мне идеального человека, но ведь идеальных людей не бывает. Я не ангел, есть за мною грехи, но главное — я думаю о деле. О завтрашнем дне, Халим-ака. Осенью я докажу, что можно обойтись на уборке без ручного труда. Разве ж это плохо?

— Это отлично! Если у вас получится, завтра половина бригад захотят перейти на метод комплексной механизации. Мне кажется, жена твоя заблуждается. Завтра же приглашу ее и постараюсь объяснить что к чему.

Он прошел к столу и на листке календаря написал одно слово «Адолат», затем вдруг обернулся к Сабиру:

— Слушай, а если у меня не получится ничего? Ты же сам говорил — строптивная она?

— Есть в ней это. В отца вся.

— Да, отец ее человек резкий — пустой болтовни не любит. А уж если скажет — не в бровь, а в глаз попадет.

Глава двенадцатая

Халим-ака пригласил к себе Адолат в конце дня, когда она, сложив бумаги в стол, собралась уходить. Он самолично заглянул в их комнату, окликнул ее:

— Адолатхон!

— Салам алейкум,— сказала она, обернувшись.

— Зайди-ка на минутку...

В кабинете чуть слышно гудел вентилятор, и потому здесь было прохладно. Парторг стоял возле столика и внимательно рассматривал лежавшую на нем газету.

— Садись сюда,— сказал он, когда она вошла, и указал на кресло возле своего столика.

Адолат села, и взгляд ее сразу же упал на большой портрет Сабир, что красовался на первой странице областной газеты. «Обращение»,— прочитала она слово, набранное крупным шрифтом.

— Видишь, как твой муж пошел в гору,— сказал Халим-ака, кивнув на газету.— Обращение ко всем молодым хлопкоробам написал, а обком партии это одобрил. Теперь твой муж на виду. За ним вся область, а может и республика, следит. И потому репутация у него должна быть безупречной.

— Так вот ему вы и скажите, Халим-ака, чтобы он берег свою репутацию.

— Извини, Адолатхон, не то сказал, может быть, я, старый человек, смогу вам чем-то помочь. Скажи откровенно, что произошло?

— Долго объяснять,— ответила она,— да и ни к чему. Ушла и ушла. Разлюбила.

— Разлюбила? Такого в нашем кишлаке еще не было.

— Считайте, что это первый случай, Халим-ака.

— Нехороший случай,— покачал он головой.— Совсем нехороший. Два комсомольца — и вдруг... такое!

— А что, у комсомольцев не может быть неурядиц в семейной жизни?

«Однажды в передаче «Театр телевизионных миниатюр» из Ташкента показывали, как затаскали по разным инстанциям молодого человека, ушедшего от жены. Помнится, в конце сцены он уже ничего не соображал, сидел с глупым видом и вздрагивал при каждом слове очередного «интересующегося». Неужели и мне предстоит такое?— подумала с горечью она.— Сначала Халим-ака неофициально поговорит. Не получится, комитет комсомола начнет разбираться, и завертится колесо. Ну и пусть! Я готова!..»

— Адолат, я ведь болсю за вас обоих. Сейчас это быстро у молодых получается — чуть что, и разошлись по сторонам. Надо быть терпимыми, уметь прощать недостатки друг друга.

— Недостатки недостаткам рознь,— решительно заявила Адолат.— Если хотите знать, то все вы, кто видит в Сабире сейчас героя, только вредите ему!

— Скажешь тоже!— воскликнул Халим-ака.

— Вся та шумиха — газеты, радио, телевидение, которую вы подняли вокруг Сабира,— развращает его морально. Он уж чувствует, что он особый, не такой, как все. Ну и ведет себя соответственно. А вы ему, извините,

Халим-ака, за резкость, потекаете. Для чего вы ставите его в особые условия — боитесь, как бы не сорвался эксперимент, о котором заранее раструбили?! Вы хотите, чтобы почин Сабира был примером для всех других бригад? Нечего сказать, хороший это будет пример!

— О чем ты говоришь?— удивился Халим-ака.— Да ты видела, как Каюмов работает? Ничего ты не видела! Фархад — вот кто твой муж! Все самое тяжелое держится на его плечах. Мы тоже не слепые, видим, как он старается.

— Что же вы от меня хотите?

— Тебе надо вернуться домой, к мужу.

— Никогда!— воскликнула Адолат.— Делайте со мной, что хотите,— не вернусь.— Губы ее дрогнули. Она была готова расплакаться.

— Ну, ну,— примирительно проговорил Халим-ака,— слово не так скажешь — обижаются. Ну и молодежь пошла! Не хочешь, и не надо, никто тебя не неволнит.

...Когда Адолат возвращалась домой, было уже поздно. В небе начали появляться звезды. Улицы опустели— жизнь продолжалась во дворах. Где-то плакал ребенок, за одним из дувалов, видно, мальчишки выставили динамик — на всю округу неслась песня Мухаббат Шамаевой.

Подойдя к своей калитке, Адолат услышала крикливый женский голос, приелуналась — свекровь. «Мучения мои, видно, еще сегодня не кончились»,— подумала она и вошла во двор. На суфе сидели родители Сабира. Своего отца Адолат не увидела, мать, вероятно, готовила ужин — ее тоже не было. Только Якуб сидел молча. Говорила свекровь:

— В кишлаке ей завидуют — как же, жена самого Сабира Каюмова. Нас, родителей, и то соседи одолели уже с поздравлениями. Говорят, стоящего сына мы вырастили — недаром он уже на всю область известен. Этим же нужно гордиться, Якубджан. Что для нас, женщин, нужно — жить заботами и успехами мужа. Это ведь ког-

да коня нет, ишака за аргмака принимают. Ну, а когда имеется аргмак...

— Ассалам алейкум,— приветствовала гостей Адолат и подошла к свекрови, чтобы та по древнему обычаю обняла ее и поцеловала в лоб.

— Ваалейкум ассалам, доченька,— пропела ласково свекровь.— Что-то давно не была у нас — материнское сердце-то волнуется. Спрашиваю у сына — молчит. А вчера вот не выдержал Сабир, заплакал, точно ребенок, говорит, ушла она, мама, от меня, разлюбила. Вай, не поверила я. Вы ведь так хорошо жили, словно голуби. Весь Сарыгуль, бывало, когда шли вместе, любовался вами. И вдруг... Вай-вай, позор на наши седые головы!

Адолат опустила глаза, ответила что-то невнятное и ушла к матери на кухню.

— Почему так поздно, доченька?— встретила ее мать озабоченно.

— Халим-ака задержал.

— Про Сабира небось опять разговор вел?

— Да. Я очень проголодалась.

— Иди к гостям. Сейчас принесу плов.

— Ну их,— отмахнулась Адолат.— Вместе пойдем.

— Что ты, доченька! Гости чтят больше отца родного! Иди!

Адолат вернулась на суфу, она рассматривала своих родственников, точно впервые их видела. Свекровь была женщиной крупной, сидела на курпаче, как гора. Облачилась она в несколько платьев, как принято среди пожилых женщин Сарыгуля. Этот обычай сохранился с давних пор, когда считалось особым шиком прийти в гости, напялив на себя чуть ли не все наряды. Хорошо еще камзол не надела — запарилась бы совсем. На голове туго повязанная косынка, из-под которой, однако, видны пряди седых волос, а поверх косынки накинут еще белый шерстяной платок с яркими цветами. Лицо у нее

почти квадратное, властное. Свекор Каюм-бобо¹ одет в черный костюм и белую сорочку. На голове новенькая чувствская тубетейка. Он полулежит на курпаче и лишь изредка вставляет реплики, как бы украшает рассказ жены.

— Смирного залягают, Якубджан,— продолжала свекровь,— по себе знаем. Хорошо, у моего Каюма-ата² характер настойчивый. Скажут ему — делай то-то, а он сначала прикинет: выгодно это, станет делать, а коли не выгодно, то к чему ж и стараться-то.

— Вот и Сабира я так воспитал,— вставил свое слово бобо,— если есть возможность заработать, не мешкай, второй раз может не представиться такой случай. Но и себя не жалей, трудись. Труд человека делает сильнее!

— Сын слишком добросовестно выполняет ваши советы, ата,— сказала с усмешкой Адолат.

— А ты, доченька, помолчи, когда взрослые говорят,— осадил ее свекровь.— Разве плохой у тебя муж? Красивый, умный, сильный! Скажи, у многих твоих подружек такие-то мужья? Погоди, осень наступит, он ведь тебя с головы до ног осыплет деньгами!

— Мне такие деньги не нужны,— отрезала Адолат.

— Да разве в деньгах все дело?— вступила в разговор мать Адолат, ставя на дастархан поднос с пловом.

— Без денег никуда не сунешься. А с ними... и в пустыне шурпа!

— Ставя перед гостем еду, дай свободу его рукам, так говорят в народе. Прошу вас, уважаемые, попробуйте мой плов.

Каюм-бобо привстал, скрестил ноги под собой, снял пиджак и, засучив рукава, первым отправил в рот порцию плова.

---

¹ Б о б о — дедушка, старик.

² А т а — отец.

За ним принялись за еду и остальные.

— Что-то я жену вашу не вижу,— обратилась свекровь к Якубу.

— Время у нее подошло,— ответила за сына мать.— Отец вот повез ее в район, да что-то задерживается. Добро бы один поехал, а то и Джуру прихватил с собой. Не знаю, что и думать.

— На роду нам прописано все это, сваха,— сказала гостья.— Не волнуйтесь, даст бог, все будет хорошо. Я вон пятерых родила и всех на ноги поставила. Не хуже других.

— Помню,— сказал бобо, вытирая жирную руку о дастархан,— прибежал однажды Сабирджан из школы в синяках. Кто это тебя разукрасил?— спрашиваю я.

— Ребята.

— За что же?

— За то, что стал пятерки получать. Первый теперь в классе.

— Ну, и что ты решил делать теперь, сын?

— Пусть бьют. А лучше меня все равно никто не будет.

— Вот это по-мужски,— похвалил я его.— На дне терпения — золото. Учись хорошо, я для тебя ничего не пожалею.

— Истинная правда, уважаемые,— добавила сваха.— Мы ради Сабира ничего не жалели. Велосипед нужно — пожалуйста! Мотоцикл — бери! Да и как не баловать было — мальчик рос умным, цепким!

— Пришел Сабирджан зимой и объявил — пойду, мол, в бригаду. Я сразу понял, что к чему. Говорю: «Правильно решил, сынок. Сейчас твою идею подхватят, смогут во всем». А теперь сами видите, только о нем и разговору. И по радио, и по телевидению. Разве не радость это для нас, а?

Адолат принесла чай. Якуб разлил его и протянул пиналы гостям. Чувствовалось, что те не собираются

скоро уходить и еще, судя по всему, не высказали главного.

Слушая стариков, Адолат проницески улыбалась. «Продать, что ли, решили они сегодня своего сына? Нахваливают, точно невесту».

— Ого,— услышала она голос отца издали,— у нас гости в доме! Ассалам алейкум, сват и сваха.

Гости встали, здороваясь с хозяином, подождали, пока он займет место за дастарханом, и уж потом сели сами. Джура устроился рядом с Адолат, зашептал:

— А я теперь дядя.

— Сиди ты, дядя!— потрепала его голову Адолат.

Мать и Якуб нетерпеливо поглядывали на отца.

Тот степенно выпил пиалу чая, вытер платком пот с лица и только тогда сообщил:

— Поздравляю, Якубджан, с сыном, а тебя, мать, с внуком. Вес у него богатырский — четыре килограмма с чем-то.

— Сто тридцать семь граммов,— уточнил Джура, за что тут же получил от Адолат щелчок по носу — нельзя вмешиваться в разговор старших.

— Дай бог вашему внуку долгих лет жизни и здоровья.

Обычно сдержанный, Якуб радовался, как ребенок. Он со всеми перецеловался и без конца повторял: «Сын у меня, сын».

Мать Адолат тоже вся светилась от счастья — наконец-то мечта ее сбылась — она бабушка. Даже Джура — и тот напустил на себя важный вид.

Внимание к гостям как-то ослабло, и тогда свекровь нарочито громко обратилась к мужу:

— Ну, что, отец, пойдем, пожалуй.

— Пойдем,— согласился тот,— вот только Сабирджан задерживается. Прийти обещал.

— Да, да, сказал, что хоть на часок, а вырвется ради

семьи.— Свекровь развязала узелок и, вытащив белые лакированные туфли, поставила перед снохой.

— Вчера к ним в бригаду автолавка приезжала, Сабирджан купил тебе. Ребята пристали к нему: купи да купи, мол, как раз для бригадирши. А вот это — от меня, доченька.— Она развернула сверток, и в руках ее оказался отрез хан-атласа.— Себе когда-то покупала, да уж больно яркий он, келин, как раз для тебя. А мне, старухе, теперь что-нибудь поскромнее нужно. И тебе, Джурабек, подарочек есть.— Она протянула ему целлофановый пакет с плавками.— Сейчас все мальчишки в таких штанишках купаются.

Туфли были красивыми. При ярком электрическом свете они отливали перламутром. Помнится, на ногах приезжей певицы были точно такие же, и все девушки кишлака тогда завидовали ей. Да и атлас... шикарный отрез — не хочешь, а залюбуешься.

— Недорого вроде бы и стоит, а вот попробуй купи! Мне по знакомству достали,— сказала свекровь, увидев, как оживилась Адолат при виде хан-атласа.

— Да, да,— кивнула, согласившись, мать Адолат.— Но мы никогда и не думали о таких дорогих вещах.

— Не скажите, уважаемая, молодым теперь только и подавай наряды!

— Может быть,— вздохнула мать,— но наши дети не знали этого. То Адолат училась — ей помогали, то Якуб женился — опять расходы.

— Закудахтала,— недовольным тоном сказал отец.— Халат мы себе всегда по росту кроили. По котлу, говорят, крышка, и хорошо, что так.

А Адолат сидела и мысленно представляла, как бы она выглядела в новом платье из хан-атласа да в этих туфлях. Здорово бы, наверное, выглядела!

Но когда свекровь молча уставилась на нее, видно, ожидая благодарности, Адолат решительно сказала:

— Красивые вещи. Только подарки эти я не приму.

— Носи, чего уж тут,— снисходительно сказал свекор,— у большого верблюда и потник должен быть большим. Ты — жена известного человека, так что скромничать ни к чему. Тем более — муж дарит тебе, келин. На свои деньги покупал.

— Но сердце-то ведь за деньги не купишь,— сказала Адолат.

— Напрасно ты так, доченька,— вздохнула свекровь.— Ну, поссорились вы, может, он неправ. Всякое бывает. Ссора супругов иссякает прежде, чем кисея высохнет. Мы вот с отцом долгую жизнь прожили. И бранил он меня, и бил бывало. Все же вместе. Для мужа жена всегда — роза в саду. Сабирджан обидел тебя, а сам пока не знает, почернел весь с тоски. Сжалилась бы.

Она произнесла эти слова с такой неподдельной горечью, что у Адолат дрогнуло сердце. На минуту она представила себе, как Сабир возвращается домой, худой и заросший, а в доме пусто. Никто воды не согреет, чтобы помыться, никто ужина не приготовит, слова не с кем сказать. «Ну, нет,— одернула она себя решительно,— жалость тут неуместна. Рано или поздно разошлись бы наши пути».

Она услыша, как хлопнула калитка. Во дворе появился Сабир. Он был одет в свой свадебный костюм. Выглядел бодрым и довольным. Поздоровавшись с родственниками, присел рядом с Адолат.

— Прошу прощения, что поздно,— сказал он,— пришлось задержаться немного. Только вечером предупредили, что завтра в области состоится слет молодых хлопководов. Я должен выступить на нем. Пришлось нам сейчас с Халимом-ака речь готовить. Ну, а у вас что тут?

— Да вот, сынок,— запричитала мать его,— все уювариваю келинджан, не хочет ничего слушать.

Сабир вдруг резко поднялся, неожиданно резко сказал:

— Не нужно унижаться, мама. Видать, каменное у нее сердце. Пусть будет счастлива. Перед людьми, по крайней мере, мне не стыдно. Я ее не бил, не ругал, хотел как лучше. Сама ушла, пусть на себя и пеняет.

Родители Сабира тоже встали, начали прощаться с хозяевами. Свекровь еще раз обратилась к Адолат:

— Подумай, доченька, хорошенько. Не позорь ты себя и нас перед Сарыгулем.

— Перестаньте, мама,— твердо сказал Сабир.— Сколько можно уговаривать?! Она обо мне еще пожалеет!..

Глава тринадцатая

В небольшом кишлаке Ходжа-арык, что раскинулся в долине у истока Туполанга за добрые две сотни километров от Сарыгуля, жил дальний родственник матери Сабира. В семье все эти годы о нем и не вспоминали, просто знали, что существует такой человек по имени Джалил и что работает он садовником. Вот к нему-то, разгневанная после неудачного визита к Адолат, и послала мать Сабира своего мужа с заданьем — подыскать для Сабира другую жену, менее строптивую.

— Вы ему должны найти такую красавицу,— наказывала она мужу,— чтобы свежа была, как весеннее утро, и нежна, как роза. Раз дуреха Адолат пренебрегла нашим сыном, пусть потом кусает локоть! О аллах, дай мне возможность дожить до той минуты!— Она всплеснула руками.— Газету, газету забыли.

— Да зачем она?— ответил отец.— Неужели там не читают газет?

— Возьмите обязательно! Мало ли что может случиться! Идешь на пир, иди поевши, говорят. Если невесте или родителям захочется посмотреть на Сабирджана, сразу и покажете газету. Прочитают они и поймут, что наш сынок настоящий батыр.

— Вечно ты что-нибудь выдумываешь,— проворчал Каюм-бобо,— зачем так далеко ехать за невестой? Разве мало девушек в нашем кишлаке?

— Ничего-то вы не понимаете, отец,— сказала она мягко и в то же время настойчиво.— В горных кишлаках девушки очень красивы. И потом... Вдруг и эта окажется с капризами? Да только за двести верст не очень-то убежишь, тут уж будет сидеть дома, как привязанная...

Каюм-бобо пробыл в гостях неделю. Хозяева встретили его радушно, и он решил не тянуть, а сразу сказать о цели приезда. Старик устроил тайные смотрины всем девушкам Ходжа-арыка. А для этого по вечерам и в кино ходил, и просто по улицам гулял, но больше всего ему нравилось наблюдать за ними в магазине, который здесь громко именовался «Универмагом». Заведовал магазином пятидесятилетний Алтыбай-ака, с которым Каюм-бобо быстро подружился. Особенно много времени стал проводить старый Каюм возле заведующего после того, как увидел за прилавком девушку, невысокую, белолицую. Волосы и глаза у нее были черными, как ночь, а лицо белое, будто умывалась она молоком. Вела себя девушка очень скромно, даже показалось бобо, излишне застенчиво.

— Моя дочь Турсиной,— ответил Алтыбай на вопрос нового друга о том, кто же эта красавица.— Только что закончила десять классов.

— Теперь — в институт?— поинтересовался Каюм-бобо.

— Не поступить ей,— ответил завмаг,— стоит ли время пустую тратить.

— Почему вы так уверены, таксыр¹,— заметил Каюм-бобо,— а вдруг счастье улыбнется ей?

— Турсин — значит «пустить живет». Она у нас была единственной в семье,— сказал Алтыбай,— четверых мы

---

¹ Таксыр — почтенный.

с женой до нее похоронили. Те даже до года не дотягивали. А она выросла. Правда, часто болела, отставала в учебе, вот и закончила десятилетку кое-как. Сейчас, слава аллаху, здорова, работает на ферме. Пусть работает, выдам со временем замуж.

— И больше вам бог не дал детей?— спросил Каюм-бобо, а сам подумал: «Если она у него единственная, то нечего и свататься, не отпустят родители дочку в Сарыгуль, потребуют, чтобы жених сам переехал сюда. А это нас не устроит, хотя девушка и хороша!»

Тот рассмеялся.

— Турсиной оказалась счастливой, после нее родилось еще восемь детей, и все живы-здоровы.

— Сколько же ей лет?— поинтересовался Каюм-бобо.

— Осенью будет восемнадцать...

Бобо в тот день ушел из магазина повеселевшим. Посоветовался с Джалилом и его женой, и те решили осторожно выведать семейные планы завмага. Оказалось — тот не прочь выдать дочь замуж, если попадется толковый парень. Дальнейшее уже не составляло особого труда. Выяснилось, что Алтыбай видел в газете портрет Сабира, знает о его делах и не возражает против родства со столь известным и заслуженным человеком.

— Слава тебе, аллах, тысячу раз слава!— воскликнула жена Каюма-бобо, услышав рассказ о Турсиной.— Нам нужно, отец, как можно быстрее договориться о свадьбе и привезти невесту в Сарыгуль. Новый кувшин — чистая вода, говорят. Да и на сына мне глядеть больно, совсем извелся парень!

— Свататься, дорогая, нужно по всем правилам,— сказал бобо, устраняясь поудобнее на курпаче.— На следующей неделе и махнем с тобой в Ходжа-арык. Поройся в своих сундуках да узлах, собери подарки по дороге, та лань стоит их!

Вскоре Каюм-бобо с женой вновь отправились в

Ходжа-арык. Решили, что пока гнев сына не остыл, пока душа его жаждет мести, женить разом — и дело с концом. Хватит того, что однажды он уже подыскал себе жену самостоятельно. Во второй раз они ему этого не позволят. Семья Алтыбая оказалась простой и покладистой. Жена его была человеком добрым, с сердцем, в котором любви хватило на всех десятерых членов семьи. Но особенно, видно, дорога ей была Турсиной. Мать не думала о выгоде, она хотела лишь, чтобы ее дочь была счастлива. Каюмовы сначала удивились, когда Алтыбай предложил устроить комсомольскую свадьбу, но, подумав, согласились — ведь это намного сокращало расходы.

— Но до свадьбы, уважаемые, — сказала мать невесты, когда все уже было оговорено, — нужно, чтобы Сабирджан побывал здесь, познакомился с моей доченькой. Да и кишлаку нам надо его показать. Глаза не увидят — сердце не полюбит, сами знаете. Пусть молодые попривыкнут друг к другу, а то ведь моя Турсиной выросла в горах, дикая, как лань...

На том и договорились.

Сабир, несмотря на занятость в поле, выкроил денек и отправился посмотреть невесту.

Сабире невеста понравилась. «Прекрасная пери, газель», — мысленно назвал он Турсиной. Держался с ней скромно, оказывал всяческие знаки внимания. Разговаривал тихо, словно бы боясь громким словом спугнуть ее.

Словом, вел себя как настоящий влюбленный. Турсиной улыбалась в ответ на его ухаживания, судя по всему, и он ей понравился.

Каюмовы не скрывали радости по поводу того, что все так удачно решилось. Да и Сабир как-то приободрился, воспрянул духом — Турсиной ни в чем не уступят Адолат.

Как только он понял, что Адолат решила порвать с

ним навсегда и уже не вернется ни за какие блага, в нем проснулось чувство мести. Но, занятый работой, он как-то и не думал о таком варианте — вторично жениться. Почему-то ему и в голову это не приходило. Но вот родители осторожно и вместе с тем настойчиво стали заговаривать с ним о новой невестке, которая не только бы любила сына, но и почитала их, родителей. И тогда горяча он решил: «Мать с отцом правы. Найду себе юную газель, — а красота да покорность для женщины главное, — и посмотрю тогда на эту горячку Адолат». И сейчас, глядя на смущенную, но радостную Турсиной, он подумал: «Вот кто мне сможет заменить строптивую и капризную жену».

— Ты уж, сынок, — сказала мать, когда, наконец, они выехали из Ходжа-арыка, — навещай свою невесту почаще. Привози ей подарки.

— Хорошо, хорошо, мать, — успокоил ее Сабир. — Все будет исполнено. Ваш сын умеет держать слово!

На землю уже опустилась ночь. За окнами машины мелькают огни кишлаков.

Долгая дорога и монотонный шум двигателя навевали дрему. Но вот проехали поселок гидростроителей. До Сарыгуля оставалось не более получаса езды.

Сабир подумал, с каким удовольствием он заберется дома под одеяло и заснет. Но мысль о доме заставила болью сжаться его сердце. Какой вдруг нелепой сразу показалась затея с новой женьбой. Для чего он это делает? Чтобы доказать Адолат, что на ней свет клином не сошелся?! Но ведь Адолат-то безразличны теперь все его поступки! Она ясно дала понять, что навсегда выбросила его из сердца! И потом — почему же все-таки Адолат ушла? Почему?!

Когда показались огни Сарыгуля, мать спросила, положив ему на плечо руку:

— Не спишь, сын?

— Нет, — ответил Сабир, — не хочется что-то.

— А мы вот с отцом не нарадуемся! Возвращаешься в кишлак, Сабирджан, победителем.

«Победителем»,— мысленно передразнил ее Сабир. И усмехнулся.

— Нет, мать, никакой я не победитель. Что ни говорите, Адолат оказалась сильнее, не захотела принять мою славу!— Это горькое признание пришло к нему неожиданно, но было, видно, оно результатом долгих раздумий...

Глава четырнадцатая

Вряд ли Нормат-ака Хамидов, первый секретарь обкома партии, оказался в Сарыгуле случайно. Нет, он хотел побывать именно в бригаде Каюмова, поговорить с ним по душам. Секретарь хорошо разбирался в людях, почти безошибочно определял их достоинства и недостатки, причем полагался только на свое собственное мнение. Но в данном случае, когда он думал о Сабире, почему-то из головы не выходили слова корреспондента: «Более коротким путем решил пробиться к славе».

...На совещании молодых хлопкоробов Нормат-ака сидел в президиуме. Совещание проходило с подъемом, с задором, чувствовалось, что в огромном зале гарнизонного Дома офицеров собрались молодые. Слушая выступающих, Хамидов радовался неумной горячности ораторов и в то же время радовался их деловитости и убежденности.

Слово предоставили Сабире. Вот тогда Хамидов и вспомнил определение, данное бригадире корреспондентом, и с интересом стал наблюдать за Каюмовым. Высокий, худощавый, с обветренным смуглым лицом, в белой рубашке с пестрым широким галстуком, выглядел бригадир элегантно и тем самым заметно отличался от окружающих. «Ну, что ж,— подумал секретарь обкома,— Сабир — интеллигент, много лет прожил в городе, нет

ничего удивительного, что он так одет. Это и хорошо, что дехкан становится все труднее отличить от городских жителей».

И выступлением Сабира секретарь обкома остался доволен. Тот рассказал о работе бригады толково, со знанием дела. Нормат-ака заметил и то, что Сабир свои заслуги не выпячивает, подчеркивает, что успехи на полях бригады достигнуты трудом всех ее членов.

— Скромный парень,— шепнул секретарь обкома комсомола, сидевший рядом,— был раньше учителем.

— Знаю,— тихо ответил Хамидов.

А Сабир рассказывал о том, как в бригаде распределены обязанности, сколько раз они уже обработали посевы, как ведется полив. Хамидов сам был когда-то опытным хлопкоробом и потому полностью одобрял действия ребят. Он верил — в этой бригаде не может вырасти плохой хлопчатник.

— Мы приняли обязательства,— произнес в заключение Сабир дежурную фразу,— вырастить сорокапятицентнеровый урожай и весь его убрать машинами. Слово свое обязательно сдержим!

Сказал он это как-то уж очень просто, без рисовки, так, словно речь шла о чем-то самом обыденном. Грянули аплодисменты, они провожали Сабира до самого места. Хамидов тоже от души хлопал в ладоши, а сам думал: «Парень, видно, толковый. То, что он сейчас рассказывал, не всякому опытному хлопкоробу известно. Побольше бы таких ребят».

... И вот сейчас Хамидов вместе с первым секретарем райкома партии Тохтасыновым прибыл в Сарыгуль. Правда, он не сразу приехал сюда. До того успел побывать на полях соседнего колхоза имени Дзержинского — интересовался, как там готовятся к чеканке растений. И надо сказать, состояние этого дела растроило Хамидова. Руководители колхоза, как и в прежние годы, собирались проводить чеканку ручным способом. А это значи-

до — сроки будут упущены, что в конечном счете отрицательно скажется на использовании хлопкоуборочных комбайнов. Тохтасынов почувствовал вину за собой — это упущение не только председателя колхоза и парторга, но и райкома партии. Он решил как-то сгладить впечатление и подумал, что Хамидова стоит отвезти в колхоз «Ленинград». Оказалось, секретарь обкома и сам собирался туда.

И вот они в Сарыгуле.

Встретил их Халим-ака Бегматов.

— Покажите нам поля бригады Каюмова, — сразу же приступил к делу Тохтасынов. Он повернулся к Хамидову. — Разговоров об этой бригаде много, и потому, думаю, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Халим-ака сел в машину начальства, показал шоферу, в какую сторону ехать.

— Дела у нашего Сабирджана идут неплохо, — сказал он, полуобернувшись к гостям, — там сегодня начали механизированную чеканку. Только вот в личной жизни парню не везет в последнее время. Боюсь, как бы не опустились у него руки, тогда, считай, все пропало!

— А что случилось? — обеспокоенно спросил Тохтасынов. — Дня три назад я вручил ему кандидатскую карточку, бодрым был, веселым.

— Просто держался мужественно, — сказал Халим-ака. — Жена от него ушла! Вроде бы и женщина-то умная, с высшим образованием, а так необдуманно поступила.

— Вы поинтересовались, в чем там дело? — спросил Хамидов.

— А как же, Нормат-ака! Беседовал с женщиной. говорил с ней по душам. А причина... Ей не понравилось, что муж перешел в бригаду! Да разве из-за этого стоит ломать семью?

— Кто она, чем занимается? — спросил Тохтасынов. — И чем все-таки объясняет свое решение?

— Адолатхон — экономист колхоза. Окончила институт народного хозяйства.

— Интересно,— оживился Хамидов,— что ж, выходит, у них в семье какие-то принципиальные разногласия?

— Она убеждена,— ответил Халим-ака,— что муж перешел в бригаду с корыстной целью, мол, прославиться хочет.

— Ну и ну,— произнес Тохтасынов,— хороша корысть — из прохладных школьных комнат — под знойные лучи саратана!

Хамидов слушал внимательно. Его все больше интересовал бригадир Каюмов. Отчего парторг оправдывает Сабира?! И почему все же от этого передового человека ушла жена? Вся эта история настораживала.

— Вы не пытались поглубже взглянуть в существо конфликта?— спросил секретарь обкома у Бегматова.

— А что тут взглянуть, Нормат-ака,— ответил тот.— Все ясно, как день. То муж был учителем, так сказать, интеллигентом. Каждое утро провожал на работу, каждый вечер — встречал. И вдруг — механизатор, пропахший с головы до ног бензином! Да и дома почти не бывает, все время в поле да в поле. А она ведь молодая, ей внимание нужно, развлечения.

Хамидов нахмурился — как прямолинейно судит парторг о людях. Да разве можно человеческую драму толковать так примитивно? А Халим-ака продолжал:

— Я взял у нее письменное объяснение — мол, никаких претензий к мужу не имею.

— А это еще что такое?— удивился Нормат-ака.

— Ну, как же! Чтобы не было к бригадиру никаких претензий. Это, так сказать, для доказательства его невиновности. Ну... на всякий случай.

— Это что-то новое в практике парткомов, Халим Бегматович. Знаете, как это называется? Перестраховкой.

Бегматов как-то сразу сник, замолчал.

Было время обеда, и поля пустовали. Только изредка то там, то тут Нормат-ака замечал поливальщиков с кетменями на плечах. «Словно бессменные часовые урожая!» — подумал о них секретарь обкома. И сравнение это было очень верное. Действительно, когда наступает пора поливов, мирабы днюют и ночуют в поле. Даже самый жгучий саратан не способен заставить их уйти с трудовой вахты.

Кое-где, приткнувшись «посом» к шелковицам, стояли культиваторы. Шелковицы обычно растут по берегам арыков, расположенных выше уровня поля. А механизаторы стремятся не перегревать радиаторы машин и подъезжают к деревьям почти вплотную, используя каждый сантиметр тени.

Жара еще стояла довольно сильная, и ветерок, что влетал в окна машины, не спасал. И вновь подумал секретарь обкома о поливальщиках — каково же им приходится на солнцепеке!

Машина въехала на асфальтированную площадку полевого стана каюмовской бригады. Ребята сидели под навесом, а Хайнткул расставлял перед ними на дастархане касы с шурпой. Он первым увидел машину и крикнул бригадиру, чтобы встречал гостей. Сабир, улыбаясь, подбежал к прибывшим.

— Этот парень и есть наш Каюмов, — представил его Халим-ака секретарю обкома.

— Знаю, знаю, — ответил Нормат-ака, пожимая руку Сабиру, — ассалам алейкум! Хорманг¹.

— Салам, Сабирджан, — поздоровался с ним и Тохтасынов. — Как дела, джигит?

— Рахмат, — ответил бригадир. — Прошу к нашему дастархану. Мы только что пришли на обед.

Пока гости здоровались с Сабиром, ребята встали

---

¹ Хорманг — не уставать вам.

рядом с бригадиром, словно выстроились на параде. Нормат-ака каждому протянул руку. Его примеру последовали и секретарь райкома, и Халим-ака.

— Прошу вас,— снова пригласил Сабир,— пожалуйста, не откажитесь разделить с нами обед. И не обессудьте, если что не так, мы запросто, по-дехкански.

— Гость вкушает не спрашивая,— сказал Нормат-ака и первым расположился на чорпае, потому что знал — пока он не сделает этого, никто не сядет за стол. Не потому, конечно, что не осмелятся сделать это в его присутствии, просто в кишлаках стойко держится обычай — первым за стол сажают старшего по возрасту. А он здесь оказался старшим.

Когда все расселись за дастарханом, Хамидов, подвинув поближе к себе касу, спросил:

— Вас четверо в бригаде?

— Пятеро,— ответил Сабир.— Поливальщик Тешабай дежурит сейчас у ок-арыка. Вот Хайиткул пообедает и сменит его.

После обеда и нескольких чашек крепкого кок-чая¹ Сабир как хозяин предложил гостям принять душ и отдохнуть. Но Хамидов отказался:

— Вы, друзья, отдыхайте, а я с товарищами пройду по полям.

Он направился к дальней карте по тропке, идущей вдоль бетонного русла арыка. За ним следовали Тохтасынов и Бегматов. Наказав ребятам, чтобы хорошенько полили возле полевого стана и чай держали наготове, Сабир догнал гостей.

У Нормата-ака было правило: если уж осматривать поля, то начинать с самого дальнего. Ближние и те, что лежат у магистральных дорог, не могут дать полного представления о посевах. Частенько руководители бригад и хозяйств в расчете на то, что проверяющие не

---

¹ К о к - ч а й — зеленый чай.

очень-то охотно по тряским проселкам отправляются на дальние участки, больше всего заботятся о ближних картах. С тех пор, как областной комитет партии возглавил Хамидов, многим, правда, пришлось менять эту, мягко говоря, легкомысленную практику — секретарию обкома важна была не показуха, а настоящее дело.

Хамидов прошел по междурядьям дальней карты. Выглядела она отлично, ни к чему не придерешься, растения стояли ровные, чеканка проводилась по всем правилам агротехники, земля тщательно разрыхлена. Обычно поливы гонят в рост сорняки, но здесь их почти не было, казалось, после каждого полива члены бригады ходили по бороздам и вырывали траву. На каждом кусте хлопчатника, в нижнем его ярусе, уже было по пять-шесть тугих коробочек, готовых выстрелить белоснежными хлопьями, как только придет час. А по верхнему ярусу пестрели яркие фиолетовые и желтые цветы и завязывались новые коробочки. Урожай на этом поле накапливался равномерно.

Хамидов ходил по полю, не обращая внимания на спутников, казалось, он поглощен какими-то своими мыслями. Вопросов не задавал. И о впечатлении, которое производило на него знакомство с полем, можно было судить по выражению лица, сосредоточенному и вместе с тем удовлетворенному. Тохтасынов предупредил Сабир, что «вопросы-ответы» последуют позже, а пока не следует мешать объяснениями. Сабир понимающе кивнул.

Секретарь обкома обошел почти все поля бригады. Полтора часа он ходил от карты к карте. А когда вернулись на полевой стан, не дав никому отдышаться, спросил:

— Скажите, бригадир, где вы учились хлопкоробскому делу?

— В родном колхозе, — ответил Сабир. — А теорию проходил в институте. Я же на биологическом факультете занимался.

— В нашем кишлаке есть у кого поучиться,— вступил в разговор Халим-ака, в его словах слышалась гордость.— Сарыгульцы испокон веков растили хлопок.

— Мне кажется, густота стояния растений маловата,— не обратив внимания на реплику Бегматова, продолжал Нормат-ака.— Сколько тысяч кустов на гектаре, считали?

— Сто двадцать,— ответил Сабир.

— Вот видите, а по тонковолокнистым сортам надо не менее ста сорока — ста пятидесяти. Тем более, что у вас обязательства высокне.

— То на то и придется,— сказал Бегматов,— проигрыш в количестве коробочек компенсируется их весом.

— Все будет хорошо,— сказал Сабир.— Обязательства выполним.

— Кстати, почему вы решили бросить прежнюю работу?— неожиданно заинтересовался секретарь обкома.

— Я с детства мечтал о тракторе, о хирмане с теплыми горами хлопка. После школы поступал в сельскохозяйственный институт,— соврал он,— да не прошел по конкурсу, пошел в педвуз на биологический. И вот сейчас осуществил свою мечту.

Тохтасынов, почувствовав, что Сабир смущен вопросом, решил направить беседу в другое русло. Он обратился к членам бригады:

— Не тяжело вам, друзья? Все-таки семьдесят гектаров на пятерых — не шутка.

— Нелегко,— ответил Сабир, облегченно вздохнув, он был рад, что секретарь райкома вмешался в разговор.— Ну да мы не боимся трудностей.

— А что вы скажете?— обратился Хамидов к Пулату.

— Трудно. Не хочется подводить бригадира, а то бы я ушел из бригады. Если говорить откровенно, порой кажется, что не выдержим мы такие нагрузки. Еще бы человека четыре.

— А заработки?— спросил Сабир, усмехнувшись.—

Хорошо поработаешь, хорошо поешь, говорят старики. Сейчас ты, Пулатджан, одно говоришь, а осенью, когда придет время расчета, совсем иное скажешь. Скажешь — правильно сделали, что работали впятером.

— Если к тому времени еще будут силы рассуждать,— ответил Пулат.— Мало людей. Если и в других колхозах задумают организовать подобные бригады, пусть исходят из пяти-шести гектаров на человека. Мое мнение такое.

— Правильно,— высказался и Равшан.— Пулат верно советует.

— Я считаю, Нормат-ака,— сказал Сабир,— что большое дело требует жертв...

— А мы считаем,— поддержал друзей Хайткул,— что в таком важном деле, которое мы начали, речь должна идти о рациональном труде, а не о жертвах.

— Зато мы поставим рекорд!— воскликнул Сабир и моментально осекся, сообразив, что сказал глупость.

Хамидов внимательно осмотрел ребят, задержал взгляд на бригадире и проговорил:

— Если рекорды даются нам столь дорогой ценой, пропадает весь их смысл и значение. Мы в достаточной мере оснащаем село техникой, чтобы облегчить работу дехканна. Правильно сказал ваш товарищ — труд должен быть рациональным.

Все замолчали. Каждый по-своему толковал сказанное секретарем обкома. Сабир опустил голову, он корил себя за то, что невольно выдал свою заветную мечту о рекорде и соответствующем почете. Тохгасынов расценил слова Хамидова как предупреждение и совет правильно проводить курс партии на полную механизацию сельского хозяйства. А Халим-ака... Он с удивлением обнаружил в словах секретаря обкома те же мысли, что высказала ему откровенно Адолат. «Вот так-так,— подумал Бегматов,— выходит, что не так Адолат уж и неправа».

— Что ж, успехов вам,— прервал Хамидов молчание

и направился к машине. За ним последовали и Халимака, и секретарь райкома.

«Волга» рванулась с места.

Солнце уже клонилось к горизонту. На полях мелькали красные косынки женщин и белые яхтаки¹ мужчин. Стрекотали тракторы. И ветерок, что дул в окна, уже не был таким знойным. Ехали молча, каждый размышлял о своем.

«Да, кажется, прав корреспондент,— думал Нормат-ака.— Этот парень стремится дать высокий урожай любой ценой. Даже в ущерб качеству. И потом...совершенно недопустимо такое распределение сил — пять человек на семьдесят гектаров обрабатываемой площади. Не лучший это пример для других».

Когда подъехали к правлению колхоза, он поинтересовался:

— Бригадир Каюмов — комсомолец?

— Кандидат в члены партии,— ответил Халимака.— Недавно приняли.

— Ах, да,— улыбнулся Хамидов,— упустил из виду, ведь товарищ Тохтасынов уже говорил об этом...

Глава пятнадцатая

Шли дни. Сабир вроде бы решил оставить Адолат в покое: никто ее больше не вызывал, бесед не проводил. Когда случалось Сабиру бывать в конторе, он говорил громко, с нарочитой веселостью и бодростью. Будто хотел этим показать Адолат (которая, знал, не могла не слышать его за дверью), что ничуть не огорчен случившимся, а, напротив, даже рад тому, что, наконец, стал вольной птицей.

И Адолат действительно слышала его голос и думала: «Даже здесь показуха и лицемерие. Даже в этом Сабир не может быть искренен».

---

¹ Я х т а к — халат из бязи.

Но поведение бывшего мужа уже не ранило ее так больно, как когда-то. Да и некогда было в последнее время слишком много размышлять о происшедшем. Шла работа над полугодовым отчетом. Требовались десятки разных справок, в отделе без конца трещала счетная машинка. К вечеру Адолат уставала так, что, придя домой, иной раз без ужина засыпала как убитая.

Зной спал. Теперь по улицам кишлака гулял прохладный ветерок.

А как было хорошо ранним утром, до восхода солнца! Адолат любила эти мгновенья. Просыпалась она рано и наблюдала, как рассеивается предрассветная дымка, деревья и дувалы во дворе приобретают ясные очертания. Умывшись, спешила в дальний угол двора — надо было подонть корову. Мать, видя, как дочь проворно управляет по хозяйству, грустно покачивала головой — разве это не жена, не хозяйка?! Не повезло Адолат. Как-то она высказала эту мысль вслух, но дочь обняла ее за плечи, улыбнулась.

— Я счастлива, мамочка, счастлива тем, что живу честно, хорошо исполняю свой долг. Моя совесть чиста перед людьми... Ну, а личное... Верю, и это придет...

После завтрака она шла на работу, выходила из дома пораньше — приятно было по утренней прохладе неторопливо пройтись по улицам. Знакомые, как и прежде, приветливо здоровались с ней — нет, не осуждали в кишлаке Адолат за ее поступок. Сегодня она встретила Равшана. Тот радостно пошел навстречу.

— Салам, Адолатхон,— круглое лицо его расплылось в улыбке.— Как здоровье, сестренка? Все ли в порядке у тебя?

— Рахмат, Равшан-ака,— ответила она,— у меня все хорошо. А вот вы, смотрю, стройнее стали немного.

— Да, бригадир порастряс наш жирок здорово,— рассмеялся ее шутке Равшан,— но и мы не остались в долгу у бригадира (он не сказал «твоего мужа», и это не

ускользнуло от внимания Адолат) — заставили-таки его взять в бригаду еще двух членов, а кроме того, с разрешения парткома нам положен теперь один день отдыха в неделю.

— Значит, потогонная система кончилась?

— Точно. Мы объявили Сабиру: или уходим из бригады, или начнем в нормальных условиях работать. Сдался наш герой.

— Давно нужно было так поступить, — сказала Адолат.

— Да вот все как-то не решались, а тут приехал секретарь обкома партии, полдня почти провел в нашей бригаде, всем до мелочей интересовался и пришел к выводу, что далеко не все так блестяще, как расписывал парторг Халим-ака.

— Я предупреждала товарища Бегматова, но он тогда отмахнулся, дескать, пустое это все.

— Ничего, сестренка, Хамидов, думаю, уже провел беседу и с Халимом-ака и с Тохтасыновым. Недаром ведь бригадира в райком вызывали для разговора.

— Ну и что, резко изменился ваш бригадир?

— Нет, особых изменений мы за ним не наблюдаем. Однако на уступки пошел. Видно, задумываться все-таки стал.

Адолат видела, что Равшану хочется сказать что-то еще, но он не решается этого сделать.

— Вижу, у вас есть новость для меня, ака. Выкладывайте, чего уж там.

— Какая там новость, просто поговаривают, что собрался Сабир жениться. Родители подыскали красавицу в горах.

Адолат улыбнулась.

— Не завидую ей... а впрочем, может быть, она окажется более сговорчивой женой.

— Вот и мы так считаем, — сказал Равшан. — Ну, ладно, мне пора. — И он зашагал в сторону полей. Адо-

лат долго глядела ему вслед. Равшан, словно почувствовав взгляд, обернулся и помахал рукой.

...Кадыр-ака, едва она переступила порог, ворчливо проговорил:

— Что ни день, то сюрприз. Из управления позвонили — требуют данные о количестве рабочих дней, происходящих на каждый вид производства. А ведь для этого нужно все наряды в бухгалтерии перевероршить!

— Ну и перевероршу, Кадыр-ака, — сказала она весело, — подготовим мы эту справку.

И опять Адолат с головой ушла в работу, совершенно забыв о том, что сообщил ей утром Равшан.

Но вечером, когда она возвращалась домой, вдруг почему-то вспомнились его слова: «Сбили гонор с нашего героя немного».

Солнце висело над горизонтом, большое, красное. Его лучи окрасили верхушки деревьев багрянцем. Небо у края тоже было красноватым, а над самой головой — сиреневым. Дальше, к отрогам Гиссара, оно темнело и над вершинами его было густо-синим.

И еще одной встрече суждено было состояться в этот день. Не заметила Адолат, как с другой стороны улицы, перебежав дорогу, направился к ней Бахтияр.

Когда он неожиданно вырос перед Адолат, она вздрогнула.

— Салам алейкум, Адолатхон, — сказал Бахтияр тихо и радостно.

— Салам, Бахтияр-ака, — ответила она растерянно.

— Домой? — спросил он и пошел рядом.

Адолат кивнула.

Видели сарыгульпы в тот вечер, как шли они вдвоем, ничего не видя, не замечая вокруг. Видели, но не знали, о чем эти двое говорят. Видел их и Сабир, только что возвратившийся с поля. Еще бы не видеть, ведь он прошел по другой стороне улицы. А жена (ну пусть бывшая) и взгляда не бросила. Уж несколько дней чувств-

вовал себя Сабир как-то неуверенно — вот и ребята в бригаде дали понять, что не позволят обращаться с собой как с роботами, и Тохтасынов, вызвав для беседы, указал на промахи и посоветовал исправлять положение, и Адолат... Да, сегодня вечером окончательно понял он, что не за ним последнее слово. Сильнее оказалась Адолат, нравственно сильнее. Долго мечтал Сабир о славе, рвался к ней, а вот теперь... нет, не понял еще, но начинает понимать, что истинная слава лишь та, которую заслужишь у народа и которая зовется доброй славой...

Солнце почти село. Отблески его сияли на самых макушках адыров и высоких чинар. От канала тянуло прохладой. Талы, опустившие «бороды» с берегов на гладь воды, едва слышно шуршали листьями.

Недалеко от дороги, на вершине полузасохшей высокой чинары, в огромном гнезде сидела аистиха и клала длинным красным клювом. Из-за края гнезда к ней тянулся желтый клювик аистенка. А издали, словно бы пылая в лучах уходящего солнца, летел к ним аист-отец, и в его клюве извивалась змея...

Еще один саратан покидал землю...

Азад
Авликулов

ПОБРАТИМ

ПОВЕСТЬ

I

Местность, открывшаяся утром взору гвардии старшины Александра Попова, поражала унылостью. Правда, и казахстанские степи, через которые поезд тащился двое с лишним суток, были не ахти какими райскими, но там хоть радовала зелень высоких трав, а тут... До самого горизонта простирались барханы, похожие на застывшие волны штормового моря. На спинах ближних из них торчали редкие черные, будто обугленные, кусты янтাকা — верблюжьей колючки, как ему объяснил проводник. Кусты эти были низкорослыми, янтак рос и на дальних барханах, но расстояние скрадывало их, и потому те барханы походили на рыжие, абсолютно лысые валуны.

Телеграфные столбы, бегущие за окном, выгорели до бела, казалось, ткни в них пальцем — развалятся от ветхости. Провода провисли, точно к ним подвешен незримый груз. Иногда вдаль искрами на мгновение вспыхивали островки. Невыносимой, во всяком случае для Попова, казалась жара. Небо ослепительно яркое, как плавленный металл, и на него невозможно смотреть не прищурившись. Двери и окна вагона распахнуты настежь, по всем купе и коридору гуляет сквозняк, но он и сам горячий, словно врывается сюда из чрева раскаленной домны. И чем дальше на юг продвигается поезд, тем сильнее печет.

«Далеко ж ты живешь, брат, — мысленно сказал старшина Якубову, выбросив окурок в окно, — пятнадцать

суток на колесах, а конца все не видеть!» Ему казалось, что колея железной дороги, взяв начало в немецком городке, где он лечился в госпитале, нескончаемая, как если бы это был стальной пояс вокруг экватора.

— Ну, старшина,— сказал проводник, подавая ему бог знает уже какую пшалу чая,— часа через два будете дома. Так что можно и укладывать чемоданы. Всякая дорога тем и хороша, что приходит к концу,— глубокомысленно добавил он.

— В этом вы правы,— согласился Попов, поблагодарив за чай...

Напоминание проводника взволновало его, оно снова заставило Попова вспомнить прошлое, события, вследствие которых он и поехал в далекую Сурхандарью. Всю дорогу старшина старался не вспоминать прошлого и на расспросы спутников, таких же, как сам, демобилизованных солдат, отвечал словами начальника госпиталя:

— Легкие ваши пока слабы, старшина. Постарайтесь быстрее добраться до своих теплых краев. Месяц-другой подышите сухим воздухом, домашние харчи да фрукты, которых, говорят, там у вас до черта, вернут вам здоровье полностью. ●

Военврач как в воду глядел. Когда эшелон пошел по Средней Азии, старшина стал дышать полной грудью, а в теперешнем пекле перестал ощущать то, что в Германии, да и в Белоруссии еще, где воздух был влажным, тяжелым, задерживающимся в легких как что-то вязкое.

В армии индивидуальные особенности человека не стираются даже перед главным — службой.

Тулкун Якубов, парень из кишлака Баландсай, что раскинулся на высоком левом берегу Сурхана, и москвич Александр Попов попали в десантный батальон, что на-

чал формироваться на второй месяц войны в городишке, затерявшемся в лесу. Оба они были крепкими парнями.

Все, что требовали от Якубова командиры, он делал четко и в срок, но вот незнание русского языка здорово мешало ему. Правда, команды он запомнил, но не все, произносил с горем пополам слова, без которых вообще невозможна солдатская служба. Вот это однажды и привело к курьезу.

Была поздняя осень, враг рвался к Москве. Тулкуна назначили в караул. И вот стоит он ночью у дверей штаба, холодный дождь моросит, темно, хоть глаз выколи. Услышал шорох раздвигающихся веток, направил в ту сторону карабин и крикнул:

— Стой, кто идет?

— Капитан Григорьев, — ответили из темноты.

Якубов по голосу узнал капитана, но растерялся и, забыв спросить пароль, почему-то крикнул:

— Ложись, стрелять буду!

— Да ты что, очумел, Якубов!? — вспыхнул капитан и сделал шаг вперед. Услышав, как щелкнул затвор, вынужден был повиноваться.

Так и пролежал под дождем с полчаса, да еще и в луже, пока не пришла смена. Тулкуна посадили бы на гауптвахту, да пощадили, услышав, что он «ничего не должен пускать в штаб». Якубов тяжело переживал свою оплошность, перестал появляться в курилке, куда ходил, чтобы быстрее освоить русскую речь. Как выпало свободное время, ложился на нары и молчал, глядя в потолок. Попытался было он раза два сходить в ленкомнату, там не упустили случая позубоскалить, требовали, чтобы он своими словами рассказал, как заставил капитана вымокнуть до нитки.

Попов, сначала тоже поддавшийся общему настроению, пожалуй, скорее других почувствовал то, что происходит в душе боевого товарища, и первым пришел к

нему на помощь. Как-то вечером он подошел к нему и запросто предложил:

— Давай, Якубов, письмо тебе напишу.

Писать Тулкун не мог, а расписывался пальцем, предвзвительно натерев его химическим карандашом. Он обрадовался и, благодарно взглянув на Попова, кивнул головой. До ужина и потом, после него, они сидели в дальнем углу казармы и написали, по мнению Якубова, очень длинное письмо:

«Ассалам алейкум, дорогие мои онаджан и вы, любимая женушка Абад. Низкий вам поклон, дядя Миршариф, и вам, тетя Бибихол. Кланяюсь вам всем, кто помнит меня в Баландсае. Красноармеец Тулкун Якубов, слава аллаху, здоров, чего и вам горячо желает. Сообщаю, что пока он не видел проклятого фашиста, но если встретится с ним, клянется честью дехканина, не пощадит его, убьет, как бешеную собаку. Онаджан, как ваше здоровье, как вы живете? Любимая моя женушка Абад, помогайте матери, ведь она, сами знаете, слабенькая. А меня прошу вас, ждите, я обязательно вернусь с победой. Миршариф-тога, и к вам у меня просьба: пожалуйста, не оставляйте монх в беде, приеду домой, обязательно отплачу за вашу доброту. Обо мне не беспокойтесь, родные мои, я служу хорошо. У меня появился друг Саша, теперь все мои письма будет писать только он. Передаю всем вам красноармейский привет от него. Ваш Тулкун Якубов, сын, племянник и муж...»

Когда письмо было свернуто в треугольник и надписан адрес, Тулкун спрятал его и спросил:

— Ислушь, Сашавой, пачему твой памилла такой, а, Папон? Твой папошка мулла был, да?

Вопрос Якубова был наивным, и Саша рассмеялся.

— Я пилохо слов сказал?— спросил тот с тревогой. Он считал, что и в русском языке, как и в его родном, наверняка есть слова, где всего лишь одна измененная

буква может придать им другой смысл и даже оказаться оскорбительным.

— Отца у меня нет,— ответил Попов,— я не знаю, кто моя мать. Когда был шестимесячным, милиционеры нашли меня на улице Попова, вот и дали его фамилию.

— Об-бо-о-о!— воскликнул Якубов с удивлением.— А кто твой кушал давал?

— Государство. Сначала детдом, потом ремесленное училище, а потом сам стал зарабатывать. А Попов,— объяснил Саша,— ученый, радио изобрел. Ладно, расскажи-ка о себе. Отца нет, что ли?

— Кулак стрелял делал,— ответил Якубов,— патаму что калхоз пашел. Мамошка, брат есть. Миршариф-тога.

— Давно женат-то?

— Четир месяц.

— Значит, и детей пока нет?

— Будет. Син. Фарход.

— Фарход? По-моему, у вас такой герой был?— спросил Попов.

— Бил грой, Сашавой. Адин сам он ба-а-алшой арык капал, делал для девичка Ширин.

— Ясно. Ну, что ж, пусть тебе жена все же Фархода подарит!

— Испасипа!..

...К утру шестого ноября пошел снег. Он был густым и крупным, большие хлопья, подхваченные ветром, вихрились и ложились огромными сугробами. Было холодно и оттого неуютно как-то на душе.

Батальон уже вторые сутки жил напряженно. Проверялись рации, не знали покоя интенданты, а командиры осматривали оружие и другое боевое снаряжение бойцов с такой тщательностью, словно тем завтра предстояло пройти по Красной площади. После того, как

командир взвода, довольный работой бойцов, объявил перекур, Попов и Якубов устроились у печи. Саша закурил.

— Вайна пашол делим, да?— тихо спросил Якубов.

— Наверно,— нехотя ответил Попов. В другое время он, конечно, объяснил бы товарищу, как правильно построить свой вопрос, заставил бы несколько раз повторить эту фразу, но сейчас усталость брала свое, ни говорить, ни двигаться не хотелось. Однако он знал, что Якубов вступает в разговор именно тогда, когда они остаются наедине, в другое время больше молчит.

— Очень пиравилна,— сказал Якубов,— ми кираснаармис, ваевал нада, пошнист убивал нада?

— Не волнуйся,— сказал Попов,— этих гадов на нас еще хватит!

К печке стали подходить десантники, и разговор, к неудовольствию Якубова, оборвался. Сразу же после ужина объявили отбой, чтобы бойцы выпалились. А ровно в полночь прозвучала боевая тревога. Вьюжило еще сильнее, казалось, небо вместо снега швыряет в лица людей ледяные иголки. Каждый взвод занял самолет, в котором уже было уложено снаряжение, сухой паек и рация. Часа через два после взлета над дверью пилотской кабины вспыхнула лампочка — пора! Рация, сухари, тушенка, гранаты и патроны — все полетело вниз, в белую мглу, сквозь которую не только сигнальные огни, если они там были, но и сама земля не проглядывалась. Что ждало бойцов там, никто не знал. Об этом думал каждый, кто выпрыгнул в люк, и, вместе с тем, каждый надеялся, что, опускаясь в неизвестность, он останется целым и выполнит задание, верил, что земля встретит его дружески, как своего сына, укроет от непогоды и согреет теплом.

Приземлились благополучно вдали от деревень, быстро собрались и двинулись в путь, теперь уже на восток. Шли до утра и все время лесом, который казал-

ся бесконечным, как океан. Шли из последних сил, потому что были нагружены под завязку, но старший лейтенант Сербин, командир взвода, кажется, не замечал этого, изредка, осветив под шинелью карту, снова пускался в путь. «Чего он в такой темени видит,— думал Попов с досадой,— кругом черный лес и ни одного ориентира!» И вот когда группа, казалось, потеряла всякую надежду на отдых, тот подал команду:

— Все, ребята, шабаш!

И сам первым упал на снег, как подрубленное дерево. Бойцы, помогая друг другу снять с плеч груз, тоже повалились в снег, который все шел, он и здесь был таким же густым, как вчера утром в расположении батальона. Как-то незаметно наступило утро. Сербин собрал взвод под огромной сосной и, вытащив из кармана сухарь, начал хрустеть им, молча, будто и не было трудного перехода. Глядя на него, принялись за сухари и остальные.

— Устали, братцы?— спросил он, улыбнувшись.

— Что вы, товарищ старший лейтенант,— ответили солдаты,— если надо, мы можем продолжить.— Но в душе каждый знал, что ни одного шага, хоть убей, не сделает.

— Я ведь и сам выдохся, как заяц, за которым стая борзых мчалась,— признался он.— Но идти надо, чтобы снег до утра засыпал следы.

— А где мы, товарищ старший лейтенант?— спросил ефрейтор Хорьков.

Глядя на этого бойца, Попов однажды подумал, что иногда природа выкидывает удивительные штуки — подберет кому-нибудь фамилию, и она точно соответствует его внешнему, а порой и внутреннему облику. Лицо ефрейтора напоминало хорька, кажется, сунь ему палец в рот, откусит свонми мелкими и острыми зубами.

— В калининских лесах,— ответил командир.— Отсюда, если идти на северо-восток, за ночь будем на месте.

— Ясно,— тонким голоском произнес Хорьков, хотя по выражению его лица было видно, что объяснение старшего лейтенанта осталось для него туманом.

— Зачем твой знай, где мы,— воскликнул Якубов. Возмущение ефрейтором было таким сильным, что он не сдержался, забыл, что плохо знает русский язык,— ты спроси делай, када пошнста убивал делим!

— Вот именно,— поддержал его Саша.

— Я тоже так считаю,— сказал лейтенант Казаков, политрук.

— Скоро,— ответил Сербин,— если ничего непредвиденного не случится, послезавтра ночью и приступим...

Деревня, которая в тот раз была местом неудачного боя для Попова, находилась где-то на стыке Московской и Калининской областей. Небольшая, на берегу замерзшей речушки, она казалась мирной, из труб валлил сизый дымок, вроде даже поросята во дворах кричали. С опушки леса, примерно в километре от нее, десантники вели долгое наблюдение и пришли к выводу, что гарнизон там небольшой, и с наступлением темноты решили разгромить ее. К ночи сюда подошла потрепанная, но довольно многочисленная часть с передовой. Силы оказались неравными. И хотя инициатива боя в первые минуты оказалась в руках десантников, гитлеровцы оправились и начали теснить их.

— Разбиться на группы,— приказал Сербин,— и пробиваться к болоту, туда они не сунутся!

Видя, что перестрелка возникла на разных участках, фашисты перестали преследовать, полагая, что партизаны решили заманить их в ловушку. У самой кромки леса упал, сраженный пулей, Хорьков. И в трех шагах от него, словно бы кто-то сильно толкнул в плечо, рух-

нул и Попов. «Ранен», — подумал он и пощупал плечо, оно было мокрым. Саша крикнул Якубову:

— Уходи, я задержу их!

Но сил, чтобы повернуться лицом к противнику, у него уже не было, каждая попытка отдавалась такой сильной болью, что он едва не терял сознание. А это, пожалуй, самое страшное на войне — держать в руках оружие и быть беспомощным. Он видел сосну и решил во что бы то ни стало добраться до нее. Кое-как перевернулся на спину и, отталкиваясь ногами, двинулся к ней. Давалось это трудно, казалось, что это расстояние он преодолевал целую вечность. Он достиг дерева, и, когда оперся о его ствол спиной, изготовив автомат к стрельбе, вдруг наступила непривычная тишина, такая, когда слышишь стук собственного сердца. Силы покидали Попова.

Случилось, как позже узнал Саша, вот что. В тот момент, когда он упал, преследователей тоже осталось двое. Якубов видел фашиста, выстрелившего в друга, и сразил его очередь. В то же мгновение по пню, за которым он лежал, полоснули пули второго фрица. Якубов решил перехитрить его, вскрикнул и, раскинув руки, вывалился из-за пня, но автомат не выпускал. Гитлеровец, видно, тоже устал, он сутуло повернулся и, неся автомат на весу, как дамскую сумочку, поплелся обратно. В деревне горели дома, и потому тень врага была длинной. Якубов выпустил в него очередь. Фашист даже не повернулся назад, только шаги его стали неуверенными, и он упал лицом вниз. Тулкун поспешил к другу. Тот тяжело дышал, казалось, ему не хватает воздуха. Он расстегнул ворот гимнастерки Попова и перевязал рану двумя — своим и его — индивидуальными пакетами. Бросился к Хорькову, но тот уже был мертв.

Якубов взвалил Попова на спину и двинулся к болоту. Было удивительно тихо, он слышал, как скрипел

снег под его ногами, как от крепчавшего мороза глухо стонали сосны. Ночь была ясная, звезды в небе напоминали льдинки, отражавшие свет очень яркого голубого светильника. Это он заметил, когда сделал первую остановку в пути. Потом уже некогда было любоваться красотами природы, потому что чем дальше он шел, тем глубже, кажется, становился снег и тяжелее ноша. Он шел упрямо, как человек, оставшийся без воды в пустыне, но знающий, что до колодца совсем недалеко. Как он преодолел последние полкилометра, как пробирался по кочкам до островка, который еще днем наметил командир, Якубов не помнил. Когда бойцы освободили его от ноши, он упал в снег и долго лежал неподвижно, как рыба на песке, широко раскрыв рот и глотая ледяной воздух.

— Ранен, Якубов?— спросил, нагнувшись, лейтенант Казаков.

— Устал.

— Отдыхай.— Он обратился к радисту:— Как там Попов?

— Крови много потерял. Сейчас дам ему спиртика, очнется.

— Хорошо,— сказал лейтенант. И спросил:— Сколько же нас осталось?— И сам себе ответил вслух:— Пятнадцать человек и двое раненых. Гришци, включи рацию.

Якубов отдышался и, встав, наломал сосновых веток, настелил, чтобы положить на них раненых.

— Где мы, Тулкун?— спросил Попов, очнувшись.

— На месте.— У него оставалось немного шоколада, и он положил его в рот друга:— Кушал делай!— Потом спросил:— Болит, да?

— Еще повоюем, брат.

А лейтенант тем временем передал, что командование взял на себя, потому что Сербин погиб. Отдохнув и подкрепившись, десантники сделали носилки и, поло-

жив на них раненых, двинулись на восток. К утру вышли к небольшой полянке. Остановились. Перед рассветом прилетел фанерный кукурузник, он привез питание для рации, боеприпасы и забрал раненых. Попов был слаб, но сознание уже не терял, а второй — сержант Дьяконов был тяжел, и все в группе опасались, что он долго не протянет. Однако тот дышал, и сердце его продолжало стучать.

— До встречи в батальоне,— тихо сказал Попов, прощаясь с Якубовым.

— Ладно, дустым. Ижди там меня.— Якубов был уверен, что Саша обязательно вернется в батальон.— На кшлок пиши делай, Сашабек, моя здроза, ваевал делим, пошист убиваем!

— Напишу,— пообещал Попов,— а ты побереги себя здесь, ведь дома поди сын родился, Фарход. Ты ему нужен будешь, понял?

— Ага...

Встретились они после того дня через три месяца. Ровно столько пролежал в госпитале Попов, а Якубов, оказывается, уже через неделю был в части. Вместе со всей группой...

...Война, как сказал Лев Толстой, это работа. Тяжелая, изнурительная, жестокая, беспощадная, но работа. Меняется обстановка, время и место действия, но сущность остается неизменной — убивать. Если не ты, то — тебя. Весь сорок второй и начало сорок третьего десантники выполняли свою работу на разных участках фронтов. Были на Кавказе и в донских степях, в болотах Полесья и еще во многих других местах. И все это время Попов, который вернулся из госпиталя через три с половиной месяца, и Якубов, шагавший, как заговоренный, без царапинки, не разлучались. За бой на Кавказе оба получили по медали «За отвагу». К началу сорок третьего Попов уже был сержантом, а Якубов — младшим сержантом.

Когда батальон выполнил задание в тылу войск Паулюса, которых уже окружили и начали уничтожать, десантников отвели на отдых. Разместили их в землянках на крутом берегу Волги, там, где прежде жили зенитчики. Землянки текли, в них было сыро. Днем Попов где-то раздобыл буржуйку, растопил ее, и в той землянке, где он и Якубов расположились, стало относительно суше и теплее.

Как-то после ужина Тулкун сел у печки и начал молча подкладывать дрова. Саша подсел к нему.

— О чем задумался, добрый молодец?— спросил он, положив на плечо друга руку.

— Саша,— сказал Якубов тихо, чтобы не разбудить спящих солдат, он уже сносно говорил по-русски,— мы уже с тобой воюем немало, верно?

— И еще будем воевать,— ответил Саша,— пока до самого подлюги Гитлера не доберемся. Посадим его в клетку, как медведя, и будем показывать всему миру, мол, посмотрите на этого зверя!

— Ага. У узбеков есть такой закон,— сказал Тулкун,— э... нет, порядок, э... тоже не то...

— Может, обычай?— спросил Попов.

— Да. Я и ты будем братьями, ладно?

— Побратимами станем?

— Ага.

— Согласен.

— Если я погибну, ты станешь Якубовым, если ты — я буду Поповым, хоп?

— А это разве обязательно, менять фамилию?— спросил Попов.— Побратаемся, чтобы жить обоим, чтобы наши фамилии продолжались до окончания жизни вообще!

— Такого обычая у узбеков нет,— сказал Тулкун.— Надо, чтобы фамилия погибшего жила, продолжалась на земле.

Попов попытался было уговорить его, чтобы не ста-

вил такого, на его взгляд, дикого условия, но друг стоял на своем. И Попов махнул рукой:

— Пусть будет по-твоему!

— Спасибо, брат!— Якубов вытащил из ножен финку, надрезал палец и смочил кровью ее лезвие. Поднес ко рту Попова и попросил приложиться к ней губами.— Теперь ты!

Так они поклялись в том, что отныне стали братьями, родными братьями. Тулкун не знал, точно ли он исполнил обряд братания, никогда такого в своем кишлаке не видел, хотя много слышал, что такой обычай существует в народе. Но ему очень хотелось, чтобы у друга была мать, невестка и племянник.

— После войны,— сказал он,— поедем ко мне в Баландсай, женю на самой красивой девушке, а дом построю новый, рядом со своим, во дворе места хватит.

— Доброе сердце у тебя, брат,— тихо и вместе с тем проникновенно произнес Саша.— Теперь и я не одинок, и за это тебе спасибо...

— —

...А поезд стучал и стучал колесами, пустыня сменилась просто степью, вдали, как осколок громадного зеркала, лежала Амударья, мимо проплывали глинобитные кишлаки с пыльными улицами, сады и зеленые поля, поросшие невысокими кустами, похожими на картофель. Меж ними серебром струилась вода. По полям, закинув на плечи кетмени, ходили поливальщики.

— Что это за деревья вокруг полей стоят?— спросил он у проводника.

— Шелковицы или тутовник, как их здесь называют.

— Лучше бы яблони посадили,— сказал Попов.

— Нет, товарищ гвардии старшина. Листьями этого

дерева откармливают червей — шелкопрядов, которые давали шелк для ваших парашютов. Всю войну давали. А теперь девушек в атласы будут наряжать! Следующая остановка ваша, поезд стоит минуту,— предупредил он...

На перроне никого не было, и Попов, укрывшись в тени здания вокзала, решил подождать, пока появится кто и укажет дорогу в кишлак. Поблизости и вдали виднелись селения, окутанные зеленью, к ним от разъезда уходили пыльные проселки, и любой из них мог быть тем, что приведет в кишлак. Но, когда не знаешь, какой именно тебе нужен, лучше не спешить, тем более в такую жару.

Он присел на чемодан и закурил. С хлопковых полей, что раскинулись рядом, веяло свежестью. Он расстегнул пуговицы гимнастерки, и приятный холодок взбодрил его. Теперь можно было приглядеться к местам, куда его занесла судьба. Перед ним лежала широкая долина, зеленая, которая ближе к возвышавшимся вдали горам приобретала синеватый оттенок. Сами горы серо-зеленые, их ломаная стена окаймляет долину слева, некоторые участки напоминают зубчатку крепостных стен, на самых дальних вершинах, словно заплата, лежит снег. Справа вздымались округлые, абсолютно лысые холмы, и от одного их вида, кажется, становилось жарче. Между теми холмами и полустанком, поросшая густым камышом, угадывалась река.

— Здравствуйте, товарищ старшина!— услышал Попов и обернулся. Прислонившись к стене, стоял средних лет мужчина в форме железнодорожника.

— Здравствуйте,— Саша привстал с чемодана и застегнул пуговицы.

— Издалека?

— Отсюда не видать,— шутливо ответил Саша.

— Ясно, а далеко, если не секрет?

— В Баландсай.

— Однако далековато, брат.

— Ничего, Берлин был дальше, а дошли!

— Еще как дошли!— воскликнул железнодорожник и добавил:— Теперь этот кишлак называется Мингтерак. Вы гляньте на него,— предложил он, указав рукой на ту сторону реки.

Сколько старшина ни вглядывался туда, ничего похожего на селение не заметил. Пожал плечами.

— Темная полоска на горбе одного холма,— показалось, с досадой произнес тот.

— Вижу,— сказал старшина и прикинул в уме, что до него, пожалуй, километров двадцать придется топтать.— Точно, далековато.— Спросил:— Почему переименовали, ведь Баландсай звучнее?

— Чувствуется, что вы не знакомы с местными традициями,— объяснил железнодорожник.— По одной из них, каждый отец в тот день, когда в доме рождается сын, только сын, подчеркиваю, обязан был высадить в своем дворе по двадцать тополей, чтобы они, к тому времени, когда потомок подрастет и приведет в дом невесту, послужили для его нового дома строевым лесом. Сотни парней, в честь которых были выращены деревья, не вернулись с войны, и теперь те тополя стали им вечными памятниками. Мингтерак в переводе Тысяча тополей.

— Спасибо,— поблагодарил старшина.— Если вы мне еще и дорогу туда укажете, то буду очень признателен вам.

— А вот она,— произнес тот, показав на тропинку, которая начиналась сразу же за полотном дороги,— идите, никуда не сворачивая. Когда окажетесь на том берегу, спросите еще у кого-нибудь. Говорят, язык до Киева доведет.

— Да,— Попов закинул за плечи вещмешок и двинулся в путь...

Халима-хола, мать Тулкуна, очень обрадовалась, узнав, что у сына есть друг, который отныне будет писать его письма. И в каждом ответном письме она обязательно интересовалась здоровьем Саши, сообщала, что день и ночь молит аллаха, чтобы он сохранил жизнь этому доброму человеку. Когда Тулкун написал, что он и Саша стали родными братьями и поклялись в том на крови друг друга, радость хола была беспредельной. Письма с фронта, как обычно, ей читал колхозный бухгалтер Рашид-тога, единственный человек в кишлаке, кто был знаком с русским языком. И то потому, что был татаринном и часто бывал в районе.

— С тебя суюнчи полагается, Халима,— сказал он, прочитав сначала про себя то письмо.

— Тулкунджану отпуск дали?!— радостно произнесла она. Хола знала, что в кишлак уже приезжали фронтовики, заслужившие это боевыми делами, на неделю, иногда на две. И ей очень хотелось, чтобы Тулкуну тоже дали такой отпуск, ведь он хорошо воюет.

— Нет, сестра,— ответил бухгалтер.— Ты же знаешь, какая у него служба. Самая нужная на фронте!

— Да, знаю, тога,— сникла хола.

— Саша и твой сын побратались, стали родными братьями,— сказал тога.— Живы-здоровы. Теперь у тебя два сына, Халима!

Услышав это, она схватила письмо и побежала домой, сообщая по пути односельчанам о приятной новости. Вместе с братом своим она решила скромно отметить это событие. Пригласила председателя колхоза и бухгалтера. В первую же пятницу хола и ее брат поехали на базар и на все ее сбережения купили ягненка.

— Пока вернутся мои сыновья,— сказала хола,— ягненок подрастет. Как только они оба войдут в калит-

ку, мы заколем его. Такой той закачу в честь приезда своих сыновей!— Спросила у снохи:— Довольна ты своим мужем, келин?

— Голова неба коснулась от радости, онаджан,— ответила Абад...

...В кишлак старшина пришел вечером, когда в небе уже начали вспыхивать большие яркие звезды. На улицах было пусто, и Попов остановился, чтобы передохнуть и спросить кого-нибудь, где живут Якубовы. Из-за дувалов слышались приглушенные голоса, где-то гремели ведра. Где-то кололи дрова — топор со звоном вгрызался в дерево, сучковатое, по мнению старшины. Он прошел по главной улице, и тут подвернулся мальчишка, который и показал ему нужный дом. Попов постучался.

— Вай улай,— негромко воскликнула Абад, приоткрыв калитку и увидев незнакомого, запыленного и, судя по виду, уставшего мужчину. Она невольно прикрыла калитку и крикнула чуть громче:— Онаджан, а, онаджан!

— Ты чего, доченька?— спросила хола из глубины двора.

— К нам пришел солдат.

— Приглашай, коли пришел. Нет у нас жирного плова, есть у нас доброе слово, келин. Зови его!

Абад прикрыла половину лица платком и дернула калитку к себе:

— Входите, ака!

— Саша-ака,— назвал себя старшина.— Здравствуйте, Абад!

— Вай,— воскликнула громко молодая женщина.— Саша-ака приехали, Саша-ака!— Она обхватила шею Попова и крепко поцеловала в щеку.— Хуш келибсиз, Саша-ака!

— Сашаджан, Сашаджан, ягненок мой!— Халимахола, услышав его имя, бросила доить корову и помчалась к нему. Обняла, припала к его груди. И заплакала. Затем поцеловала его в лоб.— Хуш келибсииз, Саша, сынок!— Хола повернулась к супе, на которой сидел Фарход.— Фарходджан, внучек мой, беги скорее сюда, твой дядя приехал, брат твоего папы, Сашаджан приехал. Ну, иди, глупенький, чего ты боишься, иди, ведь этой твой родной дядя!— Объяснила старшине:— Мужчин-то в доме не было, вот и не привык. Ничего, Сашаджан, через день тебе от него отбоя не будет. Мальчишки они такие. Ой, да что же это я,— спокватилась она,— идем на супу, поди, устал?!— Сказала снохе:— Ты чего стоишь, келин, стели для моего сына шелковую курпачу, носи подушки да ставь чай. Сходи еще к Миршарифу, пусть придет, разделит радость. О аллах, спасибо тебе, тысячу раз спасибо! Вернул в родной дом моего сына, будь милосердным, дай и второго, пусть они живут на земле, как два чинара!..

Усадив гостя, женщины захопотали на кухне. Фарход тоже ушел с ними, но вскоре вернулся, остановился в нескольких шагах от супы. Был он чумазым, босым, пестрая рубашонка едва прикрывала пупок. Лицо круглое, а глазенки, как угольки, в них любопытство и испуг одновременно.

— Ну, Фарход, иди ко мне,— позвал его старшина.

Мальчик не сдвинулся с места, хотя переступил с ноги на ногу.

— Ну, иди, малыш, я же тебе звездочку привез.— Он вытащил из кармана гимнастерки красноармейскую звездочку и протянул ему.

Мальчик с трудом преодолел испуг, подошел к нему и, схватив звездочку, занял прежнее место.

— Что же мне сделать для тебя, а?— скорее сам себя, нежели Фархода, спросил Попов и, подумав, начал снимать с груди фронтовые награды. Показал их ма-

лышу и поманил его пальцем. Фарход немного осмелел и, наконец, подошел к нему. Саша посадил его на колени и начал цеплять к залатанной рубашонке ордена и медали. Потом нахлобучил на его голову фуражку, поставил перед собой.— Теперь совсем другое дело, брат. Настоящий герой!

Фарход спрыгнул с супы и, придерживая рукой фуражку, которая то и дело сползала ему на лицо, побежал к матери и бабушке. Вернулся вместе с ними, сияющий от счастья. Халима-хола принесла тощий дастархан, а Абад следом — чайник и две пиалы на подносе. Хола расстелила перед гостем дастархан, на нем было несколько кусочков черной лепешки и больше ничего.

«Убого», — подумал Саша, глянув на дастархан. Он развязал вещмешок и вытащил из него три отреза шелка. Их ему принесли ребята из батальона, когда пришли попрощаться. Сказали, что взяли у сбежавшего буржуя.

— Это вам, оладжан.— Он протянул Халиме-хола серый отрез.— А этот, оранжевый, вам, Абад.— Он положил второй отрез перед ней.— Этот — малышу.— Саша положил перед мальчиком зеленый отрез. Вытащил новую гимнастерку:— Для Миршарифа-тога.— Потом он вытащил три булки серого солдатского хлеба, большой круг колбасы. Рафинад, что был в мешочке, он высыпал перед племянником и произнес:— Специально для тебя!

Не успела хола разлить чай в пиалы, как из соседнего двора пришел ее брат, невысокий, смуглый, с обвислыми усами. На голове серая чалма, одет в выгоревшую гимнастерку. Саша поздоровался с ним стоя.

— Только сейчас освободился, Халима,— сказал тога, присев на краешек курпачи. Спросил у Попова:— Здоров ли ты, племянник?

— Спасибо, тога...

Хозяева смотрели на хлеб в центре дастархана, но никто не осмеливался дотронуться до него. Больше всех хотелось хлеба Фарходу, но и он, глядя на взрослых, сидел неподвижно, казался даже равнодушным к сахару, но и не сводя с белых кристалликов рафинада своих черных глазенок. Саша незаметно обвел всех взглядом и громко произнес:

— Что вы, онаджан, хлеб не режете?.. Впрочем, давайте-ка мне одну булку...— Он нарезал хлеб равными, как в армии, ломтями и два положил перед мальчиком:— Ешь, брат, а завтра... Будет день, будет пища, как у нас говорят...

Старшина понимал, что больше всего их интересует сейчас судьба родного человека — Тулкуна Якубова и если они не спрашивали пока о нем, то только из чувства традиционного такта — в узбекских семьях не принято докучать гостю вопросами. Кстати, с приходом той женщины перестали принимать участие в разговоре. Хола была занята чаем, а Абад сидела в сторонке, прикрыв лицо платком. Она была, как успел заметить Саша, светлее своей свекрови, черные волосы вились из-под косынки, брови широкие, сросшиеся на переносице. Нос прямой, губы пухлые, а подбородок двойной, с прорезью. Фарход был ее точной копией. Хола была моложе того на пять лет, но выглядела старше, глубокие морщины пролегли на ее худеньком личике, а руки были жилистыми, как у мужчины. И большими. «Досталось ей, видно», — подумал Саша.

Пока пили чай, Фарход, сидевший возле матери, перебрался на колени Саши и, наевшись колбасы, которая ему очень понравилась, так и уснул у него на руках. Абад постелила ему на кровати, что стояла рядом с супой, и уложила.

— Ну, а как там брат твой, Сашаджан?— после долгих расспросов о войне, о фашистах, о тех немцах, которые сейчас живут в Германии, мол, не краснеют

ли их отцы за злодеяния своих отпрысков, наконец, к радости женщин, спросил тога.

— По-моему, он писал вам, тога?— тихо произнес Саша.

— Да, да,— подтвердила его слова хола,— ничего, даст аллах, вернется и он.— Повернулась к гостю:— Сашаджан, я тебе постелю тут на супе, хоп? Пора отдыхать, а завтра подумаем, как дальше быть.

— Это вам, тога,— сказал Саша, протянув уходившему старику гимнастерку.

— Спасибо, Сашаджан. Теперь я как командир буду. Надолго мне ее хватит.

— Да, ака,— сказала хола,— Саша словно видел, что вы сильно пообносились...

Абад постелила Саше постель, и когда он, раздевшись, лег, хола присела рядом. Ей не хотелось спать. Как, впрочем, и Саше.

— Ну, онаджан, расскажите, как же вы тут жили, а?..

Это письмо было необычным, не треугольным, как всегда, а тугой прямоугольный конверт. Словно бы он пришел из учреждения, а не от сына. Хола взволновалась и еле дождалась вечера, чтобы пойти к бухгалтеру домой. Но она ничего не сказала невестке, боясь расстроить ее. А передумала всякое. И оттого нервы ее были натянуты, как струна дутара, и сама она представлялась себе человеком, идущим по знойной пустыне, измученным жаждой. Едва подоив коров на ферме, хола отправилась к Рашиду-тога, даже не заглянув домой.

Бухгалтер был крепким мужчиной, как палван. Он редко бывал трезвым, всегда у него заплетался язык, но «дело», по словам знавших его, он выполнял, как

аргист,— колхозник у него всегда оказывался должником.

— А-а, Халимахон,— сказал он, увидев появившуюся в дверях женщину. Он уже сидел за столом, на котором стоял пузатый самовар, и дул зеленый чай.— Письмо?

— Ага. Необычное какое-то, тога.

— Сейчас посмотрим.— Он нацепил очки и, глянув на конверт, произнес:— Нормальное. Обратный адрес — полевая почта. Если бы что-то не то, из военкомата пришло бы.— Из конверта, когда он его вскрыл, выпал листок бумаги и газета. Тога молча пробежал по строчкам письма, просмотрел газету и добавил:— Всем вам привет от сыновей. Воевали они где-то там, много фашистов побили. И обонх их наградили медалями «За отвагу». Вот и все. Поздравляю, такой орел вышел из нашего колхоза!

— Спасибо, тога,— воскликнула хола радостно,— пойду невестку обрадую!

— Газету не потеряй, сестра,— крикнул ей вслед бухгалтер,— она сейчас очень нужна колхозу.

— Надо б отметить это событие,— предложил брат, выслушав Халиму-холо.

— Хоп. Может, овцу заколем, а когда сыновья вернутся... даст аллах еще!

— Лучше петуха, верпо, келин?— произнес он, обратившись к Абад.

Маленький праздник в доме Халимы-холо запомнился им надолго. До самого конца войны и еще с полгода после нее они не испытывали такого блаженства от душистого плова, как тогда...

III

...Попову снялся сон, будто сидит он на песчаном берегу тихой речки, день ясный, в небе ни одного облачка, и потому все, что его окружает, кажется прони-

занным яркими лучами солнца, а волны лениво нака-
тываются друг на друга. Вода напоминает расплавлен-
ный янтарь. Рядом в кустах щебечут птицы. На
другом берегу прямо к воде подступила березовая ро-
щица, и деревья похожи на невест, сбжавшихся на
хоровод. Ему чудится, что березы-невесты поют груст-
ную песню на незнакомом языке. Мелодия песни, что
долетает до него вместе с плеском волн, приятная,
сладко волнующая кровь.

Саша приоткрыл глаза. Над головой, в густой лист-
ве чинары чирикали воробьи. Вдали за дувалом видны
залитые солнцем холмы-адыры, а на кровати с прова-
лившейся сеткой, словно в люльке, спит Фарход. Абад,
подпоясавшись платком, тем, что вчера прикрывала ли-
цо, поливает двор из ведра. Она стройна, как девуш-
ка-восьмиклассница, две черные тугие косы, когда
Абад подается вперед, чтобы зачерпнуть в пригоршню
воды, падают на упругую грудь. Когда вода кончается,
она выпрямляется и резким кивком головы откидывает
косы за спину и легко, как газель, идет к колодцу. Ли-
цо румяное, а губы словно бы налиты соком. Абад ста-
рается не шуметь.

Наблюдая за ней сквозь прикрытые веки, Саша по-
нял, почему Тулкун все время говорил ему, что краси-
вее его жены ни у кого в кишлаке нет. Да, Абад была
красива неброской красотой южанки. А может, это бы-
ла просто красота молодости? Саша не стал задумы-
ваться над этим. Нежиться в теплой постели, когда бы-
ло такое прекрасное утро, не хотелось, и он, громко
кашлянув, отвернулся от женщины и закурил. Песня
сразу оборвалась. Абад быстренько сняла платок с
пояса и накинула на голову. Когда Саша повернулся
к ней, она стала такой же, как и весь вчерашний вечер.

Саша поднялся и, одевшись, пошел к колодцу. Умы-
ваться из ведра было неловко, и он начал искать гла-
зами кружку или ковш.

— Прямо из ведра, Саша-ака,— посоветовала Абад,— как Фарходджан.— Пока он, кряхтя, как старик, и разбрызгивая вокруг себя воду, умывался, она вынесла из комнаты полотенце. Вспомнила, что вот так же выносила полотенце мужу, и погрузилась: «Скорее бы уж возвращался Тулкун-ака, такая тоска!»

После завтрака Абад и хола стали собираться на работу. Хотели разбудить мальчонку, чтобы его забрать с собой, но Саша попросил не тревожить его, мол, я с ним сегодня побуду. Хола подала ему касу кислого молока, которое очень понравилось Саше. Оно напоминало простоквашу, но было вкуснее.

Попов обошел двор, заглянул через дувал в соседний. Там земля была обработана, на грядках зеленели огурцы и помидоры, вдоль заборов вились кусты тыквы с крупными и яркими оранжевыми цветами. А здесь все было запущено. «Без мужских рук,— подумал он,— видно, каждый дом обречен на это». Решив при случае заняться огородом, он, пока Фарход спал, починил калитку, потом убрал навоз в хлеву. Там было сыро, и он насыпал сухой земли.

— Мама! Мама!— захныкал Фарход, проснувшись.

— Салам, герой,— подошел к нему Саша и подал руку. Тот тоже протянул свою, продолжая, однако, звать мать.— Пошли умываться. Э-гей, братец лис,— сказал он, умывая его,— ноги и руки сплошь в цыпках, беспокоят, поди, страшно? Надо их немедленно выводить, но прежде займемся желудком...

Потом, взяв на руки племянника, Саша отправился по кишлаку. Люди, изредка встречавшиеся ему, здоровались, приложив руку к груди и склонив голову:

— Ассалам алейкум!

— Здравствуйте,— отвечал он по-русски.

Женщины, даже старухи, завидев его, прятали лица в платки, но Саша чувствовал, что некоторые

из них, проходя мимо, бросали любопытствующие взгляды.

Весть о его приезде дошла до председателя колхоза Амана-ака и секретаря партийного бюро Курбанова. Посоветовавшись с бухгалтером, они решили выделить мешок просяной муки для семьи Халимы-хола и один килограмм хлопкового масла. Вызвали ее в контору и объявили свое решение, мол, парень — россиянин, к тому же приехал сюда из госпиталя, так что его следует кормить, хоть и не роскошно, но и не держать на полуголодном пайке.

— Спасибо, ранс-бобо, — растроганно произнесла хола. — Приходите к нам познакомиться со вторым моим сыном.

Когда Саша с Фарходом вернулся домой, тут всю кипела подготовка к встрече именитых гостей.

— Может, и я чем помогу? — спросил Саша.

— С тебя хватит, сынок, — сказала хола, выглянув из кухни. — Хлев вон как привел в порядок, калитку починил да с племянником полдня провозился. Раненый, поберечься пока надо.

— Хоп, онаджан. — Он прошел на супу и подумал, что эта встреча ей обойдется в копеечку, и вспомнил о своих деньгах. Он нашел свой вещмешок и, вытащив платок, в котором было завернуто семь тысяч рублей — все, что накопилось за годы войны, вручил матери.

— Деньги должны быть в руках мужчины! — сказала хола.

— Я привез их вам, онаджан.

— Ладно. Пусть лежат, надумаешь жениться, истратим на той.

— Ну...

Председателя колхоза больше всего обрадовало то, что Саша до войны был кузнецом. В кишлаке была своя кузница, но мастерового вот уж третий год нет.

Как взяли в армию кузнеца, так она и закрыта, даже чайдуш запаять и то некому. Но уж больно молодым ему казался Саша для кузнеца.

— Я ремесленное училище кончал,— уже второй раз объяснял Саша,— три года учился. Да на заводе проработал...

— Не женаты пока?— спросил Рашид-тога.

— Не успел,— ответил старшина.

— А девушка, конечно, была?

— Да. Вместе в училище учились. Она работала токарем, Наташа. Я ушел в армию,— а она в ополчение. И погибла...

Ох, каким далеким показалось Саше то время, когда он проезжал Москву! Он остался на сутки в столице, сходил на свой завод, а там почти никого из тех, с кем работал, дружил, не осталось. Во всех цехах новые люди, молодые парни и девушки. Может, он и остался бы там, случись встретить кого... Нет, не остался бы, наверное. Потому что каждый уголок завода, улицы вокруг него, танцплощадка, да мало ли мест, где он бывал с Наташей,— напоминали бы ему о ней. А что может быть тяжелее этого?!

— Саша-тога, пошли за травой,— предложил Фарход картавя.— А то все дяденьки ходят, меня не берут.

— Зачем трава-то?

— Корове вечером зададим. А утром она даст много молока!

— Ишь ты,— удивился Саша,— все понимаешь! Ладно, найди серп и веревку, пойдем.

К вечеру принесли большой сноп травы. Саша бросил его в хлев, а Фарход быстренько принес немного воды в ведре и плеснул на него.

— Чтоб не завяла до вечера,— сказал он.

— Шкет, а уже столько знает!— усмехнулся Саша.— Ладно, теперь займемся твоими цыпками, они мне покоя не дают.

Он нагрел воды, нашел в вещмешке кусок хозяйственного мыла и так выкупал мальчишка, что тот сразу преобразился, стал румяным, с мягкой, словно бархат, кожей. Саша причесал ему волосы и посадил на супу, чтобы смазать цыпки маслом.

— Не надо, Саша-тога,— запротестовал тот,— больно, щипать будет!

— Значит, ты уже испытал это удовольствие,— рассмеялся Саша.— Ты — Фарход, герой, обязан терпеть, понял? Герои не плачут, стиснут зубы и молчат, так и твой отец говорил.

— Щипит, как от огня, тога.

— Ничего. Пощипит-пощипит и перестанет. Зато потом болеть не будет, знаешь как расти начнешь!

— Как?

— Быстро-быстро. Сразу меня догонишь.— Саша начал осторожно смазывать ваткой ногу.— Терпи, не шевелись. Пройдет три-четыре года — и в школу пойдешь, а с цыпками, брат... можешь на всю жизнь карликом остаться!

Как всякий мальчишка, Фарход хотел расти быстро. И потому терпел, но боль была такой острой, что он время от времени дергал руку, смахивал с глаз слезу, правда, ни звука не издав, потом снова подставлял ее Саше.

— А вы моего папу видели?— спросил он, когда процедура была окончена.

— Да.

— Красноармеец, да?

— Ну.

— И орденов много?

— До черта.

— Я его не видел, никогда не видел.

— А кто тебе сказал, что не видел?

— Сам знаю,— упрямо ответил он...

Когда хола и Абад вернулись с фермы, Саша и

Фарход обнявшись спали на супе. Хола прослезилась и сказала снохе:

— Какого доброго брата дал аллах твоему мужу, дочка!..

Абад вспомнила мужа. Он, как и все парни кишлака, был скупым на ласку. А однажды, это было месяца через два после свадьбы, он вдруг сказал ей:

— Знаешь, Абад, я тебя люблю, сильно люблю! Уйду на работу и не дождусь вечера, чтобы увидеть тебя. Разве такое бывает, а?

— Не знаю, ака,— ответила она тихо...

А потом... Война... Зима без мужа... Халима-хола запретила беременной снохе бывать на ферме, а дома велела заниматься только легкой работой, чтобы роды были благополучными. И Абад почти не выходила из дома. «Афганцы» приносили на своих крыльях ледяные дожди. Тополя, что росли почти в каждом дворе, сбросили листья и торчали как обшарпанные веники, воткнутые в землю ручками. Тяжелые тучи, проплывая над кишлаком, казалось, цеплялись брюхом за их верхушки. В такие серые и сырые дни Абад ставила сандал, садилась за шитье для ребенка. Было тоскливо на душе, кажется, она разрывалась от тревоги за мужа, от которого вот уже несколько месяцев не было вестей.

— Был я в военкомате,— сказал, зайдя к ним, Миршариф-тога,— за Тулкуна не волнуйтесь, у него служба такая, пошлют на задание, и даже по году они не могут подать о себе весточку.

— Ой, слава аллаху,— произнесла хола,— а я уж чего только не передумала...

Примерно через неделю после того дня Абад, подкладывая сухую колючку под чайдуш, услышала голос за калиткой:

— Халима-хола-а! Абад-опа-а!

— Кто там?— спросила она, выглянув из кухни.

— Я, почтальон! Вам письмо!

— Где?— Абад побежала к калитке.

— Вот.— Парнишка-почтальон протянул ей треугольник.— От Тулкуна-ака, там все сказано.

— Может, ты и прочитаешь его, йигит?— спросила она, глянув на конверт, надписанный русскими буквами.

— Сейчас,— ответил он бодро и, развернув письмо, начал крутить его и так и эдак.— Кажется, не по-нашему написано, опа?

— Ты же обещал прочитать!

— Да. Но раз я не смог сделать этого, значит, не по-нашему. Мы такие буквы в школе не проходили.

Страшно это — держать в руке весть о родном человеке и не знать, что он сообщает о себе. Какие только мысли не пронеслись в ее голове, пока она переговаривалась с парнишкой. Думала, что погиб ее муж, а друзья, видно, написали об этом на своем языке. В Баландсае уже случилось такое.

— Говоришь, что письмо от Тулкуна-ака, а прочитать не можешь. Как же ты узнал, что он написал его, а?

— Рашид-тога, бухгалтер, сказал,— ответил тот,— он даже красным карандашом надписал его, чтобы я не перепутал.

Абад посмотрела на обратную сторону листа и увидела выведенное латинским шрифтом «Халима». «Пойду к нему,— решила Абад,— пусть прочитает, что пишет Тулкун-ака». Она не стала дожидаться, пока вернется свекровь, собралась и пошла в контору.

Снег за день немного подтаял, улицы превратились в месиво, того и гляди калоши в грязи оставишь. Пустынно, словно бы мор прошел по ним. Изредка встретится женщина или старик. «Напрасно я напялила на себя паранджу,— подумала Абад,— здесь и прятаться не от кого!» Раньше, бывало, невестке и не появиться на людях, начнут парни острить да бросать вслед

реплики, добро бы приятное, а то и... Некоторые женщины были в синих платьях, и у Абад сжималось сердце: «Эти теперь уже никогда не увидят своих сыновей или мужей. О небо, не допусти такое».

По пути заглянула в магазин. И он ее поразил. Когда она еще была девушкой, то часто с подругами ходила туда. Полки магазина были забиты ситцами и сатинами, такими яркими, что глаза разбегались. А сколько было сахара?! И большими белыми головками, похожими на минарет, и маленькими кусочками, которые называли рафинадом. И просто разными кусочками в мешках. Конфет, особенно леденцов, на десять копеек давали целую горсть. Абад и ее подруги чаще всего покупали их, а потом шли и грызли с хрустом, как жареную кукурузу. Абад же любила по-другому. Она клала леденец под язык, обсасывала его, а потом брала его кончиками пальцев и сквозь него разглядывала солнце — он светился, как осколочек стекла, как бусинка. Теперь перед нею были пустые полки, похожие на рамы окон в заброшенных домах. Вот здесь, в магазине, Абад впервые поняла, что это такое — война. И была бесконечно благодарна своей свекрови, которая всячески ограждала Абад от нужды...

Халиму-хола Абад встретила радостной. Показала ей письмо от сына и пересказала его содержание.

— Русский ли у нашего Тулкунджана друг или еще кто, — сказала хола, — важно, что есть друг. Значит, он не одинок, дочка...

IV

Мысль основательно заняться огородом не оставляла Сашу, а после того, как председатель колхоза, рассказывая о местных условиях, заметил, что тут до наступления холодов можно еще получить запросто урожай огурцов, он решил не откладывать дела в долгий ящик. Но

на первых порах это ему не удавалось. И вот почему. По традиции, его каждый день кто-нибудь приглашал в гости. Правда, дастархан хозяина зачастую не отличался достатком — где десяток яиц, сваренных вкрутую, с черной ячменной лепешкой, а больше — миска с кашей из пшеничной крупы — ярмы, были на нем, но приглашение — признак того, что тебя считают своим, признак уважения, значит, надо идти, посидеть несколько часов, поддержать разговор. Саша брал с собой Фархода, тот теперь ни на шаг не отставал от своего дяди, сильного и доброго. Да и сам Саша с удовольствием оставался с мальчонкой, любопытным, не по годам смысленным сорванцом, который, однако, всегда был послушным. Фарход скрашивал его бездеятельную жизнь, к тому же и женщины получали возможность не отвлекаться от работы на ферме. Видя, что ее внук всегда с дядей да еще и на людях, хола как-то за вечер пошла Фарходу рубашечку и штанишки из того шелка, что подарил Саша, а Абад вышила на воротнике обновы яркий мак.

Но вот началась пора уборки пшеницы, и теперь не до гостей было мингтеракцам. Саша понимал это и сегодня, проведив женщин на работу, сначала почистил хлев, а затем прошел на огород и, мысленно наметив участок, который решил вскопать до обеда, разделся до пояса и взял в руки лопату. Земля была жесткой, как камень, и лопата отскакивала от нее со звоном. Проснувшийся Фарход потянул его за руку, привел на кухню и показал кетмень, что стоял в углу.

— Дедушка Миршариф, — сказал он, — им копают землю.

— Ах ты умница, — похвалил его Саша и, приподняв мальчонку, поцеловал в щеку, — молодец! Я ведь видел эту штуку, а не сообразил, для чего она. Ну, ладно, сначала, брат, умываться. — Он повел его к колодцу, умыл,

потом покормил теплым молоком с хлебом.— Ну, а теперь пошли работать.

Фарход спрыгнул с супы и побежал к огороду. Сел на большую кочку, сложив руки на коленях, невозмутимый, как статуя. Саша нахлобучил на его голову свою фуражку и взял в руки кетмень, тяжелый, как топор-колун. Взмахнул и с силой опустил на землю — гык! Пробив лезвием жесткий слой, кетмень легко вошел в землю. И пошло. Дело спорилось. Саша отрывался от него, чтобы выпить глоток воды, смахнуть пот с лица. В конце концов он снял и майку, заметил, что Фарход начал клевать носом, отнес на супу и уложил. Сам снова принялся за работу.

Прошло часа два, а может, чуть больше. Немного оставалось, чтобы закончить намеченное. И он почувствовал мгновенную слабость, кажется, ноги перестали его слушаться, подкашивались, закружилась голова, перед глазами поплыли черные искры. «Что это со мной,— успел подумать Саша,— умираю, что ли?» Он бросил кетмень, хотел пройти к колодцу, чтобы облиться водой, но, сделав всего два шага, упал и потерял сознание.

Халима-хола, как всегда, вернулась пораньше, чтобы приготовить обед и накормить мужчин дома. Открыла калитку и увидела Сашу, возле которого, теребя его и плача, сидел внук. Хола бросилась к ним. Отстранив внука, сама принялась расталкивать Сашу, но он, казалось, не подавал признаков жизни. Хола набрала ведро воды и плеснула на него. На секунду Саша открыл глаза, хотел подняться, но голова вновь бессильно упала на землю. А солнце пекло нещадно, и надо было поскорее убрать его в тень. Взяла под мышки, но сил у нее не хватило. Тогда она сняла с себя платок, прикрыла им Сашу и выбежала за калитку:

— Лю-у-у-уди-и, помоги-и-ите-е!

Мимо протарахтела арба, и хола попросила арбакеша помочь ей. Вместе с ним она перенесла Сашу на су-

пу и пощупала лоб. Он был горячим, как во время приступа лихорадки.

— Добрый человек,— взмолилась хола арбакешу,— заскочите к доктору, пусть он быстренько придет, а? Я побуду пока с ним. О аллах,— она всхлипнула,— на кой черт дался ему этот огород!? Сколько лет жили без него, обошлись бы и теперь!— Хола смочила платок в холодной колодезной воде и положила Саше на лоб.

— Силы не рассчитал парень,— сказал доктор, растирая ему грудь.— Хорошо еще, хола, что вы пораньше домой пришли, а то до несчастья был шаг!— Он влил в рот Саши несколько глотков воды и начал усиленно двигать его руками и ногами, словно бы искусственное дыхание ему делал.

Саша открыл глаза. Голова его была тяжелой, словно бы налитой свинцом, а в глазах все еще плыли черные круги.

— Ну, вот, кажется, все,— сказал доктор,— теперь ему покой нужен да место попрохладнее.

— О аллах,— произнесла хола,— спасибо тебе за милость, жив останется мой сыночек, щедро отплачу тебе!

— Не спешите, хола, аллаху своему платить,— сказал доктор,— если есть возможность, поддержите парня хорошим питанием. Слаб он!..

Сашу перенесли в комнату, и хола, собираясь на работу, наказала Абад, чтобы она находилась при нем. Почаще меняла мокрый платок на его голове.

— Саша мне дал немного денег,— сказала хола брату,— может, съездите на базар и купите овцу, ведь...

— До пятницы еще четыре дня,— перебил ее тога,— а парня, насколько я понял доктора, надо уже сегодня хорошо кормить.

— Умница вы,— сказала хола,— возьмите нож да заколите нашу овцу!

— Что ты, Халима,— воскликнул тога,— ту овцу ты

купила для тебя, когда оба твоих сына сядут за дастархан. Богу слово дала.

— Вместо той купи другую, ака,— раздраженно произнесла хола,— разве мало белых овец на базаре?!

— Ты ее так откормила,— с сожаленьем произнес тога.

— Тулкунджаново с ним и придет,— сказала хола твердо,— видно, так аллаху угодно. Заколите. Какой палец не укусишь, всей руке больно, ака. Сашаджан для меня такой же сын, как и его брат!— Она поднялась, считая разговор на эту тему законченным.— Хоп, келин, смотри за больным.

Саша слабо стонал. Он изредка открывал глаза, обводил невидящим взглядом комнату и снова впадал в забытье. Абад, накладывая мокрый платок на его лоб, когда он открывал глаза, осторожно приподнимала голову и влиwała в рот молоко. И так до самого вечера, пока больной, наконец, не пришел в себя и не спросил у Фархода слабым голосом:

— Напугал я тебя, плямяш, а? Ничего, пройдет!

— Лежите спокойно, Саша-ака,— сказала Абад,— врач запретил вам волноваться.

— А что он сказал о моей болезни, Абадхон?— спросил он.— Я такой слабый, словно месяц на одной воде жил.

— Солнечный удар, ака,— ответила она и дала воды, положив под его голову руку и чуточку приподняв ее.

Саша почувствовал тепло и нежность ее руки. Что-то словно током пронзило его. Это, видимо, передалось и Абад, она вспыхнула, как мак, и отвернулась...

V

Прошла неделя. Стараниями Халимы-хола и Абад, благодаря хорошей пище к Саше стали возвращаться

силы, он уже поднимался с постели, сидел вечерами на супе и дышал свежим воздухом. И вот однажды, когда семья чаевничала, управившись с делами, к ним пришел председатель сельсовета Пулатджан, среднего роста, примерно одних с Сашей лет, парень-фронтовик. Вместо правой ноги был тяжелый протез, который стучал по земле, как копыто коня. Поздоровался с хозяевами, расспросил их о жите-бытье, присел на краешек супы.

— Давайте суюнчи, она! Только что звонили из военкомата, просили вашего сына Тулкуна Якубова приехать и встать на учет. Мол, документы давно пришли, а сам не заявляется.

— Что вы говорите, Пулатджан?— удивилась хола.— Разве, если бы он вернулся, вы не услышали о том?!

«Ну, Саша,— сам себе сказал старшина,— пробил твой час, пора доложить людям правду. Нельзя больше испытывать судьбу!» И он тихо произнес:

— Тулкун не приедет, онаджан. Никогда не приедет!

— Что вы говорите, добрый человек?— сама не заметив того, перешла на «вы» хола, повернувшись к Саше.— Мой сын приедет, вой и сельсовет уже знает. Задержался, наверно, в пути...

— Я ваш сын, онаджан,— сказал Саша.

— Вы само собой,— кивнула хола,— но у меня есть еще Тулкунджан.

— Я Тулкун Якубов,— твердо сказал Саша и, повернувшись к секретарю, добавил:— Передайте в военкомат, я на днях приеду туда.

Хола оцепенела, несколько минут не могла произнести ни одного слова. Ей казалось, что этот русский парень не в своем уме, раз выдает себя за ее родного сына. Да, он — побратим Тулкуна, но не... Очнулась и спросила:

— Вы — мой сын? Вы — Тулкун Якубов?

— Да, я ваш сын,— ответил Саша.

— Ха-ха-ха,— нервно рассмеялась хола,— люди, посмотрите на этого сумасшедшего, разве он — мой сын? Почему так, а? Почему? А где ж тогда мой Тулкунджан?— Она встала и, схватив Сашу за ворот, начала трясти его.— Где мой единственный сыночек, мой ягнечок? Что вы с ним сделали, а, что? Отвечайте!

Хола кричала так громко, что ее услышали в соседнем дворе и прибежал Миршариф-тога.

— Что тут происходит?— спросил он, увидев вцепившуюся в Сашу сестру.

— Акаджан,— произнесла хола, все еще не отпуская парня,— вот этот человек утверждает, что он — Тулкун Якубов. Почему? Или он безумец, или я, ака!— Она опять повернулась к Саше:— Почему вы, добрый человек, мой сын? Объясните! Что с моим родным сыном? О аллах, чужло мое сердце беду, чужло!

— Саша, объясните, в чем дело?— обратился к нему тога и крикнул сестре:— Перестань ты трясти парня, Халима! Человек только выздоравливать начал. Отпусти, сейчас все выяснится. Ну, Саша? Что же случилось?

— Тулкун погиб,— ответил Саша,— давно погиб!

— А письма?— спросила хола, отпустив его.— Письма разве сами писались?

— Письма писал я,— ответил старшина.— И если я неправильно делал, простите меня, ведь я хотел как лучше...

— Неправда, неправда,— воскликнула хола,— вы обманываете нас, Саша! Я не хочу иметь такого сына, как вы, не хочу! О аллах, а я этому человеку отдала овцу, которую... Прав ты, о аллах, наказав меня! Но человек... Почему он преподнес мне такую черную неблагодарность? Скажи мне, о небо!

— За хлеб-соль, за все, что вы для меня сделали, онаджан, большое спасибо,— тихо сказал Саша,— буду жив, никогда не забуду этого, всю жизнь я считаю себя вашим должником. Спасибо, что выходили, как мать. У

меня не было матери, я не знал, что это такое — забота матери. Теперь я знаю, что для человека означает мать. Низкий вам поклон за это, анаджан. Как бы вы не думали обо мне, я никогда не забуду вашу доброту и тепло ваших рук и сердца! А Тулкун, мой брат... погиб! Я очень хотел, чтобы фашистская пуля унесла меня, а он вернулся к маме, к жене и сыну. Я не виноват в том, что этого не случилось. Он, брат мой, погиб на моих глазах, и я сам, вот этими руками, предал его земле!..

Саша вспомнил тот далекий летний день сорок третьего года...

... Редко случалось, чтобы весь батальон поднимали сразу. Обычно одни группы уходили, другие возвращались, а третьи — готовились, словом, казарма никогда не пустовала, она напоминала зал ожидания большого вокзала, где круглые сутки нескончаем людской поток. Но когда оставался один хоззвод, десантники знали: работа предстоит жаркая.

В ту ночь подняли всех. Каждый из ребят думал, что и на этот раз, как бывало, он окажется в глубоком тылу противника, пробудет там долго и... может, останется навсегда. Война без жертв не бывает, и десантники знали, что любой бой может стать для каждого из них последним. Знали и потому не думали об этом, когда речь шла о выполнении боевого задания — от этого зависела жизнь сотен, тысяч других на передовой, да и там, в тылу самого врага. Вот и на этот раз десантники готовились к длительному пребыванию там. Но самолет с группой капитана Казакова пересек линию фронта на очень большой высоте, пролетев с полчаса, чуть ли не в пике, начал снижаться. И тут же приказ: выбрасываться! Все в недоумении глянули на командира.

— Давай, ребята, все правильно, — крикнул он.

— Тади я пишов,— сказал старшина Голубь и шагнул в открытый люк.

Приземлились на опушке большого леса, быстренько собрали парашюты и, выставив дозор и охранение, двинулись в глубь его. Было сыро, пахло прелью. Часов пять шли без отдыха и перед рассветом оказались у неширокой, но полноводной реки. Капитан объявил привал, но костры разжигать запретил. Выбирая места посуше, бойцы стали располагаться под деревьями и принялись за сухари да за тушенку.

— Кажется, пронесло,— сказал капитан, присоединившись к ним.— Немцы решили, что на такой большой высоте летят только в глубокий тыл, а мы чуть ли не на хвост им сели.— Похрустев малость сухарем, добавил:— В трех километрах ниже по течению есть железнодорожный мост, завтра к утру его не должно быть, ребята. Таков приказ!

— Зробим,— сказал старшина,— це ж пустяк!

— Погоди робить,— заметил капитан,— по данным разведки, мост охраняет рота солдат, как рейхсканцелярию какую. Тут надо подумать. Чтобы мост перестал существовать, чтобы шума не было и, главное, не было потерь. Видишь, сколько «чтобы»? Назначай караул, старшина, и пошли. Побачимо, как у вас говорят. Остальным — отдыхать!

Якубов и Попов устроились в сторонке под большой сосной и, хоть устали порядком, долго не могли уснуть, думали о том, что предстоит... Но усталость брала свое, глаза слипались сами. День прошел спокойно. К полудню вернулись капитан и старшина Голубь. С готовым планом действий, не очень оригинальным, правда, но единственно приемлемым при данной ситуации, когда время торопило, решили пустить дерево по реке, начинив его взрывчаткой. Когда оно зацепится за быки, надо было поджечь шнур.

— Если это дерево не зацепится,— сказал капи-

тан,— задание не выполним. Значит, нужно кому-то вести его по реке. Кроме того... и шнур надо подпалить, всякие окислители непригодны. Взрыв может произойти раньше времени.

— Адин деревья пускал делить, да?— спросил Якубов.

— Ну,— ответил Голубь.

— Такой делить нельзя, товарищ капитан. Пошнест нсволнчй, но не дурак. Он понимал делить!

— Правильно, Якубов,— согласился с ним командир,— пустим сразу несколько деревьев, а то, что со взрывчаткой, зацепится. Его поведут двое, для страховки.

— Я пиду,— вызвался старшина,— усе там бачив, знаю, шю где!

— Еще кто с ним?— спросил капитан.

— Я,— сказал Якубов.

— Я,— сказал и Попов.

— Пусть Якубов,— произнес Голубь,— он це дило дуже гарно знае.

— Товарищ капитан,— обратился к командиру Попов,— разрешите втроем, а, надежнее!

— Вы поплывете с первым деревом, Попов,— сказал капитан,— если оно пройдет, задание выполним!..

Большую ветвистую сосну свалили и нащипговали взрывчаткой, как краковскую колбасу шпиком. Все деревья спустили на воду около полуночи, но не сразу, а метров через сто каждое. Течение тихое, и по расчету Казакова они должны были подойти к мосту перед рассветом, когда не столь бдительна охрана. Было глубоко, вода довольно прохладная. Когда плывешь ночью по реке, видно далеко. Попов вел дерево и видел второе, которое тоже пройдет под мостом и лишь третье — зацепится. Оно, как кочка, виднелось вдаль. Когда дерево Саши оказалось у моста, по нему небрежно полоснул луч фонарика и тут же погас. Второе тоже прошло нор-

мально, а третье уперлось о быки. На сотую, может, долю секунды блеснул запальный шнур, и в то же время с моста резанул автомат. Начали стрелять и по тем, что проплыли, и тем, что подходили. Включились прожекторы, и в это время над водой взметнулось рыжее пламя, а мощный взрыв оглушил Попова. Мост переломился надвое и осел в реку, фашисты заметались на полотне дороги, спасаясь от пуль десантников.

Попов, немного придя в себя, подплыл к мосту, но там ни Голубя, ни Якубова не нашел. Их трупы бойцы нашли в полукилометре ниже, после того, как, уничтожив охрану, собрались в указанном командиром месте. В том бою погибло пятеро десантников, а капитана ранило в ногу.

На крутом изгибе рски, у края березовой рощи, бойцы похоронили своих товарищей. Близился рассвет, и надо было уходить. На стволе березы, что росла рядом с могилой, Попов вывел химическим карандашом имена и фамилии похороненных, а вместо «Якубов» поставил свою: «А. Попов, гвардии сержант». Было еще темно, и на это никто из присутствующих не обратил внимания. Десантники молча постояли над могилой. Далеко-далеко грохотала канонада, с которой в то утро началась Курская битва.

— Вся армия салютует им, — сказал капитан и надел пилотку. — Прощайте, ребята!

Группа направилась в чашу леса. Казаков шел позади, чуть прихрамывая. Попов решил сказать ему о том, что на березе написал свою фамилию. Подождал, пока он поравняется, и тихо произнес:

— Товарищ капитан, я ведь вместо Якубова свою фамилию написал на березе.

— Зачем? — спросил безразличным тоном капитан.

— Побратались мы с ним по узбекскому обычаю.

— Ну и?..

— Теперь я должен носить его имя и фамилию.

— Гм. А чего я его родителям напишу?

— Ничего, товарищ капитан. Надо написать о Попове.

— Ты что?— воскликнул капитан и повертел пальцем у виска. Но, глянув на него, сказал миролюбиво:— Ладно, придем домой, поговорим...

Потерпев поражение, гитлеровцы драпали без оглядки и в основном по большим дорогам, в леса не совались. Фронт быстро передвигался на запад, и когда десантники к концу вторых суток вышли из леса, оказались в тылу своих уже. В батальоне Попов написал рапорт на имя командования и в нем подробно изложил ситуацию. А своих командиров упросил подождать с похоронкой в Узбекистан. Через месяц пришло разрешение командира корпуса, и Саша стал сержантом Тулкуном Якубовым. Официально... Письма продолжали идти в кишлак.

— Вот и все,— сказал Саша.

Халиме-хола не верилось, что ее родного сына уже нет. Ей казалось, что письма, которые приходили всю войну и после нее, этот русский парень писал со слов живого Тулкуна, не мог он от имени мертвого поддерживать в их сердцах надежду. «Может, аллах и наказывает меня так жестоко, что я признала своим сыном неверного,— подумала она.— Ну да, за это я и страдаю. Грешна я перед богом и если не искуплю этот грех, новые беды свалятся на наши головы. О аллах, я ведь хочу увидеть внука взрослым, дай мне силы и несколько лет жизни. Пусть мой Тулкунджан погиб, а не этот неверный. Будь щедрым, небо, пусть теперь мне сына заменит внук, внук, а не он». И она, вытерев рукавом слезы, жестко сказала Попову:

— Я не хочу вас видеть, уходите! Прочь из моего дома!..

Саша встал и направился к калитке. За ним побежал Фарход, молчавший все это время.

— Саша-тога, Саша-тога,— закричал он, начал плакать, вцепившись в него,— не уходите! Я не отпущу вас! Не отпущу!

— Не плачь, Фарходджан,— сказал ему Саша, остановившись и присев на корточки.— Ты побудь немного с бабушкой и мамой, я схожу в контору и вернусь, хоп?

— Правда, тога?— мальчишка перестал плакать.

— Ну, разве я тебя обманывал когда-нибудь, а?

— Не-а.

— И теперь не обману. Ну? Ты же Фарход, герой. А герон не плачут!

— Вы только быстрее приходите, хоп,— сказал Фарход,— я буду ждать вас, спать вдвоем ляжем.

— Нет, так дело не пойдет, брат, а вдруг у меня там дел много будет, ты и будешь ждать, что ли? Герои должны вовремя ложиться, понял? Иначе они не вырастут.

— Я буду ждать, тога,— не унимался мальчонка.

— Будешь, сынок,— сказала ему тихо Абад, уводя от Попова...

Странное чувство овладело ею. Кажется, что ее сердце стало сразу равнодушным ко всему, что только что пережила. И эта страшная весть о гибели мужа, и жестокость свекрови по отношению к в общем-то невинному человеку — Саше, и этот громкий плач сына,— казалось, все это слилось воедино и превратилось в нечто такое, чего нельзя сразу постигнуть. Она подняла на руки сына, но не смогла сдвинуться с места, будто ноги приросли к земле.

— Простите меня, Абад,— тихо сказал Саша, поднимаясь,— не хотел я всего этого, не хотел. Спасибо вам за все, сестра!

Звук хлопнувшей калитки вернул Абад в действительность. Она повернулась к супе, по все, кто сидел на ней, показались ей окаменевшими. А над двором висела звенящая тишина...

Ближайшее будущее Попову [?]казалось таким же темным, как ночь, окружавшая его за калиткой. Надо было подумать. Он прислонился спиной к дувалу, почувствовав снова усталость, присел на корточки и вытер рукавом пот с лица. Было тихо и даже вездесущих мальчишек не слышно было в эту пору.

Он не сознавал, что после гибели Якубова, поддерживая в сердцах его близких надежду, совершал нравственное преступление. Саша твердо был убежден в том, что поступал правильно, как требовал обычай и условия, поставленные самим Якубовым. Тем более что братание было скреплено кровью. И все же где-то подсознательно он чувствовал, что бурного сегодняшнего объяснения можно было избежать, если бы он честно сообщил о случившемся. Тогда бы все встало на свои места и, в зависимости от желания хола, он приехал или не приехал к ним. «Как бы ни было,— решил он наконец,— я поклялся на крови и обязан исполнить слово. Если мне не суждено жить в доме брата, остаться в кншлаке никто не запретит. Я позабочусь, чтобы его сын вырос с моей помощью, буду помогать его семье, пока Абад не выйдет замуж. Завтра пойду к председателю колхоза и попрошу работу... Да, куда сейчас идти?» На этот вопрос он ответить не мог.

— Нескладно как-то получилось, ошна!— услышал Саша голос председателя совета. Поднял глаза и увидел его перед собой.— Несуразно. И как это я сам не догадался, черт бы меня побрал!? Предупредил бы тебя, а там... Хоп, чего сидишь, брат, пошли.

— Куда?— Саша встал.

— Ночь на дворе. Сейчас пойдем ко мне, а завтра... утро вечера мудренее, говорят у русских. Посоветуемся. Халат, скросанный по совету, не жмет в плечах.

— Спасибо, Пулатджан,— сказал Саша и пошел рядом с ним.

В доме секретаря было все таким же, как и у Халимы-хола. В центре двора дерево, под ним супа. В глубине двора дом, кухня, напротив — хлев и сарай для дров, между ними — огород. Вообще-то Попов первое время удивлялся: до чего же скудна фантазия местных жителей, но потом понял, что такая планировка дома и двора диктуется климатическими условиями. При общем сходстве двор председателя сельсовета был более уютным, ухоженным. Но это уже было следствием того, что здесь имелись мужские руки —самого Пулатджана и его тестя, седебородого, но еще крепкого по виду старца, что восседал на супе.

— Прошу, Саша,— предложил председатель, указав за супу,— располагайтесь.— Он крикнул в дом:— Кампырджан, чай ставь, гость пришел!

— Ассалам алейкум, бобо,— поздоровался Попов со стариком.

— Ваалейкум, йнгит,— ответил тот и кивнул,— садитесь.

Саша сел на курпачу, протянул ноги и, как требовали традиции, которые он начал познавать, когда бывал в гостях, спросил:

— Здоровы ли вы, ота?

— Слава аллаху, как сами, сынок?

— Ничего.

— Это друг Тулкуна Якубова, ота,— представил Сашу председатель,— зовут Сашей.

— А-а, так это он приехал к Халиме?

— Да.

— Слышал. Знал я отца Тулкуна, убили кулаки. Бедно жил, совсем бедно. Ну, а как он сам, Тулкун, жив-здоров? Халима хвасталась как-то, что вот, мол, побратим сына приехал ко мне, скоро и Тулкун вернется. Обещала пригласить на той.

Беременная жена Пулатджана принесла дастархан и чайник чая с пиалами. Поставив все это перед мужем, она поздоровалась с гостем. Саша ответил на приветствие. Пулатджан расстелил дастархан перед Сашей, разлил чай в пиалы и, подав одну старику, спросил у него:

— Скажите, ота, у узбеков существует обычай, чтобы чужие люди, вернее дети разных национальностей, клялись быть братьями?

— Испокон веков было. У меня самого был брат, правда, мусульманин, башкир по национальности, да вы его знаете, звали Муратом. Умер в рабочем батальоне, на Урале.

— По-моему, он в МТС работал?— сказал Пулатджан.

— Ага. Слесарем. Хороший был брат, честный. Бывает, что становятся братом и сестрой.— Старик говорил неторопливо и, как бы в такт словам, покачивал головой.— Часто, очень часто вступают в самое близкое родство — матери и сына. А как же иначе?

— И всегда кровью клянутся, да?

— Всяко бывает, это зависит от самих людей. Но одно непременно — вступившие в родство объявляют об этом народу, делают той.

— И даже именами меняются?— продолжал расспрашивать Пулатджан скорее для Саши, чем для себя.

— Не знаю, дорогой, не слышал об этом.

— Вот такое дело, ота,— сказал секретарь,— скажем, один из братьев умер или... вообще пропал, нет его. Что должен сделать другой?

— В старину было так,— ответил тот,— да еще и когда колхозы начали создаваться, этот обычай сохранялся,— если кто-то из родных братьев в семье умирал, Азраил ведь приходит, когда ему заблагорассудится, и если умершим был старший брат, все заботы о его семье ложились на плечи младшего, неженатого. Он и обязан был продолжить род, то есть жениться на снохе.

— Гм,— усмехнулся Пулатджан,— даже если эта сноха старше на двадцать лет?

— Все равно. Я помню, когда тринадцатилетнего мальчика женили на тридцатилетней жене брата. А как же иначе? Племянники для него что родные сыновья, разве можно допустить, чтобы кормил их и растил чужой человек. Это несправедливо!

— Из этого вытекает, Саша,— произнес председатель,— что вы обязаны остаться в Мингтераке. Сын Тулкуна — ваш сын!

— Да. Я никуда не уеду.

— Остальное потом приложится, брат...

Распространение новостей в кишлаке можно сравнить с цепной реакцией. От двора к двору, через дувалы и калитки несутся они, обрастая подробностями и небылицами. Пока Саша спал на суне в доме Пулатджана, о том, что случилось в доме Халимы, узнали все мингтеракцы. А председателю колхоза Аману-тога сообщили еще, что человек, на которого он рассчитывал, кузница-то бездействовала, решил уехать из кишлака. Потому он и появился у Пулатджана рано утром, едва старик, совершив омовение, расстилал коврик на суне, чтобы помолиться. Аман-тога терпеливо ждал, пока бобо завершит свое дело, потом негромко, чтобы не разбудить спящего Попова, поздоровался с ним и, расспросив о здоровье, поинтересовался, как себя чувствует русский парень.

— Под утро заснул,— ответил бобо,— видно, размышлял.

— Да,— согласился раис,— тут не захочешь, так будешь думать. Такой удар обрушил на голову Халимы!

— А что случилось, раис?

— Оказывается, сын Халимы погиб, а этот парень взял его имя, письма писал сюда и вот... сам приехал.

— Гм. Чего это, думаю, зять меня так расспрашивал о наших обычаях? Теперь вижу — без ветра лист не шелухнется.

— Говорят, якобы такое условие перед ним ставил сам Тулкун, ота.

— В таком случае он ни при чем,— сказал старик,— он исполнил то, что требовал сын Халимы. Откуда ему знать о наших обычаях?! Передайте Халиме, пусть не винит парня. Я и сам, при случае, скажу ей.

— Не слышали, ота, не собирается он уезжать из колхоза?

— Наоборот, сегодня к вам хотел идти, раис, работу просить.

— Молодец, настоящий джигит!— воскликнул раис.— А то уж я начал волноваться, ведь столько надежд возлагал на него. Хоп, я пойду в контору, как проснется, пусть заглянет ко мне с Пулатом...

Когда Саша и председатель колхоза отправились к кузнице на окраину кишлака, день только начинался. Долина реки, что лежала далеко внизу, еще утопала в сизых сумерках, а дальние адыры Ббботага и вершины гор напротив уже окрашивались в огненный цвет. Над кишлаком нависала тень высокого холма, округлая спина его была отчетливо видна на фоне голубеющего с каждой минутой неба. Во дворах мычали коровы, блеяли овцы, где-то кричали молодые петушки, как всегда проспавшие рассвет. Гремели ведрами, кое-где из калиток уже выгоняли скот и почти над всеми домами в небо ввинчивались сизые столбики дыма.

— Да,— произнес раис, идущий впереди по тропке,— как-то неожиданно все получилось.

— Если б я знал,— воскликнул Саша и замолчал. Спустя некоторое время заговорил так, словно боялся, что его прервут:— Я бы, конечно, поступил как мужчина, написал бы всю правду. И потом... Никто и нигде меня не ждал, девушка погибла, самых близких друзей тоже прибрала война. Вернуться на прежнее место, значит, обречь себя на вечную пытку. Нет, не осмелился я, раис-тога, Струсил. И растерялся. И тогда, когда хоронил

брата, и тогда, когда вышел из госпиталя. Я отдал себя в руки обстоятельств, хотя, как десантник и разведчик, не имел права этого делать. Но... не знаю, сам не знаю, почему так получилось. И все равно... Я ночь не спал, думал. Решил, что бы не случилось, я обязан довести до дела Фарходджана, сына моего брата, раис-тога. Иначе... Нет, клятвоотступником я никогда не стану!..

— Вот это настоящий поступок йигита, Саша,—сказал председатель, услышав последние слова.—Что бы ни было, вы дали клятву, вы обязаны ее исполнить. За судьбу мальчика вы в ответе, как отец.

— Поэтому я и решил остаться, тога.

Подошли к кузнице. Это было приземистое покосившееся глинобитное здание, убогое, пугавшее людей своей безжизненностью.

— Три года не можем найти её хозяина,—сказал раис.

— Теперь есть,—усмехнулся Саша, представив себя мысленно в роли хозяина этой развалюхи.

— По-моему, печь там негодна,—сказал Аман-тога, толкнув ногой висевшую на одной петле дверь, отчего в помещении поднялась мелкая, горькая пыль. Раис, а за ним и Саша начали чихать.— Со временем построим новую, а пока надо пустить эту и как можно быстрее. На носу — вспашка под озимые, а наконечники омачей затупились, кетмени и лопаты ни к черту, даже негде наточить. А куда без них дехканину деваться?

Меха и печь были сравнительно целыми, даже уголь под железным хламом в углу валялся.

— Нужны ведро, лопата и инструмент, раис-бобо,—сказал Саша, осмотрев кузницу.

— Инструмент весь на складе, я его сейчас же пришлю. И парня дам в помощники, крепкого, чтобы тяжелую работу выполнял. А как загорится огонь у вас, пусть станет молотобойцем.

— Добро,—Саша кивнул.

— Ну, успехов вам, Саша. Зайдите попозже в контору и выпишите все, что нужно вам, а комнату вам приготовят. Хайр...

Спустя три дня мингтерахцы услышали веселый звон наковальни и молота. Они обрадовались этому событию не меньше, чем большому празднику. Каждый понимал, что пуск кузницы сейчас равен новому трактору или комбайну, который бы подарили колхозу. А кроме того, сколько всякого дела по домам колхозников? Кому чай-душ починить надо, кому ведро запаять. Потянулись люди к ней, кто — по делу, а кто — просто так, подышать дымом кузницы.

Саша остерегался, как бы работа не свалила его опять, и, раздувая огонь в горне, решил было не переутомляться. Но как только кузница наполнилась знакомым запахом, забыл обо всем — он чувствовал такой прилив сил, что готов был работать без отдыха, свернуть гору...

VII

Мужчин на ферме, кроме двух мальчишек-пастухов да старика сторожа, не было. Со всем здесь управляются женщины. Что корм задать скоту, что убрать в помещениях, что за телятами присмотреть да коров подоить, — все лежит на их огрубевших за годы войны руках. Оттого и свободного времени у них почти не бывает, а если и выпадает час-полтора, то каждая спешит домой, чтобы хоть что-нибудь сделать еще. Изредка, когда этого времени явно недостаточно и нет смысла идти домой, женщины устраиваются на чорпае под навесом и заводят разговоры о своем житье-бытье. Кто похвастается обновой, что бывало очень редко, кто расскажет о проделках сына или внука, кто пожалуется на мужа или на его родственников, у которых, по ее мнению, слишком длинные носы, — словом, для каждой свое представляется

значительным, и потому разговоры на чорпае разнотемные.

О том, что к Халиме-хола приехал побратим сына, а значит, и ее сын, на ферме знали. Обо всем же, что происходило в ее доме после появления Сашни, рассказывала сама хола, рассказывала восторженно, даже, пожалуй, с гордостью. А вчера — так особенно.

— Удивляюсь я, Зульфия-опа,— сказала она заведующей, сидевшей рядом с ней, разворачивая узелок со снедью,— Сашаджан мой вроде бы и русский парень, неверный, а столько в нем любви и нежности, столько уважения ко мне, матери, только и слышишь «онаджан да онаджан», что, кажется, вырос он в узбекской семье. Надо же, а! Если бы не здоровье, думаю, ни минуты не сидел сложа руки! Ну, что калитка? Пустяк! Приложил он к ней руку, будто от хвори ее излечил. Пусть будет долгой и счастливой жизнь моего второго сына!

— Мужчина,— произнесла Зульфия-хола, кивнув головой и грустно вздохнув.

Ей под пятьдесят. Смуглое, худощавое лицо иссечено густой паутинной морщиной, волосы белы, как снег, а руки большие, как у мужчины, жилистые. Она всю жизнь сама была дояркой, а в сорок втором поставили ее во главе фермы, как коммуниста. И с той поры несет она свою нелегкую ношу молча, терпеливо, никому не жалуется на трудности, ни на кого не старается переложить их. Да и с чего бы ей быть жизнерадостной, если с войны у нее не вернулось трое — муж и два сына-близнеца Хасан и Хусан?! Однако работницы фермы знают, что за этой внешней оболочкой нелюдимости живет в ней добрая, щедрая на душевное тепло женщина. Расспросить с участием о боли, тревожащей чужое сердце, помочь советом, сходить в правление, если возникнет необходимость, решить что-то там, поделиться порой куском хлеба, да и свои прямые обязанности исполнять добросовестно,— на все ее хватает. Потому и души в ней не чают работницы, ис-

сут свои беды и печали ей как матери, старшей сестре.

— Ровня с ровней водится,— сказала она,— твой Тулкун знал, с кем братался.

— Хлев убирает каждый день, а к вечеру польет двор, подметет, да так чисто, что иная женщина позавидует. Придем мы с келли после работы, посмотрим, как у нас дома, и сердце радуется, а Саша все «онаджан да онаджан!»

— Ой, Халима-опа,— весело заметила Шарафат,— вы так расхваливаете своего сына, что, боюсь, уведу я его. А что, парень пригожий, а то, что русский, так наплевать на предрассудки, лишь бы совет да любовь были! Даже лучше, что русский, дети красивее будут, беленькие, с голубыми глазами и черными волосами!

Среди работниц фермы, пожалуй, она самая видная. Среднего роста, стройная, белолицая, кажется, в кишлаке солнце только к ней было милосердным. Глаза у нее большие, как угольки, блестят, губы пухлые, того и гляди, кровь брызнет из них. Густые иссиня-черные волосы сплетены в две тугие косы и небрежно брошены за спину. Платья она носит чуть приталенные, и некоторые старухи осуждают ее за это, мол, так и норовит выпятить свои «прелести». Шарафат — вдова, живет со своей матерью. После того, как пришла похоронка на мужа, она ушла от свекрови к своим родителям. Года полтора назад при прежнем председателе Салимджане пришел по кишлаку слух, что она завела с ним роман, но утверждать это никто бы не осмелился, поскольку не пойман — не вор.

— Вай, Шарафатджан,— воскликнула Халима-опа,— детей мой сын любит больше всего на свете! Целыми днями с племянником своим возится, как клушка с цыпленком. Цыпки вон у него все вывел, отмыл так, что его теперь от городского ребенка и не отличишь. Спасибо аллаху, тысячу раз спасибо за то, что такого сына мне ниспослал, поистине беспредельна его щедрость!

— Ну, что ж, Халима,— сказала Зульфия-хола,— го-

ворят, маленького хвали, а большого — береги. Береги своего сына-то!

— Разве я что пожалею для него, опаджан? Сами знаете, вот он заболел у нас, перепугал всех. Заколола белую овцу, чтобы поднять его на ноги, слава всевышнему, стал поправляться он, румянец на щеках появился, опять кое-что начал по дому делать, хоть я ему и запрещаю это.

...Сегодня же от прежних восторгов и следа не осталось. Только расселись бабы, как Халима-хола начала оханвать Сашу самыми обидными словами. По ее теперешнему утверждению, Саша был добрым и нежным только потому, что хотел, как змея, вползти в ее дом, съесть белую овцу, да прибрать, если удастся, ее сноху, точно в кишлаке других женщин нет.

— Что ни молодуха, то — вдова, — сказала она, обращаясь к отсутствующему Попову, — женись на любой! А то... ишь ты, замахнулся на чужое добро! Мой Тулкунджан, законный хозяин Абад, жив, даже сельсовет об этом знает. Не нужен в нашем доме неверный, из-за тебя все наши беды в доме, чтоб тебе в аду сгореть!

— Может, все же он тебе правду сказал, Халима? — спросила Зульфия-хола.

— Бог с вами, опа, — всплеснула та руками, — лжет он от начала до конца, опаджан! Если бы мой сын, упаси бог, погиб, разве стал он письма писать? Да и похоронку бы прислалли?

— Ну, и куда вы его теперь, хола? — спросила Ша-рафат.

— Выгнала, как собаку, — зло произнесла хола, — остальное меня не касается. Я не обязана содержать каждого...

— Жестоко, хола!

— Ты же собиралась увести его к себе, — огрызнулась хола, — можешь забирать со всеми потрохами, нам он не нужен. Попробуй, попробуй, может, и тебе аллах

даст какую беду на голову! Вот уж я тогда посмеюсь над тобой, милая!

— Не считайте пельмени сырыми, хола!— сказала громко Шарафат.— Ваш аллах уже расщедрился так, что мужа моего забрал, теперь уж все равно, какую пакость он еще придумает. Я буду жить сегодняшним днем. Что проглотила — мое, а что жую, еще неизвестно чье!

— Интересно все же,— спокойно спросила Зульфия-хола, решив прервать возникшую перепалку между двумя женщинами, которая могла привести и к серьезной ссоре,— кто их надоумил обменяться именами в случае гибели одного? Я что-то не слышала о таком обычае.

— Если верить этому дьяволу, предложил мой Тулкунджан,— брезгливо ответила хола,— только я не верю ему, не мог мой ягненок до такой глупости додуматься! Что он, разум свой съел?

— Ну, а если, допустим, все же произошло такое,— сказала заведующая,— то понятно, почему тебе все время шли письма. Ведь он писал письма, да!

— Саша-ака так и объяснил,— ответила на этот вопрос Абад.

— А ты помолчи, бесстыжая,— набросилась на нее Халима-хола,— увидела пригожего уруса и готова забыть о родном муже! Лжет он и все! Я бы на твоём месте, келин, даже мысли такой, чтобы защищать его, не допустила, а ты... Спасибо, уважила мои седины!

Абад смутилась и, отвернувшись, беззвучно начала плакать. Слезы текли по её лицу, и она ничего не могла поделать с ними, то и дело вытирала рукавом. Это были слезы обиды, ведь говорят же, острое слово — рана в сердце. Свекровь ни с того, ни с сего обвинила её бог знает в каком страшном грехе. Разве она, Абад, позволяла думать о Саше иначе, чем как о брате мужа? Никогда. Такое ей и в голову не приходило. Откуда это взяла свекровь? О небо, мало того, что ты мужа отняла,

теперь вот и презрением свекрови хочешь наказать. За что?!

— Ну, вот,— сказала Шарафат,— теперь на невестку свою набросились без всякой причины. Ваш Тулкун не пророк Магомет, вполне мог предложить такое побратиму, откуда тому знать про обычаи, если их даже вон Зульфия-хола не помнит! Я не верю в то, что Саша все выдумал.

— Подол рукавом не станет, а недруг другом,— ответила хола более спокойно. Она и сама поняла, что переборщила с невесткой.— Кто поверит неверному, тот ни на эгом, ни на том свете покоя не найдет, беды будут вечными его спутниками!

— Болтовня это,— разозлилась Шарафат,— завели тут... аллах да аллах!.. Если бы он был, ваш аллах, разве обрек сотни женщин только из нашего кишлака на одиночество? Никто не видел его, а с того света тоже пока ни один умерший не вернулся, даже мулла, чтобы рассказать, какие там порядки! Я бы на вашем месте подумала, хола.

— Возьми к себе его и думай...

— А что, и возьму,— дерзко и серьезно сказала Шарафат.— Да сих пор я шутила, а теперь... И не признаю я никаких ваших аллахов, когда я попаду к ним в лапы, пусть вершат свой суд, а пока жива да молода, буду жить как мне хочется!

— Я после своего Якуба никого видеть не хотела,— ответила хола,— прожила с ним пятнадцать лет и ни одного слова плохого от него не слышала, не то, чтобы... Не слепая, вижу, как иная ради счастья бабского вся в сняхках ходит!..

— Вы пятнадцать лет прожили, а я пятнадцать месяцев только,— сказала Шарафат.— А про вашу Абад и говорить нечего, ей ваш почтенный аллах и того не дал!

Шарафат видела Понова два раза, когда тот с Фарходом приходил на ферму, видела мельком, потому что

он появился в самый пик работы. Он не вызвал в ней особого интереса, мужчина как мужчина, только голубоглазый да русоволосый. После того, как Халима-хола стала нахваливать его, решила присмотреться к нему, а теперь вот, когда она сама настойчиво предлагает взять к себе, подумала, что, пожалуй, сделает все, чтобы завладеть им. «Выйду замуж,— решила она,— рожу ему десять сыновей, самых красивых в кишлаке, и пусть все завидуют мне! А что до сплетен.. Где я живу в конце концов? В Советской стране, значит, люби того, кто сердцу мил!»

-- Не обижайся на Халиму, Шарафат,— сказала ей Зульфия-хола,— у нее тоже сердце в груди, не камень. А что на сердце предет, то и с языка сойдет. Всякому делу свой конец, всякой трудности свой предел, говорят. Пройдет время, и она, может, горько пожалеет о том, что здесь со зла наговорила. Сейчас в ней отчаяние говорит, оно, возможно, каждую из нас изменило бы. Доведись тебе самой такое, как бы поступила?

— Во всяком случае не выгнала человека на ночь глядя!

— Хоп, бог ей судья,— произнесла заведующая и поднялась с чорпан, дав понять, что пора и за дело браться. Она взяла вилы и, направившись в коровник, начала сгребать там навоз с остатками корма в кучки, чтобы потом вынести на носилках. Принялись за работу и остальные женщины. Разговор, только что закончившийся на чорпае, вызвал в душе каждой из них противоречивые чувства. Шарафат решила не откладывать надолго свое намерение и при первом же удобном случае встретиться с Поповым. Абад почему-то вспомнил тот день, когда она, склонившись низко, решила напоить больного Сашу. Теперь ей почудилось, что он в ту минуту посмотрел на нее не как брат мужа, а как мужчина, которому небезразлична женская ласка. Она задумалась и над репликой Шарафат, горькой, но справедливой. Пра-

ва она: аллах совсем скупым показал себя, так мало счастья дал Абад. А ведь и она — женщина!

Почти об этом же думала и Зульфия-хола, которая больше всего жалела Абад. «Правильно я сделала,— подумала она,— справедливо, что после похоронок на сыновей разрешила снохам поступать, как велит им сердце. Выходить замуж, если полюбят кого еще. И не обращаться внимания на пересуды, в конце концов на мирской рот не накинешь платка, но и жизнь не вечна, придет час, когда и я сомкну глаза. Так пусть потом меня никто не посмеет упрекнуть в жестокости и эгоизме. Видно, такая выпала мне доля — лишиться сыновей прежде, чем уйти самой...»

— Моей келин никто не нужен,— словно бы угадав ее мысли, сказала Халима-хола.— Если уж ей суждено, не дай бог, остаться вдовой, то она донесет эту участь до самой могилы, воспитает сына одна, как я.

— Тут ты, по-моему, не права, Халима,— сказала заведующая.— Абад еще молода, ей семейный очаг нужен. Конечно, пусть ей аллах вернет родного мужа, но если Саша сказал правду...

— Неправду он сказал, опа, я ему и на ноготок не верю!

— Что ж, добрые намерения — половина успеха. Но, если ты убедишься в его правоте, постарайся, чтобы у твоего внука был отец, и пусть им будет Саша, твой родной сын. У узбеков испокон веков было так, сестра, если уж старшего брата призывал Азраил, его детей воспитывал младший. И делалось это для того, чтобы дети не испытали сиротской доли. Подумай, Халима.

— При живом-то сыне думать, опа? Вернется мой ягненок, сельсовет зря утверждать не станет!

— Дай нам бог побывать на его тое,— сказала Зульфия-хола, подумав, что сейчас эту женщину ничем убедить нельзя, она будет твердить свое и ни за что не отступит. Потому что у нее состояние такое, видно, как у

каждой матери. Ведь если честно, то и сама Зульфунья-хола долго не могла поверить в гибель своих сыновей, хотя и получила похоронки на них. Съездила в Кашкадарьинскую область, встретила там с вернувшимся фронтовиком, который видел, как снаряд накрыл обоих братьев в окопе, и все равно где-то глубоко в душе жила надежда. Она умерла лишь со временем, сама собой умерла.

— Мед вам на язык за доброе пожелание,— поблагодарила ее Халима-хола. Она чувствовала себя победительницей, ничего разумного не увидев в рассуждениях Шарафат и даже Зульфуньи-опа.

До вечера женщины работали — убрали коровники, а потом корма натаскали в ясли. А там и пастухи привели коров, надо было приниматься за дойку. Халима-хола работала споро и зло, потому своих коров подоила быстро.

— Ты тоже поспеши, кизым,— сказала она, подойдя к снохе, извиняющимся и ласковым тоном,— Фарходжан, наверно, соскучился!

— Хоп, онаджан,— ответила Абад. Она решила не обижаться на свекровь, подумав, что мать можно понять. Ведь она отчитала ее не по жестокости своей, а от отчаяния. Разве сама Абад верит в гибель мужа? Нет. Она верит матери, потому что та всегда была права. Подумала о сыне: «Как ему сегодня жилось у Миршарифа-тога без Саши-ака? И как он чувствует себя, ведь не кушался же!»

Когда Абад пришла домой, сын уже вертелся возле бабушки и все спрашивал, когда же придет Саша-тога...

VIII

Время пролетало незаметно, и Саша, всякий раз размышляя о себе, благодарил судьбу, что она, приведя его в кузницу, избавила от тоски. По вечерам, после ра-

боты, отпустив молотобойца, он допоздна засиживался в ней, чиня ведра и чайдуши, кастрюли, тазы и прочие железные вещи домашнего обихода, которых, к его радости, у жителей кишлака оказалось немало. Узнав о том, что мингтеракский кузнец — мастер на все руки, стали приносить свою посуду и жители окрестных кишлаков.

Секретарь партийного бюро колхоза Курбанов позаботился о том, чтобы все свободное время у Саша было занято любимым делом, он понимал, что работа сейчас ему может заменить все слова утешения. Он поехал в райком партии, побывал в МТС и раздобыл олова, нашатыря, кислоты, бог знает где достал десять листов оцинкованной жести, которую Попов экономно расходовал на латки. Саша и сам побывал в районном центре, встал на учет в военкомате и сдал необходимые документы в милицию для оформления паспорта.

Жил он в одной из комнат гостиницы, собственно, он там спал, а все остальное время проводил в кузнице. Продукты колхоз выписывал ему в достаточном количестве, а Карим, молотобоец, чтобы избавить своего учителя от хлопот по приготовлению пищи, предложил, чтобы он питался в его доме. Саша с благодарностью принял это предложение и все, что ему выписывали, отдавал Кариму, «в общий котел», как он говорил.

В первые дни Саше было больно и обидно за то, что Халима-хола, не разобравшись ни в чем, жестоко обошлась с ним. Но даже и при этом чувство благодарности за ее доброту, конечно, брало в его душе верх. И оно, это чувство, не позволяло ему самому ожесточиться, он сохранял спокойствие и терпение, встречал приходивших к нему людей доброжелательно.

Понятно, что Саша выполнял свою «сверхурочную» работу не даром, но никогда не назначал сам цену, даже речи об этом не заводил. И это сразу понравилось мингтеракцам, мол, парень довольствуется малым. Запла-

тят — хорошо, благодарят чистосердечным узбекским «катта рахмат» — тоже неплохо! Большинство его кланов, конечно, оплачивали труд и чаще всего — то кувшином молока, то свежей лепешкой, то еще чем из продуктов.

Так что в смысле устройства жизни Саша был доволен, но, говорят, живая душа без хвори не бывает. Попов очень остро переживал разлуку с Фарходом, он часто думал о мальчике, вспоминал свои разговоры с ним, как-то по-новому воспринимал теперь его смысленность, которая была следствием все той же войны.

Как обычно, отпустив Карима, Саша и сегодня взялся за починку посуды и вдруг вспомнил, что, уходя из дома Халимы-хота, «прозился» помогать ей всем, что в его силах. «Идиот, товарищ старшина, — выругал он себя мысленно, — неделя прошла с того дня, а что ты сделал?! Стоило ли клясться на крови, если из-за пустяка в общем-то забыть о своих обязанностях?! Устроился сам хорошо, а о родных людях забыл! Пусть ты не сможешь вскопать ни огород, со временем, когда отношения налажутся, а это обязательно будет, ты и это сделаешь, пусть ты не подметешь и не польешь двора, но хоть траву для коровы ты можешь приносить им? Кто тебе это запретит? К тому же, если ты это сделаешь, когда хозяев нет дока...»

И он, отложив в сторону чье-то ведро, раздул огонь в горне и накалил кусок рессорной стали. Без молотобойца работалось тяжело, но он все же к полуночи смастерил удобную косу, приладил к ней ручку и отправился на отдых, решив наточить ее, как бритву.

Ночь была тихая. Кишлак спал. Проходя мимо дома Якубовых, он на минуту придержал шаг и через дувал заглянул во двор. Женщины спали на супе, а Фарход — на своей кровати. Свет луны прорывался сквозь листву дерева, и казалось, что весь двор усыпан золотыми монетами...

На следующий день Саша принес сноп травы и оставил в хлеву. Хола увидела тот сноп и поспешила к брату, мол, не он ли принес. Она и в мыслях не допускала, чтобы Саша это сделал. А Миршариф-тога сразу сообразил, в чем дело, и взял это на себя, да еще и предупредил, что и впредь, при случае, будет приносить траву и на ее долю. «Если сейчас сказать, что траву принес Саша,— подумал он,— эта сумасшедшая баба помчится к нему в кухню и устроит скандал, а парню и так нелегко...» Он решил сходить к нему и договориться, чтобы тот свою помощь оказывал через него, тога. Пусть бросает через дувал тот же сноп травы ему во двор, а уж он сам передаст, чтобы не вызывать пока подозрений у сестры, не злить ее.

У Миршарифа-тога росли одни девчонки, и Фарход всегда был желанным в его семье. Девочки что постарше всегда возились с ним, а теперь вот начали и купать его в теплой воде с мылом. И когда хола зашла за ним сегодня, он сидел на супе чистенький, причесанный. Только когда она подошла к нему, мальчик, как всегда, спросил:

— Саша-тога пришел, момо?

— Нет еще, ягненочек мой.

— А почему?— Он встал и, обвив ручонками ее шею, заглянул в глаза. Казалось, он хотел в них найти ответ.

— Он ведь работает, внучек,— ответила хола и отвернулась,— некогда ему.

— А когда кончит работу, придет?

— Может, придет,— сказала хола. Ей вдруг стало жаль внука, который скучал по сильным рукам Саши, по его ласке. Непрошенная слеза навернулась на глаза и потекла по щеке. Хола смахнула ее рукавом...

IX

С того дня, как Шарафат поспорила с Халнмой-хола на чорпае, мысль повидать русского парня крепла в ней,

а в последнее время так целиком захватила ее, засела в голове, как гвоздь. Но она понимала, что поскольку Саша из городских парней, то к нему наверняка нельзя подходить с мерками кишлака. Однако сама она никогда не бывала в городе, тем более в русском, и не знала тамошних порядков. И потому в ее голове вместе с мыслью о Саше была и другая, не менее важная — решить, каким должен быть ее первый визит к нему. Повод для этого был — дома нашлось дырявое ведро. Размышляя об этом, Шарафат так и не пришла к чему-либо определенному и, наконец, решив, что мужчины в общем-то везде одинаковы и их прежде всего ошеломляет красота не только лица, но и нарядов, стала тщательно собираться. Надела атласные шаровары и сразу два сатиновых цветастых платья с широкими рукавами, причем рукава нижнего она чуточку выпустила, так, чтобы их было видно. Голову повязала шелковым платком с пышными кистями, вытащила из сундука новые калоши и ичиги, натянула их на ноги, а затем предстала перед матерью, хлопотавшей у очага.

— Можно подумать, на той собралась, — заметила та недовольным тоном. Ей, если честно, не нравилась затея дочери. — К твоим нарядам нужно новое ведро, — усмехнулась она, — а не это дырявое, кизым. Не стыдно тебе будет нести такое через весь кишлак, а?

— Я это ведро заверну в твой платок, — ответила Шарафат матери раздраженно, — а на то, что подумают в кишлаке... по-моему, я уже имела честь высказать свою точку зрения и... хватит об этом. Пойду к нему, как на той, пусть все видят!

— А зачем сразу два платья-то, в такую жару? — спросила мать.

— Сколько есть. У других пока ни одного нового нет, а у меня сразу два, пусть видят.

Она взяла испеченную матерью пшеничную лепешку, еще горячую, касу сладкого урюка и, завернув все это

в узелок, прихватила ведро, тоже завернутое в платок, и, пока не успела взойти луна, отправилась к кузнице. Бравата бравадой, а совсем не считаться с мнением земляков тоже нельзя. Говорят же, мир дунет — буря. Шарифат подошла к кузнице и остановилась. Сквозь щели двери пробивался неяркий свет лампы, но привычного звона не слышалось, и она подумала, что зря, видно, пришла, кажется, хозяин уже ушел. И все же постучалась в дверь.

— Войдите, открыто,— крикнул Саша.

— Ассалам алейкум,— приветливо, нараспев произнесла Шарифат и, войдя в помещение, тихонько, но плотно прикрыла за собой дверь.

Саша сидел на низенькой скамеечке и паял чью-то кастрюлю. Увидев нарядную женщину, да еще и красивую, он растерялся, подумал, что, наверно, сама «дочь раиса» пожаловала. Поднялся и почему-то вытер грязные руки о подол фартука, хотя никогда раньше этого не делал.

— Ваалейкум, сестра,— ответил он и предложил гостье табуретку, смахнув с нее тряпочкой пыль.— Пожалуйста.

— Меня зовут Шарифат,— сказала она и села.

— Очень приятно, а меня Саша.

— Я знаю, ака,— голос у нее был немного взволнованный.

— Хорошо. Слушаю вас, Шарифатджан.— Саша не знал, что приставка «джан» означает «родная», и потому, услышав ее, женщина зарделась, ей показалось, что произвела на кузнеца неотразимое впечатление.

— Принесла ведро починить, ака.

— Оставьте, сестра,— предложил Саша,— дня через два зайдете, ведро ваше будет как повос.

«Оставить и уйти,— подумала Шарифат,— значит, не добиться своей цели. А я должна побыть с ним подольше, разговорить его»

— Я бы хотела посмотреть, как вы работаете, Саша-ака. Можно?

— Вы хотите, чтобы я на ваших глазах занялся ведром?— уточнил Саша.

— Да. Ну, можно и не моим. Я просто посмотрю, хоп?

— А злых языков вы не боитесь, Шарафатджан?— спросил Саша, чуть улыбнувшись. Он понял, что ведро для этой женщины только повод, видимо, она пришла за чем-то другим. Зачем? Интересно было узнать.

— Собака лает, а караван идет, ака,— с задором ответила она.— Если жить в страхе перед силетиями, то не надо было и появляться на этом свете!

— Может, вы правы,— произнес Саша и занял свое место.— Ну, что ж, давайте сюда ваше ведро.

Шарафат развернула платок и подала ему ведро, у которого, как и у многих ведер, что приносили ему, текло днище. Саша налил в ведро кружку воды, гвоздиком нацарапал щели, и стал зачищать эти места паждачной бумагой — ширк, ширк, ширк. Свет лампы падал на Попова сверху, и потому его русые, завившиеся от пота волосы чудились Шарафат золотистыми. Густые и ершстые брови его смешно вздрагивали, когда он переводил взгляд с ведра на паяльник или еще на что.

— Саша-ака, может, вы сначала перекусите, а?— спросила Шарафат.— Я вот тут кое-чего принесла вам.

— Спасибо, я уже поужинал.

— Дома?

— Нет, у Каримджана, молотобойца своего.

— Давно, наверно?

— Часа два тому назад.

— Тогда — самое время еще раз подкрепиться, ака. Тут, собственно, ничего особенного и нет.

— Ладно,— согласился Саша, все более удивляясь поведению женщины, необычному, насколько он знал, для кишлака.— Только вы мне составите компанию.

Саша вспомнил, что видел несколько раз Шарафат на ферме и еще тогда отметил про себя, что она резко отличается от своих подруг. И красива, и аккуратна, и вроде... стройнее. Она ему определенно нравилась, но... у него были обязанности перед Абад, для которой он отныне должен был стать мужем и отцом Фархода. «Очень красивая женщина,— подумал он, глядя на нее,— точно яркая лампочка, если долго смотреть, может ослепить». Мгновенья хватило ему, чтобы мысленно сравнить Шарафат и Абад, и еще мгновенья — чтобы прийти к выводу, что при всей своей броскости сидевшая на табуретке проигрывает перед той женщиной, которая в первое утро его приезда поливала двор, и той, что поила его водой, когда болел. Проигрывает в нежности.

— Хоп, ака,— Шарафат расстелила на наковальне платок, в котором принесла ведро и, развязав узелок, поставила на импровизированный дастархан теплую, еще пышную лепешку и касу урюка. Разломала хлеб.— Берите, Саша-ака!

— О-о, урюк.— воскликнул он, глянув на наковальню,— а вы знаете, когда я собрался сюда, врач госпиталя посоветовал побольше употреблять эту штуку, но спутники мои сразу же разочаровали, мол, сезон урюка кончился, придется довольствоваться другим. Оказываются, есть еще?

— Ваши спутники были правы, ака,— сказала Шарафат,— сезон его действительно прошел, но у нас растет одно дерево, плоды которого созревают поздно

— Спасибо, сестра,— сказал Саша и, попробовав несколько плодов, воскликнул:— У-ух, прямо мед!

— Скоро виноград созреет, Саша-ака, яблоки;— не преминула похвастаться Шарафат,— заходите, пожалуйста, ешьте на здоровье. Нас только четверо, мама, я, дочка маленькая и сестренка, так что вполне хватит. Можно б на базар свезти, да не женское это дело.

— А где же ваши мужчины?

— Там, где и все парни кишлака, ака...

— Извините, сестра, приглашением вашим воспользуюсь, зайду как-нибудь.

— Отец рассказывал,— сказала она, польщенная тем, что Саша обещал прийти, а там... можно же оставить и насовсем,— что этот урюк ходжикентский, только где это место, я не знаю. Наверно, далеко?

— Я тоже не знаю,— признался Саша.

— Что ж вы лепешку не берете, ака, она ведь из пшеничной муки?!

— Да? Вы мне прямо царский ужин устроили, Шарафатджан!

— Угощайтесь, Саша-ака.— В ее голосе была нежность, и Попов, незаметно глянув на нее, румяную и красивую, подумал, что в городе она, пожалуй, не знала бы отбоя от поклонников, если ее еще и приодеть соответственно.

Этот взгляд почувствовала и Шарафат, в сердце ее приятно защемило, и она, чуть прикрыв веки, попробовала представить Сашу рядом с собой на улицах Минг-терака. Идут они, вопреки всем правилам, рядом, плечом к плечу, держатся кончиками пальцев за руки, а старухи из-за углов выглядывают и о чем-то между собой говорят, осуждают. От этого ей смешно и не больше. Голова гордо поднята, словно бы она говорит всем — завидуйте, вот мое счастье!

— Скажите, сестра, в чьем саду выросла такая роза?— совсем по-восточному спросил Саша, решив польстить ей.

— Вы как Навои, Саша-ака,— ответила Шарафат и смутилась притворно,— ну вас, ешьте лучше!

Саша расправился с урюком и только было взял в руки отложенное ведро, как дверь распахнулась и раздался звонкий голос, который он мог отличить среди тысячи других:

— Саша-тога, а Саша-тога!

— Фарходджан!—словно бы не веря своим ушам и глазам, воскликнул Попов и, вскочив со скамеечки, бросился к нему. Приподнял мальчика и прижал к груди.— Вот обрадовал, брат, так обрадовал! Ну, спасибо, что пришел, малыш, а то ведь я чуть с тоски по тебе не умер!— Он заметил Миршарифа-тога, стоявшего в тени, и поздоровался с ним:— Ассалам алейкум, тога! Входите.

— Ваалейкум, Сашабек,— ответил тот и вошел в кухню. Увидел Шарафат:— О-о, у вас гостя? Салом, кнзым.

— Ваалейкум,— ответила женщина, собираясь уходить.

— Знаете, как вы меня обрадовали, тога,— сказал Саша,— я вот тут, в кухне, а сердце день и ночь с ним. Уговорите Халиму-хола и Абад, пусть разрешат мне видеться с ним, иначе я умру от тоски!

— Когда человек работает, ему ничего не страшно,— сказал тога.

— Хотите сказать, вычеркнется из сердца?

— Да.

— А зачем? Он ведь мой племянник. Легче ему разрешить прибегать ко мне, а когда все уладится, я и сам...

— Что вы вместе в виду. Сашавой?

— Абад выйдет замуж. Не будет же она всю жизнь вдовой? Вернее, не должна быть! Но и в таком случае Фарход для меня родной человек!

— Саша, вы правду сказали моей сестре!

— Я сам похоронил брата. Не одного его, но и еще нескольких друзей по оружию. Я знаю, где его могила, и обязательно поеду туда, вот только поправлюсь немного. Попробуйте поговорить, тога.

— Ладно, йнгит, попробую.

— Хайр, Саша-ака,— произнесла гостя и выскльз-

нула за дверь. Саша даже не ответил ей, он был занят мальчиком. Он достал с полки два маленьких жестяных свистка и дал Фарходу. Тот дунул, кузница наполнилась тонким и звонким свистом. В знак благодарности Фарход крепко поцеловал Сашу.

— Ты приходи ко мне почаще, брат,— сказал Саша,— я еще тебе не такие игрушки сделаю.

— Даже велосипед?

— А что, сделаю.

— Вот я тогда покатаюсь, Саша-тога!

— Обязательно.— Саша обратился к Миршарифу-тога, чувствуя, что того привело что-то важное.— Что цовенького у вас, тога?

— Я по делу, Саша. Скажите, траву моей сестре вы приносите?

— Не ей, а ее корове, тога. Да, я. И знаете почему? Хола и Абад как угодно могут относиться ко мне, но, как говорят у узбеков, лев по следу не возвращается, а мужчина от слова не отпирается. С Тулкуном меня соединила кровь, и я считаю своим долгом помогать его семье.

— Хорошо, Саша, я не возражаю,— сказал тога,— сердце благородно благодарностью. Но пока время не заглушило в груди моей сестры рану, не надо тревожить ее, пусть заживет. Оставляйте гог сноп травы в моем дворе, просто перекиньте через дувал, а уж я там им сам отнесу. Пусть думает, что это я приношу.

— Хоп, спасибо за мудрый совет, тога!

— Ну, вот и все дело.— Тога поднялся и взял Фархода на руки.— Пора спать, батыр!

— Я не хочу спать,— запротестовал Фарход,— хочу с Сашей-тога остаться, не пойду домой!— Он начал вырываться из рук деда.

— Фарходджан,— сказал ему Саша,— ты хочешь, чтобы я тебе сделал велосипед, а?

— Ага.

— Тогда иди домой, а я поищу колеса. Как найду, приходи за велосипедом, хоп?

— А вы не будете спать, да?

— Ну. Надо же колеса найти.

— Правильно,— поддержал его тога,— кэкой без колес велосипед?

— Быстро найдете, Саша-тога?

— Да. А ты должен спать, иначе не вырастешь!..

...В тот вечер и сам Саша спал особенно сладко...

Х

Наступила осень, постепенно окрашивая листья в багряный цвет, вода в арыках текла прозрачная, как стекло. Земля вокруг кишлака уже вспахана. Вечерами стало прохладнее и уже спать на супе было опасно. Хола и ее семья ложились в комнате. Много воды утекло с того вечера, когда она указала Саше на дверь, но каждое мгновение из всех прошедших дней и почей, казалось, жила в напряженном предчувствии встречи с Тулкуном. Но он не ехал... И она вдруг начала сомневаться в своей уверенности, ведь дни пролетали, а ничего не менялось. И вот однажды решила хола добраться до правды, которая, по ее мнению, была в сельсовете. Она пришла прямо к Пулатджану, вошла в кабинет и, поздоровавшись, села на скамью у стены.

— Ну, Халима-хола,— обратился к ней председатель, когда из кабинета вышел последний посетитель,— как ваше здоровье, благополучна ли семья?

— Спасибо, Пулатджан,— ответила она,— и здоровье наше, слава аллаху, терпимое, и в семье — мир да согласие, жизнь идет. А как вы сами?

— Тоже, хола, терпимо. Слушаю вас.

— Объясните мне, пожалуйста, Пулатджан, почему сельсовет обманывает меня? Сказал, что сын мой придет, а его все нет и нет. Не пешком ли он идет домой?

— Сельсовет никогда не лгал, — ответил председатель твердо, — в Мишгтерак действительно вернулся Тулкун Якубов, он записан уже во всех лицевых книгах, паспорт получил и тоже на имя вашего сына. Для всех нас он Саша, а по документам — Якубов, узбек, уроженец кишлака нашего. Женат, имеет на иждивении сына пяти лет и жену. Не верите мне, справьтесь в конторе колхоза, там он тоже проходит как Якубов.

— Выходит, правду сказал он? — спросила хола, вздохнув.

— Послушайте, хола. Этот парень абсолютно не виноват, зря вы его обидели тогда. Поставьте себя на его место. Откуда ему знать про наши обычаи, если он никогда раньше в кишлаке не был?! Вон мой тесть и то не помнит такого случая, отсюда и вывод — ясно, что именами обменяться предложил Тулкун, пусть земля ему пухом будет. Теперь, хола, хотите вы или нет, а в колхозе будет жить такой человек — Тулкун Якубов.

— Ну, подумайте, Пулатджан, зачем моему сыну предлагать такое, а?

— Откуда мне знать, хола.

— Пусть сельсовет изменит имя этому человеку!

— Гм. Что написано пером, не вырубишь топором, говорят.

— Да, сынок, говорят.

— Во всех армейских документах, даже в Верховном Совете, где ему выдавали документы за ордена и медали, он записан Якубовым. А для того, чтобы те бумаги изменить... сто лет пройдет! Если бы обошлось простой справкой сельсовета, хола... Мой совет вам: будьте благоразумны, хола, не упорствуйте, пусть у вашего внука будет отец. Между прочим, все в нашем кишлаке думают так же. Я слышал, что Шарафатхон зачастила к кузнецу, то ведро, то ложку, как говорится, принесет ему и сидит, сидит там, а чего сидит?..

Да, хола, слышала об этом от брата Миршарифа,

от женщин кишлака. Отнеслась равнодушно, мол, какое мне дело до этого. А теперь вот проснулся в ней протест против самоуверенной, на ее взгляд, Шарафат. «Начала окручивать моего сына, змея. Нет, пока я жива, не бывать этому! Саша брат моего сына, и я не хочу такую сноху, не хочу!.. О аллах,— произнесла она, опомнившись, что назвала Сашу сыном,— зачем мне душу терзаешь-то? То ненавистью ее наполняешь, то злостью, то жалостью! За что мне такие страдания, разве мало пережитого?!»

Побывала Халима-хола и в конторе, чтобы удостовериться в правоте Пулатджана. Рашид-тога, который был там, встретил ее приветливо и, усадив, произнес:

— По всем документам, этот парень — Якубов. Тут теперь даже аллах ничего изменить не сможет. Подумавай хорошенько, сестра, никто из нас на этом свете не вечен, а внук... Негоже, если его воспитает чужой человек, за которого рано или поздно выйдет замуж Абад...

«Уж лучше бы я никуда не ходила,— сама себе сказала хола, устало опустившись на супу,— в груди пустота — ни веры, ни надежды!» Она сейчас проклинала тот день, когда появилась на этой земле сама, тот час, когда война отняла у нее сына, проклинала свою судьбу за жестокость. Но, как рыба жива водой, так и человек жив заботами. Она обязана жить ради внука, ради самой жизни. А Шарафат... Ястреб с ястребом дерется, добыча же ворону достается. Саша приехал к ней, своей матери, она не приняла его и теперь он станет добычей этой вороны?!» Чтобы проведать сына, пришла домой и Абад. Увидела на супе свекровь и спросила с тревогой:

— Что с вами, онаджан, вы бледны, как бумага?

— Устала, кизым,— ответила хола, решив не распространяться о своих мыслях,— сейчас пройдет.

— Может, чаю?

— Вскипяти и сама заодно пообедаешь.

— Сейчас, онаджан.

Абад пошла на кухню, а хола почему-то вспомнила рассказ Саши о гибели Тулкуна. Ведь, кажется, он сказал, что это было летом? Ну, да, летом...

...В кишлаке начинался саратан, время, когда человеку обжигает ноги, а птице — крылья. Ветер саратана жгучий и сухой, словно он дует на землю прямо с солнца. Потому и люди становятся черными, как головешки. Жилось в кишлаке тяжело.

В тот день хола раздобыла где-то немного крупы из пшеницы, натопила ложечку масла из сливок и решила накормить семью роскошным ужином. Миршариф вернулся пораньше и, поскольку своих дома не было, пришел к ним.

— Здоровы ли вы, ака?—спросила хола, убавив огонь под котлом.

— Ничего, а как ты сама?

— Душа болит, ака. Сердце будто бы вылететь из груди хочет. Волнуется оно, места себе не нахожу!

— К «афганцу», видно?— высказал предположение того.

— Нет. Перед тем ветром у меня колотит в груди.

...Абад принесла дастархан и расстелила перед свекровью. Подала ей пиалу чая.

— Привела бы уж и сына,— сказала хола.

— Нет его, онаджан, убежал к Саше-ака.

Хола кивнула. Мальчик тянется к нему, как к отцу родному. Она воспротивилась было, но брат, да и сноха вот уговорили, мол, ничего страшного в том, если мальчик будет ходить в кузницу, не случится.

— Человек чувствует беду,— произнесла хола, отхлебнув глоток чая и ни к кому не обращаясь. Она высказывала мысли вслух:— Он чувствует ее за многие годы, потому что та подает весть. Теперь я знаю, что и сын мой чуял свою беду, знал, что никогда не вер-

нется в свой кишлак, к своей семье. Смерть известила его задолго, а аллах дал разума, чтобы он подумал и позаботился о семье и сыне. Поэтому он и побратался именно с этим русским парнем, увидев в нем, может, схожие со своими, черты характера. Поставил перед ним твердое условие, мол, после войны вернешься ко мне в кишлак и станешь хозяином моего дома, отцом моего сына. А чтобы не переписывать все бумаги, сразу возьмешь мое имя и имя моего отца. Я вырос без отца, ты — тоже сиротой был. Между нами стоит судьба Фарходджана, пусть, брат, он не испытает доли сироты. Так думал мой сын, мой ягненочек, мудрый, как старец!..

— О чем вы, онаджан?— испуганно спросила Абад. Ей показалось, что свекровь ходит с ума.— Может, я позову доктора?

— Я устала, келин, а говорю... Сама не знаю, что происходит со мной, душа разрывается на части. О аллах,— хола упала на курпачу и горько расплакалась.

— Онаджан, онаджан, что же мне делать,— бросилась к ней Абад с пиналой остывшего чая,— выпейте вот, что с вами, онаджан?

— Ничего, кизым,— сказала хола, выпив чай,— здорова я, в своем уме, просто душа, сердце мое обливается кровью... Ладно, иди на работу и не волнуйся. Время коров донть:

— Сейчас, онаджан,— сказала Абад и в тени дома поставила кровать сына, постелила постель.— Идемте туда, полежите немного. Я быстренько управлюсь и вернусь. И ваших коров подою, онаджан, только вы не болейте на радость нам с Фарходом, хоп?

Сноха так суетилась, устраивая ее получше на кровати, так переживала, даже побледнела, что хола подумала о словах Рашида-тога. Действительно, она, хола, не вечна и, наверное, не имеет права обречать такое

юное, любящее существо на одиночество. «Нет, Шарафат,— сказала она мысленно,— не видать тебе моего сына!..»

XI

Кузница в кишлаке такое же оживленное место, как и контора колхоза. Больше того, если в конторе народ собирается только утром и вечером, здесь же людской поток нескончаем целый день. С тех пор, как кузница открылась, Саша, пожалуй, не помнит случая, когда бы он и Карим оставались одни, обязательно присутствует еще кто-то, а то и несколько человек сразу. Чаще всего здесь бывают рядовые колхозники, люди простые. Общение с ними позволило Саше быстрее и ближе познакомиться с правами кишлака, отношениями людей между собой, которые поначалу казались ему такими же непосредственными, как и среди детей. Позже он понял, что за внешней этой непосредственностью кроются чистота помыслов, честность и добропорядочность. Редко случалось, чтобы кто-то пытался схитрить или выгадать. Еще он понял главное — кишлаку несвойственны половинчатые решения, неопределенность, он не приемлет так называемой золотой середины, его принцип — «да» или «нет».

Поэтому к настойчивым предложениям Шарафат «отведать самого сладкого в Мингтереке винограда» Саша стал относиться осторожно, хотя вначале ничего не имел против. Как бы то ни было, размышляя Саша, он — Тулкун Якубов, и у него — официально, по документам — есть жена и сын, и прими он приглашение красавицы, жители кишлака воспримут это как наличие у него серьезных намерений, и потом, попробуй, докажи, что ты не верблюд. Не зря на пашне курдюк лежит, думает волк. Не зря кузнец пошел в дом Шарафат, подумают люди, и эта мысль, конечно, оставит неприятный осадок, тогда как сейчас они в нем души не чают.

А как же?! Человека, попросту говоря, выгнали из дома, а он, верный своему слову и долгу, не оставляет тот дом без внимания, траву косит, мальчонку одаривает гостинцами, как ни поедет на базар, так привезет ему что-то из одежды или обуви. Все знают, что он сделал бы еще больше, если бы не гнев Халимы-хола. Пойдет Саша к той женщине, бросит вызов всему кишлаку. Так нельзя, верность одному, верность тысяче.

Правда, Халима-хола в пылу гнева раструбила по кишлаку, что она не признает Сашу сыном и вообще — родным человеком, но ведь гнев плохой советчик разуму. Это знали все мингтеракцы и потому ее слова всерьез не приняли, были убеждены в обратном — хола со временем поймет свою ошибку. А этот русский парень ведет себя примерно, как настоящий брат узбека. И такое мнение земляков не имел права Саша омрачить недостойным шагом.

Председатель колхоза Аман-тога в кузницу захаживал редко, в неделю раз, а то и еще реже. Да и что там ему было делать, если она работала хорошо, все что необходимо хозяйству, выполнялось в первую очередь и на совесть, как говорится. Поэтому если и посещал ранс кузницу, то затем, чтобы справиться у Саши о делах, мол, не нужно ли чего. Вчера Аман-тога тоже зашел к нему, видать, уже шел из конторы. Саша в это время прилаживал последнее колесо к самодельному велосипеду, а Фарход сидел на скамеечке, затаив дыханье, ждал минуты, которая, наконец, даст ему заветное. Аман-тога поздоровался, спросил о здоровье, делах. Саша ответил ему традиционно и предложил табуретку.

— Что это вы мастерите, Сашабек?— спросил ранс, сев.

— Велосипед племяннику, ранс-бобо. Да вот тяжелый он получился, черт возьми, надо бы из трубок, а где их взять?

— Гм. Сделаете одному, все ребятишки кишлака повалят к вам!

— Не повалят. Люди-то поймут, что сделал я эту штуку для своего племяша, а он у меня — один пока.

— Племяш?

— Ну.

— Сын!

— По бумагам, раис-бобо.

— Не только по бумагам, Саша. Мингтерак считает этого батыра вашим сыном.

— Спасибо кишлаку, что он так считает, но этого все-таки мало, тога.

— Да-а. Но ничего, терпение открывает запертые двери. По-моему, в сердце Халимы лед тронулся, просыпается настоящее материнское чувство.

— Оно, чувство, в сердце матери всегда было,— сказал Саша.— Виноват во всем, наверно, я, если разобратся по существу. Прежде чем брать фамилию и имя брата, мне надо было честно обо всем написать ей и, получив согласие...

— Почему же не сделали?— перебил его раис.

— Не знал.

— Вот именно. Значит, вашей вины нет. Сашабск.

— Почему вы решили, что в сердце моей матери лед тронулся, тога?— спросил Саша.

— Вообще-то об этом не стоило пока рассказывать,— ответил тот,— но, думаю, если вы узнаете, это поможет вам в дальнейшем.

— Тогда...— Саша поставил колесо на место, посадил мальчика на велосипед и показал ему, как нужно управлять им. Тот попробовал, но с трудом сдвинул его с места. Однако с велосипеда не слез.— Если не возражаете, я отведу малыша домой? Я мнгом. раис-бобо.

— Хоп.

Саша отвел Фархода к Миршарифу-тога и, вернувшись, устроился на своей скамеечке.

— Слушаю вас, раис-бобо.

— Мы мужчины и можем себе позволить откровенность, Саша, не так ли?

— Конечно.

— Тогда скажите, как далеко зашли ваши отношения с Шарафат?

— Никуда они не зашли, тога, пока моя семья не отвернется от меня на миру, как говорится, я буду жить так же, как и до сих пор. Но вы все спрашиваете меня, хотя обещали сами что-то рассказать.

— Да. Только что я встретился с Халимой. Гнева в ней, скажу, не меньше, чем в прошлый раз, когда она... думаю, помните?

— Опять на меня?

— Нет, на этот раз на Шарафат. Не знаю, о чем уж они говорили на ферме, только Халима сказала мне буквально следующее: «Уймите эту бабу, раис-бобо, нет такого обычая, чтобы она при живой матери заманила в свои сети ее сына! Саша — мой сын, и я не желаю, чтобы он женился на вдове, когда полный кишлак нецелованных девушек. Да и перед Абад у него есть обязанности. Чтобы он пошел к Шарафат, нет моего благословения, раис-бобо!» Вот такие дела, Сашабек. Все же свой двор лучше чужого двorca, не забывайте.

— Спасибо, раис-бобо. А о том, что вы говорите, помню я. И ничего неразумного себе не позволю, пока... Абад не выйдет замуж.

— Она уже замужем, вы ее муж, — сказал раис.

Саша грустно покачал головой:

— Никто я ей, тога... Странно у вас тут рассуждают, раис-бобо, никак не могу взять в толк.

— Чего уж тут непонятного?! — удивился председатель.

— По-моему, все. Женят меня так, будто... Не по-

нимаю... Как я могу считать Абад своей женой, если нет любви? Не о себе речь, если откровенно, раис-бобо, о ней... Вот ее я понимаю. Первая любовь у нее — Тулкун, тот, а не этот, сидящий перед вами. Будь я на ее месте...

— Вы что, говорили с ней уже?

— А что это даст?

— Поговорите все же, Саша.

— Мне стыдно, тога. Пусть останется как есть. Помогать семье — мой сыновний долг, и я от него никогда не отрекусь. Сделать все, чтобы малыш ни в чем не нуждался, и главное, в мужской ласке, — тоже моя обязанность. А остальное, тога, вверим судьбе.

— Но вы же законный муж Абад! — воскликнул раис.

— Может, и законный, но надо, чтоб и по совести, и по любви. И... хватит об этом, Аман-тога. У меня ведь в груди тоже сердце!

— Что ж, поступайте, как оно вам подсказывает, йигит. А теперь... идемте ко мне в гости, посидим, поговорим о делах, чайком побалуемся, может, моя кампыр угостит еще чем...

От раиса Попов ушел поздно. Он был рад, что принял приглашение, потому что многое узнал от него о своих земляках. Аман-тога рассказывал о них обстоятельно, где серьезно, а где и с юмором, но во всех случаях — тепло. Он сдержал слово и ни разу не упомянул о Халиме-хола и ее семье. Лишь когда Саша уходил, шепнул у калитки:

— С Абад все же надо поговорить...

XII

— Ассалам алейкум, Саша-ака, — чуть слышно, не переступая порога, поздоровалась Абад.

Иногда, когда Миршариф-тога задерживался и ни-

кого из его дочерей не было дома, а Саша, увлекшись делом, забывал вовремя отвести Фархода, Абад забирала сына сама. Приходила она в кузницу неохотно, потому что не все рты пока мечут жемчужины, а слово, оно хоть и выходит из тридцати зубов, да тридцать родов обходит. Однако и иного выхода тоже не было, не ей, так свекрови идти.

— Ваалейкум, сестра,— приветливо ответил Саша. Вместе с Фарходом он сидел на скамеечке и распраз- лялся с янтарной кистью винограда.

Совет председателя Саша, подумав, нашел разум- ным. В самом деле, говорят, что без худа добра не бы- вает, а без добра — худа. Хуже, чем есть, быть не мог- ло, а разговор с Абад, естественно, не оставил бы места неопределенности в его отношениях с семьей. Рано или поздно ему предстояло такое объяснение, так пусть уж лучше раньше! Придя к этому выводу, Саша решил, что в первый же вечер, когда она появится в кузнице, по- говорит с ней, тем более повод, как он считал, пред- ставлялся веским — надо же узнать, что там произошло на ферме.

— Войдите, Абадджан,— предложил он ей и указал на табуретку,— сядьте, пожалуйста, вот сюда. Нам нуж- но поговорить, сестра.

— О чем, Саша-ака? — спросила она, однако с места не сдвинулась.

— Да вы сядьте сначала, Абад,— произнес Саша.— Разговор серьезный, и мне не хотелось бы громко... Прошу вас.

— Не бойтесь, онаджан,— подал голос и Фарход,— Саша-тога хороший, всех, кто сюда приходит, он са- жает туда. И никто еще не упал.

— Хоп, сынок,— согласилась Абад и рассмеялась. Она вошла в дверь и села на табуретку, спрятав, как обычно, половину лица платком. Только глаза и были открыты, но и те смотрели вниз.

Саша встал, посадил Фархода на свою скамейку и закрыл дверь кузницы.

— Чтобы кто ненароком не увидел,— сказал он тихо. С тех пор, как он тогда, больным, ощутил тепло и нежность ее руки, Саша не мог забыть тех минут. Они напоминали о себе, заставляли грустить и тосковать.

Абад молча ждала. Она подумала, что Саша вот так же, видно, закрывает дверь, когда приходит Шарафат, и, наверно, произносит те же слова. Но сама же не поверила этому, просто не поверила, и все.

Было уже темно, тусклый свет семилитровой лампы выхватывал из тьмы кузницы только небольшую площадку, где размещались горн и наковальня.

— Что у вас случилось на ферме?— спросил он.

— Ничего, Саша-ака.

— Какая-то женщина обижает мою мать, а я не знаю об этом, сестра! Почему мне никто не сказал?

Абад промолчала. Она вспомнила тот день. На обед, как всегда, женщины расположились на чорпае, и Халима-хола, как бы между прочим, завела этот разговор. Спросила у Шарафат:

— Ну что, джаным, кажется, дело к свадьбе идет?

— К какой свадьбе?— будто не понимая, о чем речь, удивилась та.

— Да ты что,— усмехнулась хола,— весь кишлак говорит об этом, а она ничего не слышала!

— О чем, Халима-хола?— Казалось, Шарафат издевалась над ней.

— О том, что ты моему сыну, дочь ослицы, покоя не даешь,— не выдержала Халима-хола,— прилипла, как инявка и...

— Вы о кузнице, что ли?— невозмутимо заинтересовалась женщина, пропустив мимо ушей оскорбительное «дочь ослицы».

— Да,— подтвердила Халима-хола.

— Это не ваше дело,— произнесла Шарафат с вы-

зовом,— это во-первых! Мое личное. А во-вторых... помнится, Халима-хола, вы вот с того же места совсем недавно проклинали этого парня самыми обидными словами, отмахивались от него руками и ногами, а теперь... мой сын! Какой он вам сын-то? Он — кяфир, а вы правоверная мусульманка.

— Саша — побратим ее сына,— заметила Зульфия-хола,— значит, и ее сын, по обычаю нашему, неужели ты забыла об этом?

— Сыновей не выгоняют из дома, как собак,— огрызнулась Шарафат.

— Выгоняют, если заслужили,— сказала Халима-хола,— но даже и при этом они остаются сыновьями. Поймешь, когда дочь вырастет!

— А ну вас,— сказала Шарафат зло,— разве старух переспоришь?! Будет или нет у нас свадьба, никого не касается! Может, мы обойдемся без нее, просто перейдет он в мой дом жить и все! Тяжесть от еды, тяжести от родни, говорят. Будет он подалее от вас, поспокойнее почувствует себя, уж я об этом сама позабочусь!

— Когда речь идет о сыне,— сказала Зульфия-хола,— не надо забывать о приличиях, джаным. Даже если ты и сумеешь вскружить голову Саше, без родительского благословения счастья тебе не будет!

— Халима-хола сама отказалась от него,— воскликнула Шарафат,— мало того, она предложила этой «дочери ослицы» поступать с ним, как ей будет угодно. Вот я и поступаю...

— Стучись даже в открытую дверь, говорят. Когда человек разгневан, может что попало нагородить языком, но гнев проходит...

— Может быть, но мне все же непонятно, к чему весь этот разговор? Саша-ака и я... мы оба одиноки. И если мы сумеем положить свои головы на одну подушку, что в том преступного?

— У Саши,— сказала Халима-хола,— есть сын и жена, об этом даже сельсовет знает. А два арбуза под мышкой нельзя удержать. И разговор наш к тому, чтобы ты не брала грех на душу.

— Действительно,— добавила Зульфия-хола,— одним ножам два ножа не нужны. Даже прах соперницы соперничает, говорят. Зачем это тебе?

— Если он женат, да еще и сын есть, почему не привезет их в кишлак?

— Всеу свое время,— ответила Зульфия-хола,— а тебе мой совет: оставь в покое парня. Паряжаешься, словно на той, а идешь туда, где копотн много, ведь запачкаться не мудрено.

— А в ваших глазах я уже давно...— Шарафат хотела сказать «смешана с грязью», но промолчала. Затем добавила:— Так что все равно теперь. Если бы сердце Саши-ака... я бы, конечно, не посчиталась с вашим мнением и обычаями, а так... я и сама больше не хочу ходить к нему!

— Слава аллаху,— вздохнув, произнесла Халима-хола,— что дал разума моему сыну!..

...Саша помолчал немного и повторил свой вопрос:

— Ну, так что там случилось, Абад?

— Мы пойдем, Саша-ака,— сказала она, поднявшись,— поздно, мама, наверно, уже вернулась, а я даже чай не вскипятила.

— Хоп, не хотите — неволить не буду. А теперь внимательно выслушайте меня. Еще пять минут, сестра.— Она села, и Саша продолжил:— Жизнь — такая штука, что не считается с нашими желаниями, часто поступает вопреки им. Я очень хотел, как уже однажды говорил и повторяю сейчас, чтобы смерть унесла меня, потому что по всем статьям у него было больше прав жить,

чем у меня. Я сирота, если бы и погиб, ничего страшного, был человек, и нет его. А у него — мать, вы, вот этот батыр, ради вас он обязан был жить. Но судьба отпустила ему короткий век, сестра, она соединила меня с ним кровью и все обязанности возложила на мои плечи. По бумагам я — Тулкун Якубов, вы — моя жена, а Фарход — мой сын, естественно. Я понимаю, что с этим трудно смириться сейчас, может статься, что и всю жизнь вы не решитесь назвать меня своим мужем. Мы — люди, и как люди имеем право на свои слабости. Я не обижусь, если вы отвергнете меня. Только имейте в виду, что до тех пор, пока вы не выйдете замуж, я не женюсь!

— Я никогда не выйду замуж, Саша-ака.

— Что ж, видно, и мне судьба не дала семейного счастья, Абад. Будем растить Фархода вдвоем, как брат и сестра. Только ради бога, не вините меня ни в чем. В том, что все это вышло так нелепо... если бы я знал?!

— Я не виню вас, Саша-ака. И мама не винит!

— И вам, и матери — спасибо! Я ее сын и ваш брат, и пусть меня покарает бог, если я хоть в малом не останусь им!

— Спасибо и вам, ака,— сказала Абад и позвала сына,— пошли, Фарходджан, бабушка заждалась уже тебя.

— И Саша-тога пойдет, да, онаджан?— спросил ее сын.

— У меня еще дел много,— ответил за нее Саша, видя, что она вроде бы растерялась от этого прямолинейного вопроса.— Я приду потом.

— Дело, дело,— с досадой произнес Фарход,— вы всегда так, тога. Надо же и домой идти, нам же боязно одним!

— С тобой, сыночек, нам совсем не страшно,— сказала Абад, подняв его на руки.— Хайр, Саша-ака!

— Добрай ночи, сестра. Будь здоров, батыр. Приходи завтра, а то я начну скучать.

Они вышли из кузницы, и вскоре звук их шагов поглотила тишь ночи.

Саша вышел следом за ними. Ночь была ясная и холодная, в густо-синем небе мерцали огромные звезды. Пахло прелью заквашенного в глине самана — кишлак готовился заливать крыши к зиме. «Надо привезти саману и замесить глины,— подумал Саша,— кто, если не я, залет крышу дома матери?» Он шел по тихим улочкам кишлака, а на душе было легко, точно снял он с нее тяжелый камень. И настроение было приподнятым...

— Где вы так долго пропадали?— спросила Халима-хола, когда Абад с сыном вернулись домой.

— За Фарходом ходила, онаджан.

— Я говорю «долго»,— проворчала хола.

— Вы же внука своего знаете, онаджан, не хочет уходить от дяди, и все.— Она решила умолчать о своем разговоре с Сашей, чтобы не волновать попусту. В первый раз в своей жизни она не сказала матери правды и потому чувствовала себя как-то неуютно, будто застали ее на месте страшного преступления.

— А как Саша-тога закончит свое дело,— объявил Фарход,— так и придет к нам, момо. Он будет спать только со мной!

— Хоп, ягненочек мой, хоп,— ответила хола...

XIII

На этот раз Фархода привел домой Миршариф-тога. Вместе с ним он принес тугой узелок, который отдал сестре:

— Это — вам!

— Что тут?— спросила хола.

— Развяжи, увидишь, Саша с раисом вчера ездил

в Термез, ну, и кое-что, говорит, по мелочи купил вам на зиму. Садитесь, милые, посмотрим вместе.— Он подождал, пока хола и Абад сядут за сандал, и развязал узелок.— Та-а-ак. Это бумазея, скорее всего тебе на платье, Халима. А этот сатиновый отрез, конечно же, для келин. Та-а-ак...— Он неторопливо выкладывал вещи.— Брюки, пиджачок и ботиночки для Фархода. Две пары новых калош — вам обеим. А это что?— Он развернул женское пальто.— Для Фарходджана пока оно великовато, а вот для Абад — в самый раз, значит, это ее. Ну-ка, келин, примерь-ка!

— Потом, тога,— сказала Абад и покраснела. Ей очень хотелось примерить это темно-синее драповое пальто с меховым воротничком и накладными карманами, точно такими, как у учительниц в школе, но что-то удерживало. Позже, когда она еще раз вернулась к этой мысли, решила, что постыдилась свекрови.

— Примерь, келин, не ворованное же!— громко сказала Халима-хола, разглядывая калоши.— Совсем новые, ака, не ношенные даже! Где он их достал?

— Деньги есть — шурпа в пустыне,— ответил тога и, взглянув на Абад, стоявшую посреди комнаты в новом пальто, воскликнул:— О-о, какая ты! Застегни-ка пуговицы.— Когда она застегнула их, причмокнул:— Как раз по тебе сшито, келин!

— Какая ты красивая, онаджан,— сказал Фарход, уже натянувший на себя костюмчик и ботиночки.— Самая красивая в нашем кишлаке!

— Правда, хорошо, келин,— сдержанно, но явно с радостью сказала хола.

— Главное — тепло,— заметил тога, продолжив свое дело.— Вот вам три пары шерстяных носков. Маленькие для Фархода, а эти — тебе, сестра, да Абадхон. И еще вот отрез сатина, видно, на шаровары.

— Сколько же все это стоит, ака?— спросила хола, складывая вещи на скамейку.

— Не я же покупал, но, наверно, недешево.
— Сумасшедший, тысяч пять, поди, заплатил?!
— А чего ему с деньгами делать-то?— сказал то-
га.— Хорошо, на его счастье, вы есть, а то бы мучался,
не зная, куда их истратить!

— Себе-то он что-нибудь купил?

— Не спросил, Халима.

— Эх, тога, вы всегда так,— с искренним сожа-
леньем произнесла Абад,— разговаривали с Сашей-ака
и даже не поинтересовались! Зима ведь и для него
зима!

— Если б я знал, что в этом узелке? Дал он мне
его, когда я уже уходил, сказал только: «Семье на
зиму».

— Так и сказал «семье», ака?

— Он вас и считает своей семьей, а как же иначе?

— В нем доброты столько же, сколько в моем род-
ном сыне, ака. Может, и вправду Тулкунджан переселил-
ся в него, а?

— Это надо там спросить, Халима,— ответил тога,
кивнув головой вверх,— аллах тебе его дал, он сущест-
во предусмотрительное, так что все и... Я сам вот, глядя
на Сашу, удивляюсь: что он, что твой Тулкун — одно
и то же!

Абад тем временем прикидывала в уме, во сколько
обошлись Саше эти покупки, и, когда подсчитала при-
мерно, ужаснулась: «О аллах, он ведь все свои деньги
потратил!» Спросила у свекрови:

— Онаджан, помнится, Саша-ака давал вам деньги?
Вы их вернули ему?

— Когда, кизым? Я же за три тысячи купила белую
овцу, взамен той, а остальные лежат вон. А что?

— Думаю, если Саша-ака ничего себе не купил,
может, когда тога поедут на базар, возьмут ему что из
одежды, а?

— Лучше я передам ему деньги,— предложил то-

га,— пусть сам покупает, что необходимо, а так... купишь, а они велики или малы!

— Все равно, но отблагодарить его надо, онаджан,— сказала Абад.

Она все еще стояла посреди комнаты, теперь уже надев носки и новые калоши, и бросала едва заметные взгляды в зеркало, что висело на стене. То подходила к нему незаметно, то отдалялась, чтобы увидеть, как смотрятся калоши. «И я хочу оставить ее навек вдовой?!— подумала хола, исподтишка наблюдая за снохой.— О аллах, прости меня!»

— Саша и так обойдется,— вдруг небрежно сказала хола,— он мужнина, его и работа согреет!

— Ой, онаджан, разве так можно?— воскликнула Абад с досадой, которая граничила с болью в душе.— Он же ваш сын!

— Потому и говорю так, что сын. Он обязан!

— А мы?

— У нас, видишь же, возможностей нет никаких пока, келли.

— Тогда я это пальто верну Саше-ака, носить стыдно!

— Перед кем?— спросил тога.— Перед кем стыдно? Перед кишлаком?

— Перед собой, тога...

Дважды ухнуло во дворе, показалось, что кто-то бросил на землю большие мешки с песком. Хола вздрогнула:

-- Что там, ака?

— Сейчас посмотрю.— Он встал и вышел из комнаты.

— Ладно, дети мои,— сказала хола,— снимайте свои обновы и пора ужинать. А носки-то, как печка!

— Я не буду раздеваться,— сказал Фарход и забрался за сандал.

— Ботиночки хоть сними, сынок,— сказала Абад и,

и подбежав к нему, разула, хотя он и хныкал.— Там же угли горячие, подошвочки сгорят!

— Завтра же пошью платья, келли,— сказала хола,— и на зависть всему кишлаку будем ходить в них! Пусть все знают, какой у меня заботливый и благородный сын!

Со двора послышались глухие мужские голоса.

— Кто-то пришел к нам, келли.

Абад приоткрыла дверь, прислушалась к разговору и ответила:

— Кажется, это ваш сын Саша-ака и его молотобоец Карим?

— Так надо позвать их сюда!

— Я позову,— вскочил Фарход и, нацепив на ноги бабушкины кауши, побежал во двор.— Ур-ра-а, Саша-тога пришел!— Вернулся и сказал бабушке:— Сейчас придет, момо, только глину с дядей Каримом замесит и придет!

— Да ведь холодно там,— сказала хола и поднялась сама. Вышла к мужчинам.

— Ассалам алейкум, онаджан,— поздоровался с ней Саша.— Извините, что потревожил вас, но вот... надо бы крышу залить, подумал я, и решил глины замесить. Днем мне некогда, ну и...

— Холодно же, Сашаджан.

— Ничего, бывало хуже. Я крепкий... Когда люди придут на хашар, чтобы все готово было.

— А когда они придут, сынок?

— Послезавтра. Вы отдыхайте, пожалуйста, мы тут с Каримджаном все сами сделаем.

— Миршариф поможет,— сказала хола.

— Мне, Халима, на собрание в контору пора.

— Идите, тога, управимся мы,— сказал Саша и, набрав воды из колодца, выплеснул на тот участок, что сам и вскапывал.

— Правильно,— одобрил тога,— залыют водой и за-

сыпят саманом, а завтра вечером хорошенько если перемешают и опять залиют...

— Мы так и собираемся сделать, тога,— сказал Саша. Повернулся к Халиме-хола:— Шли бы, онаджан, домой, да и батыра вот забрали. Холодно.

— Я не замерзну, тога,— подбежал к нему мальчик,— я же одет!

— Хоп, соберу пока дастархан, а ты, внучек, не отпуская дядю,— сказала хола и направилась в комнату.

— Не отпущу, момо...

Сразу после работы Карим ушел домой, мол, поздно уже, а Фарход, завернутый бабушкой в старый ватный халат, дождался-таки своего часа. Только Саша помылся, он подбежал к нему и, взяв за руки, повел в комнату. «Уйдешь,— подумал Саша,— начнет плакать». И подчинился, вошел в комнату, поздоровался с Абад и, разувшись, сел за сандал, у стены.

— Не обижайтесь, онаджан,— сказал он тихо, не поднимая глаз,— я исполняю долг брата.

— Спасибо, Сашаджан, что ты не держишь зла на меня, не забываешь мать и семью. За все спасибо, сынок. Мы так рады твоим покупкам, что и не знаем, какими словами тебя благодарить!

— Я обязан, онаджан.

— Хоп, пей чай, пока не остыл. Поди замерз?

— Не очень.

— Я сегодня буду спать с Сашей-тога,— объявил Фарход. Он сидел рядом с ним, серьезный и, кажется, повзрослевший.

— Что ты, сынок,— сказала Абад,— у Сашин-ака есть свой дом!

— Дом Саши здесь,— сказала хола тоном, не терпящим возражения,— сегодня и до конца жизни! И никуда он больше не пойдет!

Абад промолчала. Молчал и Саша. Но, поужинав, он все же стал вылазить из-за сандала.

— Пора мне, анаджан. Завтра дел много.

— А с кем я спать буду, Саша-тога?— спросил кле-
завший уже носом Фарход.— Не отпущу, и все!

— Сядь, Сашаджан,— сказал хола,— и послушай ме-
ня, старую. Я женщина набожная и, может, что не так
скажу, так уж не осуди, матерям прощают их глупости.
Так вот, сынок, аллах, отобрав у меня одного сына, дал
тебя. Я ему благодарна за это, потому что он позаботил-
ся, чтобы в конце моего пути было кому отнести меня
на кладбище и похоронить по обычаям Мингтерака. А
сегодня.... мне нужен сын, внуку — отец, а дому — твои
мужские руки. Вот мое слово, Сашаджан!

— Спасибо, мать,— сказал Саша и посмотрел на
Абад,— и все же...

Она не отвечала долго. Так долго, что стало и не-
ловко. Уже и мальчонка заснул на руках у Саши, а
она все молчала, низко опустив голову. Саша поднялся,
уложил Фархода в постель и начал собираться.

— Фарходжану нужен отец, Саша-ака,— чуть
слышно произнесла она. И беззвучно заплакала.

...Волны широкой полноводной реки катятся плавно,
порой кажется, что они вообще остановились. Недалеко
от бетонного моста, на краю березовой рощи, стоит бело-
мраморный обелиск с пятиконечной звездой. На плите
золотом высечены имена семи десантников и среди них—
гвардии сержанта Александра Попова. У этого моста
часто останавливаются экскурсионные автобусы, и гиды
в подробностях рассказывают о подвиге советских сол-
дат, захороненных под памятником. И не преминут
добавить:

— В Узбекистане, в самой его южной области, живет
и работает председателем Мингтерацкого сельского со-
вета Тулкун-ота Якубов, отец десяти детей, бывший
храбрый воин-десантник. Он был участником того памят-

ного боя и то, что вы сейчас слышали, записано с его слов.— Подчеркнут еще и такую деталь:— Вот уже тридцать лет в год один раз Тулкун-ота приезжает сюда, чтобы помолчать и возложить букет полевых цветов на могилу боевых товарищей, один из которых, гвардии сержант Попов, был его родным братом. Раньше он навещал это место вместе с сыном Фарходом. Ну, а потом, когда мальчик подрос, стал курсантом военного училища, то стал приезжать сюда самостоятельно. Он и в нынешнем году уже был тут, командир подразделения десантников, подполковник Фарход Якубов...

СОДЕРЖАНИЕ

Саратан	3
Побратим	125

Азад Авликулов

САРАТАН

Повести

Редактор А. Липкина
Художник Б. Хайбуллин
Художественный редактор Д. Цирин
Технический редактор Е. Потапова
Корректоры В. Кива, Т. Красильникова

ИБ № 311

Сдано в набор 9/II—78г. Подписано в печать 6/V-78 г. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 6,75. Усл. печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 15000. Р 09508. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, ул. Навои, 30. Договор № 235-77.

Отпечатано с матриц, в типографии № 3 Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли в типографии № 3 на бумаге № 1. г. Ташкент, ул. Хорезмская, 9
Заказ 1325 Цена 75 к.